

ИННОВАЦИОННАЯ
ШКОЛА

ФГОС

А.В. Гулин, А.Н. Романова

Литература

6 класс

ЧАСТЬ I

ФГОС
ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

А.В. Гулин

А.Н. Романова

Литература

6 класс

Учебник для общеобразовательных
организаций

В двух частях

Часть 1

2-е издание

Допущено Министерством просвещения
Российской Федерации

Соответствует Федеральному государственному
образовательному стандарту

Москва
«Русское слово»
2022

УДК 373.167.1:82*06(075.3)

ББК 83я721

Г94

Учебник включён в Федеральный перечень учебников в соответствии с приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 20 мая 2020 года № 254.

Авторы:

А.В. Гулин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН;

А.Н. Романова — кандидат филологических наук, доцент кафедры
отечественной филологии и журналистики
Костромского государственного университета

**Линия учебников по литературе создана в сотрудничестве
с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН
(директор — член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук *В.В. Полонский*)**

Гулин А.В., Романова А.Н.

Г94 Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных организаций:
в 2 ч. Ч. 1 / А.В. Гулин, А.Н. Романова. — 2-е изд. — М.: ООО «Русское сло-
во — учебник», 2022. — 288 с.: ил. — (ФГОС. Инновационная школа).

ISBN 978-5-533-02073-2 (ч. 1) ISBN 978-5-533-02072-5

Учебник продолжает курс литературы, построенный на поэтапном освоении отечественной словесности в её историческом развитии. Русская литература показана в широком культурном контексте, и её своеобразие раскрывается в сопоставлении с другими национальными литературами.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту, Примерной основной образовательной программе основного общего образования, Концепции преподавания русского языка и литературы и входит в систему учебников «Инновационная школа».

Учебник предназначен для общеобразовательных организаций.

Дополнительные электронные материалы к учебнику размещены на сайте русское-слово.рф.

УДК 373.167.1:82*06(075.3)

ББК 83я.721

ISBN 978-5-533-02073-2 (ч. 1)

ISBN 978-5-533-02072-5

© А.В. Гулин, 2019, 2022

© А.Н. Романова, 2019, 2022

© ООО «Русское слово — учебник», 2019, 2022

От авторов

Дорогие ребята!

В этом году мы с вами продолжим знакомиться с мировой классикой и вдумчиво изучать родную словесность: фольклор и литературу. Вы уже понимаете, как тесно они связаны, как активно взаимодействуют в разные эпохи. В 5 классе состоялось наше знакомство с разными жанрами фольклора, например волшебными сказками и пословицами, лирическими песнями и загадками. Мы научились замечать, как в каждом жанре воплощаются идеалы народа, его задушевные мечты.

В курсе 6 класса нам предстоит увидеть, как в фольклоре отражалась история народа, как в самой народной поэзии «старое» сменялось «новым». Мы, конечно, будем наблюдать и за тем, как историческую тему подхватывает, продолжает и развивает литература. Вместе постараемся понять, почему писатели России и других стран так часто обращаются к изображению далёкого или недавнего прошлого, как опыт народной поэзии помогает им оценить свою современность, а иногда и заглянуть в будущее.

Уважаемые учителя и родители!

Обратите, пожалуйста, внимание на задания для самостоятельной работы, появившиеся в учебнике для 6 класса. Это новая рубрика, и в начале года при выполнении самостоятельного анализа или сопоставления произведений ребята могут столкнуться с затруднениями. Помогите им наводящими вопросами или подсказками. Сложнее стали и контрольные вопросы к разделам. Теперь они требуют от ученика не только понимать и запоминать материал статьи учебника, но и обобщать содержание раздела, высказывать собственные размышления, подбирать дополнительную информацию по теме. Кроме того, в их составе есть вопросы тестового типа, предполагающие краткий ответ. Они помогут проверить, как усвоен терминологический аппарат раздела.

Условные обозначения

Термины и понятия

Творческие портреты людей искусства

Биографии учёных

Учимся понимать язык искусства

Самостоятельная работа

Вопросы и задания

Контрольные вопросы к разделу,
темы для размышлений

Творческие задания к разделу

Итоговые вопросы

Подсказка

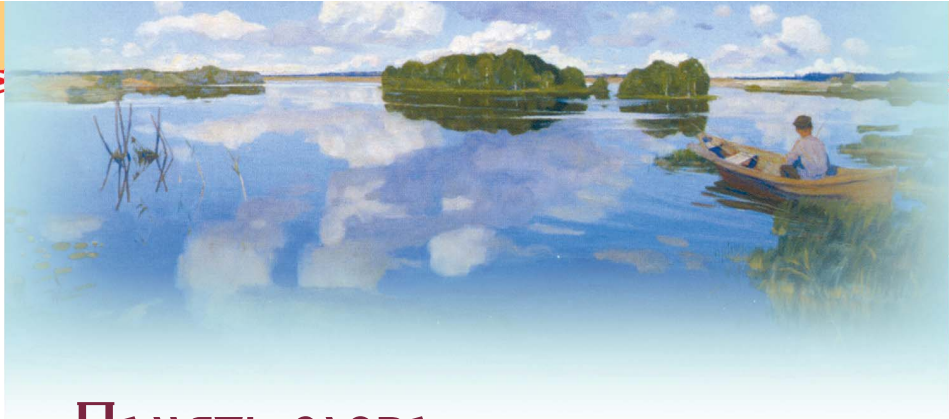
Энциклопедии

Книжная полка

Работаем с электронными материалами

Память слова

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания,
Наш дар бессмертный — речь.

И.А. Бунин. Слово, 1915

Слово — не только кладовая смыслов. Слово — вместилище памяти. Слова родного языка хранят память многих поколений наших предков, которые передали нам свой опыт, своё отношение к миру. Без этой памяти, воплощённой в литературе и фольклоре, в документах и научных трудах, всё созданное людьми превратилось бы в «мировой погост», то есть в кладбище или свалку ненужных вещей.

Так же как миллионы русских людей до нас, мы называем самого близкого и родного человека — МАМА. Это слово — одно для всех и на все времена.

Но другие слова с тем же корнем могут рассказать о том, какими разными были обычаи, нравы в России в разные эпохи. Вы, когда хотите обратиться к маме ласково, наверное, говорите «мамочка». В старину на Руси парень или девушка сказали бы непременно «матушка», а в торжествен-

ных случаях ещё с поклоном добавили бы «государыня». Жеманная барышня и любезный молодой человек в дворянской семье в XVIII—XIX веках обратились бы ласково и немного манерно — «маменька». Впрочем, в те времена русские дворяне иногда лучше говорили по-французски, чем на родном языке, так что и маму называли чаще на французский манер — «мамáн». А ещё в боярских и дворянских семьях «мамой», «мамушкой» дети могли называть кормилицу, няню. С ней можно было вести себя запросто и звать на «ты». К родной матери обращались на «вы», целуя ручку и получая утром и вечером благословение. Купец или мещанин мог сказать своей родительнице «мамаша», но называл её тоже непременно на «вы».

Разными словами называем мы и родную землю, своё Отечество. В старину говорили: «Русь». И нам при этих словах видятся просторы полей, леса и реки, прекрасные древние города. Мы говорим «Российская империя» — и представляем: площади и дворцы Санкт-Петербурга, могучий флот, театры и памятники, Бородинскую битву и Пушкина. В недавнем прошлом нашу Родину называли «Советский Союз». Это имя напоминает о победе над фашизмом, о трудовых достижениях тысяч людей, о первом космическом полёте человека, о дружбе многих народов, о славных подвигах и тяжёлых потерях. Сейчас мы говорим: «Россия», и в этом слове сливается всё, что дорого нам в истории нашей страны, что волнует нас в её сегодняшней непростой судьбе. И какие бы ни приходили времена, явно и незримо в судьбе нашей Родины продолжалась великая Святая Русь. Небесная правда, любовь, добро освещали наш мир и в самые трудные годы. «Россия! Какое хорошее слово... И “роса”, и “сила”, и “синее” что-то», — говорил Сергей Александрович Есенин.

Менялись эпохи и правители, менялись очертания наших границ, менялось название страны — но всё это время на русском языке говорил и пел, молился и создавал свою поэзию народ, который населял, осваивал и защищал эту землю.

Память, сохранённая в словах родного языка, в сказках, песнях, легендах и литературных произведениях, делает нас единым народом. Пока существует наш язык и общая историческая память — есть и мы. Утратим это — рассеемся среди других племён и народов, как горсть пепла.

Вот почему во время Великой Отечественной войны, в дни, когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, когда решалась судьба нашей Родины, Анна Андреевна Ахматова написала такие стихи:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

А.А. Ахматова. Мужество, 1942

Праздники в народной культуре

и их отражение в литературе

В древности наши предки задумывались о времени, пытались понять, что за сила заставляет меняться природу, а человека — взрослеть и стариться.

Им казалось, что время движется по замкнутому кругу. Это представление опиралось на наблюдения за природой, в которой каждый год происходит одно и то же: рождение, рост, увядание, гибель. И гибель означает не конец жизни, а начало нового круга.

Таким же повторяющимся циклом представлялась и жизнь человеческого рода, который — в лице отдельных людей — рождался, вырос, старел, умирал, — и так без конца. Вы уже знаете, что такое восприятие природы и родовой жизни лежит в основе обрядовой поэзии (семейной и календарной).

Повторяемость событий, сходство ситуаций особенно чувствуются в моменты праздников. Праздник — например, Масленица или свадьба — отмечает важное событие в жизни природы или судьбе рода. Но оно повторялось уже много-много раз. Поэтому в праздник и стараются делать то, что делалось в этой ситуации всегда. Так и возникают праздничные обряды и обычаи.

В.И. Суриков. Взятие снежного городка. 1891 г.

Учимся понимать язык искусства

1. Выясните, какому обычаю посвящена картина В.И. Сурикова. В чём заключалась эта народная игра?

2. О каких качествах русского народа, о каких страницах его истории напоминает своей картиной В.И. Суриков?

3*¹. Самостоятельно прочитайте стихотворения русских поэтов о зиме: И.С. Никитин «Встреча зимы», П.А. Вяземский «Масленица на чужой стороне»², подумайте, чем они перекликаются с картиной «Взятие снежного городка».

¹ Знаком * в учебнике отмечены вопросы и задания повышенной сложности — они предполагают или обращение к дополнительным источникам, или серьёзное и глубокое размышление на заданную тему, или творческий подход.

² Подчёркиванием выделены произведения, тексты которых вы можете найти в дополнительных электронных материалах к учебнику.

Вопросы и задания

1. Расскажите, какие вы знаете календарные обряды, относящиеся к разным временам года.
2. Перечислите известные вам народные праздники, объясните, каким событиям они посвящены.
- 3¹. Вспомните, какие фольклорные жанры связаны с этими праздниками и обрядами, приведите примеры.

Праздничное время — особенное. В сторону откладываются повседневные заботы. Люди переживают все вместе какое-то радостное событие.

В церковных службах и старинных обрядах, народных гуляньях и праздничных играх русский человек проявляет себя так же ярко, полно, разнообразно, как в труде или в битве. Подметить и показать его чувства и мечты умеют художники слова. Ни один писатель, стремясь изобразить жизнь и характер своего народа, не может обойти тему праздника. Обращаясь к традициям народных праздников, писатели проникают в самые глубины народной души, в сокровенные тайны внутреннего мира человека.

Во время праздника, по народным поверьям, прошлое встречается с будущим, а значит, можно в будущее заглянуть, угадать свою судьбу. Вот почему некоторые праздники сопровождались обрядом гадания. Между прочим, ворожба² и гадания, широко распространённые в языческие времена, в христианской Руси осуждались Церковью. Да и сами люди хорошо понимали, что это занятие опасное

¹ Знаком в учебнике отмечены вопросы и задания на повторение материала, изученного в 5 классе.

² *Ворожить* — гадать, колдовать; обращаться к нечистой силе за помощью.

и вредное для души. Не стоит искушать судьбу и пытаться самовольно проникнуть в тайну, скрытую от нас Божественным Промыслом. Вот почему сохранилось немало рассказов, в которых говорится, как во время гадания нечистая сила пугает или даже губит чересчур любопытных девушек¹.

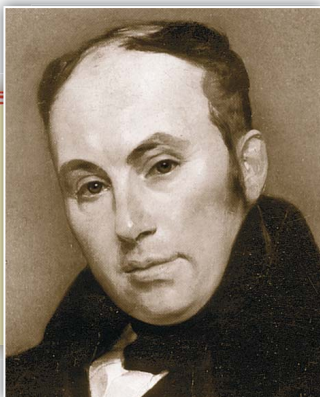
Неплохо было бы людям вовсе отказаться от всяких гаданий и суеверий. Но не так это просто, ведь языческие представления и связанные с ними обычаи уходят корнями в глубокую древность и сохраняются в народе много веков. Когда-то они помогали нашим прадедам осмыслить и обустроить мир вокруг себя. Так что едва ли будет правильно смеяться над подобными народными привычками — так ведь легко забыть об уважении к своим предкам, начать чувствовать превосходство над ними — а это куда хуже, чем суеверия.

Ничего не будет плохого, если мы с вами с любопытством и вниманием обратимся к обрядовой культуре, послушаем записанные собирателями тексты старинных песен или заговоров, из книг узнаем, как гадали девушки на суженого в давние времена, выразительно прочитаем замечательные образцы народной поэзии, сопровождавшей обрядовые действия. Но участвовать в «магических обрядах», заговаривать и гадать уж точно не следует.

Самые известные гадания — святочные². Очень часто они становились темой литературных произведений. В русской словесности Василий Андреевич Жуковский стал одним из первых, кто ярко и с большой любовью описал этот народный обряд.

¹ С одной из таких народных историй вы можете познакомиться, обратившись к электронным материалам учебника.

² *Святки* в православии — двенадцать праздничных дней между Рождеством (7 января) и Крещением (19 января), традиционное время для гаданий.

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ 1783—1852

«Что за прелесть... небесная его душа!» — так отзывался о Жуковском Пушкин, его младший современник и друг. Кажется, не найти во всей русской литературе другого такого доброго, отзывчивого и душевно мягкого человека, как Василий Андреевич Жуковский.

Тёмные глаза унаследовал он от матери, юной пленной турчанки, которая волей судьбы оказалась в усадьбе русского помещика Афанасия Бунина. От приёмного отца, небогатого дворянина Андрея Жуковского, получил он отчество и фамилию.

Одарённость мальчика, ровный и дружелюбный характер сделали его любимцем всей семьи. С такой же любовью и теплотой относились к нему и товарищи в Московском университетском благородном пансионе. В писательском кругу даже неприятели, противники в литературных спорах уважали его как достойного человека.

Миролюбивый нрав и мягкий характер не помешали Василию Андреевичу Жуковскому вступить в 1812 году в ополчение, побывать на поле Бородина и воспеть в стихах славу русского оружия.

Доброжелательность не помешала ему быть настоящим бойцом в литературных баталиях: твёрдо следовать своим принципам в искусстве, остроумно и весело высмеивать

тех, кто противился новым, свежим явлениям в поэтическом творчестве.

Жуковский никогда не стремился к высоким чинам или должностям. Но за доброту и высокую образованность его любили при императорском дворе. В 1826 году он был назначен воспитателем наследника престола цесаревича Александра. В будущем его воспитанника, царя Александра II, назовут Освободителем за избавление крестьян от крепостной неволи.

Много добра принёс Жуковский разным людям. Немало он сделал и для родной литературы. Благодаря его мастерским переводам русские читатели познакомились с творчеством замечательных поэтов Европы. А жанр баллады, до той поры мало кому известный, Жуковский сделал одним из самых популярных в русской литературе первой четверти XIX века. Он и сам сочинил множество баллад. Друзья порой в шутку звали его «балладником».

Балла́да — литературный жанр, стихотворное произведение с ярким необычным сюжетом, как правило историческим или фантастическим. В балладе соединяются повествовательное начало и эмоциональность; часто в ней есть диалог. Баллада возникла на основе одноимённого жанра европейской средневековой народной поэзии.

В народных балладах нередко действуют фантастические существа: лесные духи, русалки, ожившие мертвецы, привидения. Здесь крестьянский парень может побывать в гостях у королевы фей, а пропавший жених вернуться в облике страшного демона.

Жуковского привлекал этот волшебный мир, где царила фантазия. Человеческая душа освобождалась от обыденнос-

ти, переносилась в страну грёз, устремляясь к сокровенной мечте, или переживала тревогу и страх. Самые тонкие оттенки душевных состояний поэт стремился передать точными и выразительными словами. Такого глубокого изображения человеческих чувств не знала русская поэзия до Жуковского. А певучесть и гармоничность его стихов завораживали и пленяли слушателей, как музыка.

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль... —

предсказывал Пушкин. И в самом деле, сегодня поэзия Жуковского пленяет не меньше, чем два столетия назад.

Мы с вами уже знаем, чем отличаются стихи от прозы (вспомните наши беседы с героями книги Николая Носова в 5 классе). Ключевое понятие поэзии — ритм. Он может создаваться разными способами. В **тонических** стихах ритм возникает при помощи одинакового количества ударений в каждой строке, но при этом не учитывается количество безударных слогов (русские былины тоже написаны тоническим стихом).

Наиболее распространённой в русском стихе стала **силлабо-тоническая система** (от греч. — слогуударная), утвердившаяся в отечественной поэзии с середины XVIII века.

Она требует строгой последовательности в чередовании ударных и безударных слогов, то есть в каждой строке стихотворения ударение должно падать на определённые слоги — на каждый первый, второй или третий. В зависимости от этого меняется стихотворный **размер** (метр) — упорядоченное сочетание ударного и безударного слогов¹. Всего в русской поэзии пять основных силлабо-тонических размеров:

¹ Напоминаем: ударный слог в схеме принято обозначать чертой (—), а безударный — дужкой (∪).

— ◡ **хорей** (двусложный с ударением на первом слоге), например:

Хóр венча́льну пёснь поёт

— ◡ | — ◡ | — ◡ | —

◡ — **ямб** (двусложный с ударением на втором слоге), например:

Вечóр, ты по́мнишь, вы́уга зли́лась

◡ — | ◡ — | ◡ — | ◡ — | ◡

— ◡ ◡ **дактиль** (трёхсложный с ударением на первом слоге), например:

Прóд как блестя́щая ста́ль

— ◡ ◡ | — ◡ ◡ | —

◡ — ◡ **амфибрахий** (трёхсложный с ударением на втором слоге), например:

Кто ска́чет, кто мчи́тся под хла́дною мглой?

◡ — ◡ | ◡ — ◡ | ◡ — ◡ | ◡ —

◡ ◡ — **анapest** (трёхсложный с ударением на третьем слоге), например:

Чуть живóй. Не чири́кает да́же

◡ ◡ — | ◡ ◡ — | ◡ ◡ — | ◡

От количества таких повторяющихся сочетаний — **стоп** — зависит длина стихотворной строки, и размер её определяется более конкретно — например, **четырёхстопный ямб**.

Для того чтобы правильно определить размер, нужно прежде всего постараться услышать ритм и помнить, что односложные слова могут быть как ударными, так и безударными в зависимости от основного ритма.

Конечно, далеко не всегда получается строго сохранять последовательность ударных и безударных слогов, ведь в русском языке существуют длинные слова, и в некоторых

случаях на месте ударного слога (в сильной позиции) может оказаться безударный. Такая стопа в двусложном размере, состоящая из двух безударных слогов, называется **пирри́хийем**. Благодаря этим «нарушениям» стихотворные строки, написанные одинаковым размером, приобретают индивидуальное звучание и ритмическое своеобразие. Например, первая строка баллады В.А. Жуковского «Светлана» — «Раз в крещенский вечерок» — написана четырёхстопным хореем с использованием пиррихия на третьей стопе:

— ◡ | — ◡ | ◡ ◡ | —

Вопросы и задания

1. Чем отличаются силлабо-тонические стихи от тонических?
2. Определите стихотворные размеры следующих фрагментов:

Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким детям
Спать наступила пора.

(М.В. Исаковский)

Там девушка, песнь распевая,
Сидит высоко над водой,
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.

(Г. Гейне)

В деревне парень был рождён,
Но день, когда родился он,
В календари не занесён.
Кому был нужен Робин?

(Р. Бернс)

Выполните задание в электронных материалах к учебнику: определите размер стихотворных фрагментов.

Баллада «Светлана» занимает в творчестве поэта особое место. К сюжету о внезапном визите умершего жениха охотно обращались европейские поэты конца XVIII — начала XIX века. И сам Жуковский использовал его не раз. Но в «Светлане» перед этим поэт с любовью описывает русские святочные гадания, передаёт слова подблюдных песенок. И перед нами открывается родной мир русской старины, мир народных обрядов, простодушных девичьих мечтаний, страхов, надежд. Героиней баллады становится русская девушка, вместе с которой мы отправляемся в путешествие по фантастическому и таинственному миру, полному угроз и опасностей. Но не зря ангел-хранитель дан Светлане. Чистая душа и искренняя вера надёжно берегут её от зла.

СВЕТЛАНА

А.А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье¹».

¹ *Налóй, аналóй* — место в церкви, вокруг которого проходят жених с невестой во время обряда венчания.

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом

Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;

У ворот их санки ждут;
С нетерпением кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.

Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.

Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»

Ни полслова ей в ответ;
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;

Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил¹
Тускнет в фимиаме²;

На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»

Пуще девица дрожит,
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в чёрну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрее,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;

¹ Паникадiло — подвесной светильник в церкви со свечами или лампадами.

² Фимиaм — благовонное вещество, сжигаемое во время богослужения, а также образующийся при этом дым.

Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)

Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах! ...и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы¹;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!

¹ Денница — заря.

Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;

Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

1812

¹ *Зиждитель* — Бог.

Вопросы и задания

1*. Опишите словами картину, которую вы представили, читая первый эпизод баллады.

2. Какие слова, выражения, художественные приёмы сближают балладу В.А. Жуковского с фольклором (сказками, лирическими песнями)?

3. Объясните, что означала подблюдная песенка «Идёт кузнец из кузницы...», фрагмент которой приведён в балладе, как она связана с сюжетом произведения.

4. Составьте цитатный¹ план баллады.

Подсказка

1) Разделите балладу на части и озаглавьте каждую, как в обычном плане.

2) Найдите в тексте слова, которые точнее всего выражают содержание конкретной части, называют происходящее в ней событие. Например, первую часть баллады можно озаглавить словами: «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...»

3) Замените обычные заголовки подобранными цитатами. Проверьте, раскрывает ли план последовательность событий, их взаимосвязь. При необходимости дополните, откорректируйте план, используя нужные фрагменты из текста. Если подходящая вам цитата оказалась слишком длинной для заголовка, её можно сократить, но не нарушая смысла фразы. Пропуск в цитате обозначается многоточием. Например: «...к ней в уголок / Белоснежный голубок... / Тихо вея, прилетел...»

5. Какие детали русского пейзажа отражены в балладе? Для чего их рисует поэт?

6. Как создаётся фантастический мир произведения? Какие образы олицетворяют свет, добро, а какие — тьму, зло в чудесном сне Светланы?

7. Каким настроением проникнут финал произведения? Как вы понимаете слова поэта: «Благ Зиждителя закон: / Здесь несчастье — лживый сон; / Счастье — пробужденье»?

8*. Как вы думаете, всерьёз или в шутку рассказывает поэт о гаданиях и страшных снах? Верит ли он сам в предсказания? Как раскрывается его позиция?

¹ *Цитатный план* — план, пункты которого представляют собой цитаты. *Цитата* — дословное (точное) воспроизведение чужих слов, фрагмента текста.

9*. Познакомьтесь с балладой Г. Бюргера «Ленора» в переводе В.В. Левики и в раннем переложении В.А. Жуковского «Людмила». Почему Жуковский изменил финал баллады, послужившей ему первоисточником? Похожа ли героиня Жуковского Светлана на Ленору Бюргера по своему характеру, чувствам, душевному складу?

10*. Как вы считаете, стала ли «Светлана» Жуковского, несмотря на заимствованный сюжет, русской балладой? Обоснуйте свою точку зрения.

В дополнительных электронных материалах послушайте выразительное чтение начала и финала баллады «Светлана». Как чтецам удалось передать душевное состояние героини и позицию автора?

Представить себе, каким был Василий Андреевич Жуковский, нам помогают сегодня два ставших классическими его изображения. Они словно дополняют друг друга. На прекрасном портрете работы О.А. Кипренского поэт показан ещё молодым человеком. А в пожилом возрасте его изобразил великий русский художник **Карл Павлович Брюллов** (1799—1852).

Происходил Брюллов из обрусевшей немецкой семьи. В России когда-то поселился его прадед по фамилии Брюлло. Ту же фамилию носил и отец художника — великолепный резчик по дереву, академик Петербургской академии художеств. Карл Брюлло, у которого способности к рисованию обнаружились очень рано, начал учиться этому искусству с десяти лет. Русское окончание добавилось к его фамилии по царскому повелению, когда молодой человек, блестящий выпускник Академии художеств, отправился за границу совершенствовать своё мастерство.

К.П. Брюллов. Гадающая Светлана. 1836 г.¹

Учимся понимать язык искусства

1. Какой момент баллады взял художник за основу своей картины? Подберите цитату, которая могла бы стать подписью к ней.
2. Как художник передал настроение, чувства Светланы? Какими словами их выразил поэт?
3. Идея баллады В.А. Жуковского заключена в словах: «Лучший друг нам в жизни сей — Вера в Провиденье». А как можно определить основную мысль картины К.П. Брюллова?

¹ С другими произведениями художника вы можете познакомиться, обратившись к дополнительным электронным материалам.

В Европе, главным образом в Италии, Карл — теперь уже Брюллов — провёл четырнадцать лет. Яркая, солнечная итальянская земля как нельзя лучше отвечала порывистому и очень живому характеру художника. Здесь его искусство явилось в своём блеске, стало неповторимо брюлловским. Созданные художником портреты и жанровые картины полны такого счастья, движения, света, в них так много итальянской живости и русской сердечности!

Но самую большую славу принесло художнику его огромное историческое полотно «Последний день Помпéи». Тут Брюллов — настоящий трагический мастер. Он показал ужасное событие — гибель древнеримского города Помпеи, разрушенного и засыпанного пеплом при извержении вулкана Везúвия. В Помпее (или Помпеях) велись археологические раскопки, и Брюллов ездил смотреть на мёртвый город.

Над картиной он работал шесть лет. И когда полотно привезли в Петербург, смотреть его пришли тысячи людей. Успех Брюллова был всенародным.

А портрет Жуковского художник написал уже по возвращении в Россию.

С этим портретом знаменитого автора «Светланы» связана особая история. Жуковский и Брюллов узнали о трудной судьбе крестьянского парня с Украины Тараса Шевченко, который учился в Петербурге на художника. Он был очень талантлив, но оставался крепостным. Его помещик-пан не хотел просто так отпускать Шевченко на волю. И тогда Жуковский попросил Брюллова написать его, Жуковского, портрет, а потом организовал лотерею для желающих этот портрет выиграть. Лотерея принесла необходимые две с половиной тысячи рублей, которые требовал помещик за своего крепостного. Шевченко получил свободу. Он не стал известным художником, зато прославился впоследствии как великий украинский поэт.

Портрет с такой необычной судьбой — один из лучших у Брюллова. В нём нет привычных для художника игры фан-

К.П. Брюллов.
Портрет
В.А. Жуковского.
1837 г.

тазии, красочного блеска. Он понимал, чей портрет пишет. В чертах Жуковского он хотел передать богатый внутренний мир поэта. Мы видим человека очень мягкого, доброго. Лицо его — мечтательное, умиротворённое. С портрета на нас веет светлой мечтой. И руки, удивительно спокойные и чуткие руки, говорят о Жуковском не меньше, чем его лицо. Симпатия Брюллова к поэту выразилась не только в этом портрете. В 1836 году художник создал картину на сюжет баллады «Светлана».

Рассмотрите картины К.П. Брюллова в электронных материалах. Расскажите о своих впечатлениях. Подумайте, почему картины художника высоко ценили его современники-поэты: А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский.

Прочитайте и самостоятельно сопоставьте стихотворения А.А. Фета, посвящённые теме гадания (они помещены в электронных материалах). Обратите внимание на то, как изображены переживания героев, какими средствами поэту удаётся передать их настроение.

Праздник объединяет людей. И всё-таки для каждого в нём есть что-то своё, неповторимое, связанное с воспоминаниями или событиями, для посторонних неизвестными или незначительными. Рассказать о таком личном, особенном переживании праздника умеет только очень чуткий, внимательный, лиричный художник — такой, как И.А. Бунин.

**Иван Алексеевич
БУНИН**
1870—1953

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду...

И.А. Бунин

Была когда-то Россия, был город Воронеж, была старая дворянская семья Буниных — и был мальчик Ваня, младший сын в семье.

Была Россия, которая ещё не знала мировых войн и революций, сохраняла свой неторопливый тысячелет-

ний уклад. Россия — с её купцами и мастеравыми, дворянами и крестьянами... Россия — с её снежным, чистым Рождеством, крещенской стужей, изобилием Масленицы и строгостью Великого поста, с птичьим гомоном Благовещения и пасхальным торжествующим благовестом...

Была семья — некогда славная своим древним корнем, богатая не столько землями и доходами, сколько памятью и связью — крепкой, родственной — с историей и культурой России. Не просто семья — род, где талант, одарённость были уже наследственной чертой: например, В.А. Жуковский — один из предков Бунина.

Было детство — в общем, обычное русское детство — среди воронежских, а потом орловских привольных полей и густых рощ, под огромным небом, с восторженной любовью к матери и глубокой привязанностью к отцу.

А потом были первые опыты, первые робкие попытки остановить словом текущий поток жизни, назвать, запечатлеть цвет, и звук, и запах, и дуновение, и мгновенное переживание, и перехваченный взгляд... и постепенно пришедшая уверенность в том, что нет в его судьбе ничего важнее этой погони за ускользающим, мимолётным...

Но ещё не было великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина.

Невозвратно ушло детство, открыв дорогу суровой жизни, с трудами, путешествиями, известностью и скитаниями, нищетой и славой — посмертной и бессмертной.

Невозвратно ушла семья, затерялся в XX веке, загдох корень древнего рода Буниных.

Невозвратно, казалось, навеки ушла та Россия: сгорел в пламени мировых войн и революционных пожаров её прежний уклад, исказился облик, пошатнулись незыблемые устои, но её образ, сияющий нетленной красотой, стал иконой для любивших и утративших её...

В эпоху тревожного ожидания перемен, в годы трагических потрясений родился великий русский писатель Бунин.

Он сохранил в своём поэтическом мире навсегда ускользнувшее детство, навеки утраченное родство и ту — канувшую в историю, чтобы воскреснуть в новой славе, — Россию.

ПОДСНЕЖНИК

Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была Масленица — и был гимназистик Саша, которого милая, чувствительная тётя Варя, заменившая ему родную мать, называла подснежником.

Была оттепель, стояли тёплые и сырые дни, русские, уездные, каких было уже много, много в этом старом степном городишке, и приехал к Саше отец из деревни.

Отец приехал из глухой, занесённой сугробами усадьбы и, как всегда, остановился на Елецком подворье, в грязных и угарных номерах. Отец — человек большой и краснолицый, курчавый и седеющий, сильный и моложавый. Он ходит в длинных сапогах и в романовском¹ полушубке, очень тёплом и очень вонючем, густо пахнущем овчиной и мятой. Он всё время возбуждён городом и праздником, всегда с блестящими от хмеля глазами.

А Саше всего десять лет, и поистине подобен он подснежнику не только в этих мерзких номерах Елецкого подворья, но и во всем уездном мире. Он такой необыкновенный, особенный? Нет, ничуть не особенный: разве не каждому даёт Бог то дивное, райское, что есть младенчество, детство, отрочество?

На нём новая длинная шинель, светло-серая, с белыми серебряными пуговицами, новый синий картуз с серебряными пальмовыми веточками над козырьком: он ещё во всём, во всём новичок! И до чего эта шинель, этот картуз, эти веточки идут к нему, — к его небесно-голубым, ясным глазкам, к его чистому, нежному личику, к новизне и свежести всего его существа, его

¹ Название по месту разведения овец в Ярославской губернии.

Б.М. Кустодиев. Масленица. 1919 г.

младенчески-простодушного дыхания, его доверчивого, внимательного взгляда, ещё так недавно раскрывшегося на мир Божий, и непорочного звука голоса, почти всегда вопросительного!

Живёт Саша «на хлебах», в мещанском домишке. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни в чужой семье. Какое же счастье, какой праздник, когда вдруг у ворот этого домишки останавливаются деревенские, набитые соломой сани, пара запряжённых впротяжку лохматых деревенских лошадей! С этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отец просыпается рано, наполняет весь номер, и без того душный, едким табачным дымом, затем кричит в коридор, требуя самовар, пьёт чай и опять курит, а Саша всё спит и спит на диване, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что в гимназию идти не надо. Наконец отец ласково будит его, шутя стаскивает с него одеяло. Саша молит дать поспать ему хоть одну минуточку, а потом сразу приходит в себя, садится на диване и, радостно оглядываясь, рассказывает, что снилось ему, будто у него передержка¹ по латыни, но только не в гимназии, а где-то на голубятне.

¹ Передержка (устар., разг.) — переэкзаменовка.

Умывшись, он становится во фронт¹ и учтиво, но рассеянно крестится и кланяется в угол, потом шаркает отцу ножкой и целует его большую руку. Он счастлив, он свеж и чист, как ангел. Он кладёт в стакан целых пять кусочков сахара, съедает целый калач и опять шаркает ножкой:

— Мерси, папочка!

Он совершенно сыт, но отец уже надевает полушубок: пора идти на базар, в трактир, — завтракать. И, одевшись, они выходят, бросив тёплый, полный дыму номер раскрытым настежь.

Ах, как хорош после комнаты зимний сырой воздух, пахнувший праздничным чадом из труб! И какой долгий прекрасный день впереди! В трактире «чистая» половина во втором этаже. И уже на лестнице, необыкновенно крутой и донельзя затоптанной, слышно, как много в ней народу, как буйно носятся половые² и какой густой, горячий угар стоит повсюду. И вот отец садится, сняв шапку, распахнув полушубок, и сразу заказывает несколько порций, — селянку на сковородке, леща в сметане, жареной наваги, — требует графин водки, полдюжины пива и приглашает за стол к себе знакомых: каких-то рыжих мужиков в тулупах, каких-то чернявых мещан в чуйках³...

Казалось бы, какое мучение сидеть в этом чаду, в этой тесноте, среди бесконечных и непонятных разговоров и споров без всякой меры пьющих, закусывающих и пьянеющих людей! Сколько их кругом, этих мужиков, извозчиков, толстых купцов, худых барышников⁴! Сколько красных, распаренных едой, водкой и духотой лиц, потных лбов, лохматых голов, густых бород, чучек, армяков⁵, полушубков, тулупов, громадных сапог и тающих валенок, разводящих под табуретами целые

¹ Становиться во фронт — т.е. по-военному вставать в строй. Здесь: стать смирно.

² Половые — прислужники в гостинице.

³ Чуйка — длинный суконный кафтан с халатным косым воротником (бархатным, меховым).

⁴ Барышники — мелочные торгаши, перекупщики.

⁵ Армяк — верхняя долгополая одежда из грубой шерстяной ткани.

лужи! Как везде натоптано, наплёвано, как дико и нелепо орут за некоторыми столиками и как ошалели половые в белых штанах и рубахах, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами в руках, с задранными головами, меж тем как спокоен только один высокий и худой старик, строгим и зорким командиром стоящий за стойкой! И, однако, как незаметно летит этот счастливый день, как блаженно и широко раскрыты лазурные детские глаза!

А в понедельник все это сразу кончается. Город принимает смиренный и будничный вид, пустеет даже базарная площадь — и великое горе надвигается на Сашу: отец уезжает.

Да, даже проснулся отец нынче уже совсем не таким, как просыпался все эти масленичные дни. Он прост, тих, чем-то озабочен. Он собирается, расплачивается. А там, во дворе, уже запрягают лошадей. Последний, самый горький час! Вот сию минуту вдруг войдёт коридорный:

— Подано, Николай Николаич!

И отец, огромный, толстый от медвежьей шубы, надетой поверх полушубка, в чёрных, выше колен, валенках и в большой боярской шапке, сядет на диван и скажет:

— Ну, присядем, Сашенька, и Христос с тобой.

И тотчас же опять встанет и начнёт торопливо крестить, целовать его, совать руку к его губам...

А лошади уже стоят у крыльца. Они косматы, ресницы у них большие, на усах засохшее тесто — Боже, какой родной, не городской, а деревенский, зимний, бесконечно милый вид у них! Милые, деревенские и эти сани, набитые соломой! И работник уже стоит в их козлах, в буром и грубом армяке, надетом на полушубок, с вожжами и длинным кнутом в руках...

Ещё минута — и побегут, побегут эти лошади, эти сани по Успенской улице вон из города, в серые снежные поля — и прости, прощай, счастливейшая в жизни неделя!

До свиданья, Сашенька, Христос с тобой.

1927

Вопросы и задания

1. Почему дни Масленицы становятся для гимназиста Саши счастливейшей в жизни недельей?
2. Найдите описание Саши. Отметьте в тексте рассказа детали (подробности), которые дополняют его портрет.
3. В рассказе особую роль играет приём противопоставления (*антитезы*). Докажите это. Объясните, как этот приём помогает охарактеризовать Сашу, раскрыть его душевный мир.
- 4*. Обратите внимание на первые фразы рассказа, в которых автор задаёт особенную задушевно-взволнованную, нежную тональность. Чем она объясняется? Как это настроение связано с *темой* и главным героем произведения? Найдите в рассказе слова, выражения, которые поддерживают эту интонацию на протяжении всего повествования.
5. Раскройте смысл названия рассказа, прочитайте вслух строчки, в которых главная мысль писателя звучит наиболее отчётливо.
6. Используя материал, изученный в 5 классе, расскажите о празднике Масленицы и связанных с ним традициях. Как отразились черты этого народного праздника в рассказе И.А. Бунина?

Контрольные вопросы и задания к разделу

Тест

1. Литературный жанр, к которому относится стихотворное произведение с историческим, занимательным или таинственным сюжетом.
2. Термин, которым обозначается точное воспроизведение в тексте чужих слов, фрагментов чужого текста.
3. Название системы стихосложения, построенной на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов.
4. Перечислите известные вам стихотворные размеры.
5. Стихотворный размер, которым написана баллада В.А. Жуковского «Светлана».

Вопросы

1. Какой представлялась жизнь людям в прошлом? Какую роль играли праздники в народном годовом цикле?

2. Почему к теме праздников часто обращались русские писатели? Как вы думаете, почему праздники часто изображались глазами детей?

3. Расскажите об описании одного из праздников (или праздничного обряда) в литературном произведении, прочитанном самостоятельно.

4. Какие праздники современного календаря вы считаете главными и почему?

Послушайте в дополнительных электронных материалах фрагмент из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В чём пушкинское описание святочных гаданий сближается с их изображением у Жуковского и в чём расходится? Удалось ли исполнителю передать позицию автора?

Творческое задание к разделу

Подготовьте устное сообщение или напишите сочинение на тему «Мой любимый праздник». Расскажите, как отмечают этот праздник в вашей семье (или регионе). Исполняются ли при этом песни (если да, то какие)? Используются ли карнавальные костюмы? Сопровождается ли празднование играми? Можно ли сказать, что в этом есть следование народным традициям? Опишите, какие чувства вызывает у вас этот праздник и его ожидание.

Книжная полка

Андреев Л.Н. Ангелочек.

Бестужев-Марлинский А.А. Страшное гадание.

Вяземский П.А. Масленица на чужой стороне.

Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на ёлке.

Жуковский В.А. Людмила. Ленора.

Зощенко М.М. Ёлка.

Куприн А.И. Тапёр.

Чехов А.П. Ванька.

Шмелёв И.С. Лето Господне.

Мифы, легенды, предания народов мира

Многое в жизни народа оставалось неизменным на протяжении долгих веков. И всё-таки представление о времени не сводилось только к постоянному природному циклу. Задумываясь о мире, люди осознавали, что всё имеет начало и конец. А значит, и история рода с чего-то началась. Кто был первым в роду? Кто построил город на этом месте? Почему и когда было дано название реке, горе, озеру, селу? Как появился тот или иной обычай? Ответы на эти вопросы люди искали в далёком прошлом.

Самые древние представления людей о происхождении мира и его устройстве, о том, какие силы покровительствуют людям, а какие им враждебны, называют мифологическими. Эти представления возникали в те времена, когда наши предки ещё жили племенами и не знали, что такое государство.

Миф — древнее сказание, в котором в образной форме выражалось представление людей об устройстве мира и происхождении вещей.

Совокупность мифов какого-то народа составляет его **мифологию**. Наиболее известны мифы Древней Греции и Древнего Рима (например, в 5 классе, изучая загадки, вы познакомились с мифом об Эдипе и Сфинксе).

Миф — это одновременно поэтический образ и воплощённое в нём религиозное верование. Например, наши предки славяне представляли Ярилу — бога солнца и весеннего плодородия в виде молодого парня с огненными волосами, в ослепительно-белой рубаше, с венком из цветов на голове и с ржаными колосьями в руках. Приносили ему жертвы, устраивали в честь него празднества, пели ему специальные хвалебные песни (гимны), ждали его помощи, чтобы вырастить урожай, боялись его гнева. Поэтическое описание праздника в честь Ярилы создал А.Н. Островский в пьесе-сказке «Снегурочка»:

Свет и сила!
Бог Ярило,
Красное солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

Миф для людей того далёкого времени — не вымысел, а самая настоящая правда. Позднее, когда изменились представления людей о мире, когда они перестали верить в реальность образов и событий, описанных в мифах, многие мифологические сказания превратились в волшебные сказки — полные чудес вымышленные истории.

К сожалению, славянская мифология, как и мифология многих европейских народов, сохранилась фрагментарно. Уже два века учёные стараются воссоздать представления древних славян о мире по разрозненным источникам. Для этого изучают народные песни и сказки, изображения на предметах быта, одежде и утвари, найденных археологами. Многое открывается благодаря их кропотливому труду. Например, учёные установили, что изображение круга, которым часто украшали жилища, одежду, посуду, связано с культом¹ солнца. Считалось, что такой узор не только делал вещи наряднее, но и служил защитой (оберегом) от злых сил, был приятен богам.

¹ *Куль*т — общее для какого-то племени или народа религиозное поклонение, почитание.

Мифологические представления славян связаны не только с могучими богами, такими, как бог солнца и плодородия Дажьбог, громовержец Перун, покровитель скота Велес. Множество духов и волшебных существ населяли всю природу. В водах рек жили русалки-водяницы, плели венки у воды коварные берегини, в тёплое время года в лесах хозяйничали лешие: разгоняли зверьё, сбивали с дороги и пугали путников.

И даже совсем рядом с человеком водились мелкие духи — то благожелательные, то вредные и проказливые. В доме приглядывал за порядком домовой: помогал прилежным хозяевам и пакостил неряшливым. В бане таился лохматый банник, в овине¹ прятался сердитый оvinник. Из соседского подворья выглядывали ехидные кикиморы. Мы и сегодня любим книги, мультфильмы, в которых действуют эти волшебные существа из старинных сказок.

Мифы — часть культуры каждого народа, одна из основ его самобытности.

Древние греки сумели сохранить и литературно обработать множество сказаний о богах и героях. Поэтому античную² мифологию сейчас изучают как одно из самых ярких явлений человеческой культуры. К её образам и сюжетам часто обращаются самые разные художники, вдохновляясь и создавая прекрасные произведения искусства.

Образы славянской мифологии в русской народной вышивке XIX в.

¹ Оvin — хозяйственная постройка, в которой сушили хлебные колосья перед извлечением из них зёрен.

² Античный — относящийся к культуре древних греков и римлян.

При знакомстве с античными мифами мы воспользуемся переложением замечательного учёного, историка, писателя, педагога, знатока древнегреческой и древнеримской культуры **Николая Альбертовича Куна** (1877—1940).

Он окончил Московский университет, затем работал в Твери в женской учительской семинарии, читал лекции по истории культуры. В 1911—1912 годах руководил экскурсиями российских учителей в Риме, читал лекции по истории античного искусства в римских музеях. С 1915 года служил профессором Московского городского народного университета А.Л. Шанявского, с 1920 года — профессором Московского государственного университета. С 1935 года и до кончины состоял профессором Московского государственного института истории, философии и литературы (МИФЛИ). С 1933 года был редактором отдела древней истории Большой советской энциклопедии и Малой советской энциклопедии, написал несколько сотен статей и заметок.

Н.А. Кун — автор многих книг: «Сказки африканских народов», «Сказки цыган», «Первобытная религия», «Сказки народов островов Великого океана». Однако наибольшей известностью пользуется его труд, написанный в 1914 году. Под своим первоначальным названием «Что рассказывали древние греки и римляне о своих богах и героях» книга была издана в 1922 и 1937 годах. С 1940 года (уже после смерти автора) она неоднократно переиздавалась массовыми тиражами как «Легенды и мифы Древней Греции».

Из зарубежной мифологии

Мифы Древней Греции

ОЛИМП

Высоко на светлом Олимпе царит Зевс¹, окружённый сонмом богов. Здесь и супруга его Гера², и златокудрый Аполлон³ с сестрой своей Артемидой⁴, и златая Афродита⁵, и могучая дочь Зевса Афина⁶, и много других богов. Три прекрасные Оры охраняют вход на высокий Олимп и поднимают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят на землю или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое, бездонное небо, и льётся с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далёкую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефестом⁷. <...> Пируют боги. Дочь Зевса, юная Геба⁸, и сын царя Трои, Ганимед⁹, любимец Зевса, получивший от него бессмертие, подносят им амброзию и нектар — пищу и напиток

¹ Зевс — верховный бог, повелитель неба, грома и молний. У римлян — Юпитер.

² Гера — верховная богиня, покровительница брака. У римлян — Юнона.

³ Аполло́н — бог света, покровитель искусств. У римлян — Феб.

⁴ Артеми́да — богиня охоты. У римлян — Диана.

⁵ Афроди́та — богиня любви и красоты. У римлян — Венера.

⁶ Афи́на — богиня мудрости и справедливой войны. У римлян — Минерва.

⁷ Гефе́ст — бог огня и кузнечного ремесла. У римлян — Вулкан.

⁸ Ге́ба — богиня юности. У римлян — Ювента.

⁹ Ганиме́д — виночерпий олимпийских богов.

богов. Прекрасные хариты¹ и музы² услаждают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любят их лёгкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей; счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть — всё в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом — зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, чёрные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнёт он своей десницей³ — удары грома раскатятся по всему небу, сверкнёт пламенная молния, и сотрясётся высокий Олимп.

Так царит окружённый сонмом светлых богов на Олимпе великий царь людей и богов Зевс, охраняя порядок и правду во всём мире.

ПАН

Среди свиты Диониса часто можно было видеть и бога Пана. Когда родился великий Пан, то мать его нимфа Дриопа, взглянув на сына, в ужасе обратилась в бегство. Он родился с козлиными ногами и рогами и с длинной бородой. Но отец его, Гермес⁴, обрадовался рождению сына, он взял его на руки и отнёс

¹ Хариты — богини веселья, радости и привлекательности. У римлян — грации.

² Музы — покровительницы наук и искусств. Также употр. в знач.: источник вдохновения у людей наук и искусств.

³ Десница (устар.) — правая рука.

⁴ Гермес — вестник богов, покровитель путников, бог торговли и ловкости. У римлян — Меркурий.

М.А. Врубель. Пан. 1899 г.

Учимся понимать язык искусства

1. Каким предстаёт древний бог полей и лесов на картине М.А. Врубеля? По каким деталям его можно узнать?
2. В чём художник отступил от описания Пана в мифе?
3. Как вы считаете, на фоне греческого или русского пейзажа изображён бог Пан? Почему?

на светлый Олимп к богам. Все боги громко радовались рождению Пана и смеялись, глядя на него.

Бог Пан не остался жить с богами на Олимпе. Он ушёл в тенистые леса, в горы. Там пасёт он стада, играя на звучной свирели. Лишь только услышат нимфы чудные звуки свирели Пана, как толпами спешат они к нему, окружают его, и вскоре весёлый хоровод движется по зелёной уединённой долине под звуки музыки Пана. <..>

ПАН И СИРИНГА

И великого Пана не миновали стрелы златокрылого Эрота¹. Полюбил он прекрасную нимфу Сирингу. Горда была нимфа и отвергала любовь всех. Как и для дочери Латоны, великой Артемиды, так и для Сиринги охота была любимым занятием. Часто даже принимали Сирингу за Артемиду, так прекрасна была юная нимфа в своей короткой одежде, с колчаном за плечами и с луком в руках. Как две капли воды походила она тогда на Артемиду, лишь лук её был из рога, а не золотой, как у великой богини.

Пан увидел однажды Сирингу и хотел подойти к ней. Взглянула на Пана нимфа и в страхе обратилась в бегство. Едва поспевал за ней Пан, стремясь догнать её. Но вот путь пресекла река. Куда бежать нимфе? Простёрла к реке руки Сиринга и стала молить бога реки спасти её. Бог реки внял мольбам нимфы и превратил её в тростник. Подбежавший Пан хотел уже обнять Сирингу, но обнял лишь гибкий, тихо шелестевший тростник. Стоит Пан, печально вздыхая, и слышится ему в нежном шелесте тростника прощальный привет прекрасной Сиринги. Срезал несколько тростинок Пан и сделал из них сладкозвучную свирель, скрепив неравные коленца тростника воском. Назвал Пан в память нимфы свирель сирингой. С тех пор великий Пан любит играть в уединении лесов на свирели-сиринге, оглашая её нежными звуками окрестные горы.

Пересказ Н.А. Куна

¹ Эрót — божество любви, спутник (по одной из версий — сын) Афродиты.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему обитель богов-олимпийцев представлялась людям местом вечного праздника?
2. Какими виделись людям олимпийские боги? Расскажите о тех идеальных качествах, которыми они наделялись.
3. Как вы думаете, какие представления о мире и человеке передаются в мифах о Пане и Сиринге?
4. Обратитесь к мифологическому словарю или мифу «Аполлон и музы» и выясните, как звали каждую из муз, чему они покровительствовали и с какими атрибутами изображались.
- 5*. Приведите примеры произведений изобразительного искусства, созданных на сюжеты древнегреческих мифов.

Отголоски мифов сохранялись в обрядах и песнях, обычаях и суевериях. Следы древних верований можно обнаружить в рассказах о реках, где они уподобляются людям. В таких историях — мифологических сказаниях — одушевление реки сочетается с географически точным изображением особенностей её «нрава». Крестьянин, который рассказывал такие истории в XIX веке, конечно, не считал Дон или Волгу божествами и не приносил им жертвы, как его предки, древние славяне, но в его душе и памяти сохранялось стародавнее отношение к этим могучим рекам как живым существам.

Русские мифологические сказания

О ДОНЕ ИВАНОВИЧЕ И ШАТЕ ИВАНОВИЧЕ

Были два сына у озера Ивана: старшего звали Доном, а младшего Шатом. Подросли сынки у батюшки, и просят они странствовать по белу свету, посмотреть матушку-Русь православную, поучиться уму-разуму. Дон Иванович был храбер и разумен, пустился он на гору да на полдень. А Шат-то Иванович был батюшкин сынок, неженка; не захотел он с братцем своим итить в дальний путь, а пошёл по гладкой лощинке, по зелёной мурав-

ке. Вот Дон Иванович катился, катился да и подошёл к синему морю, и задумал он, молодец, обойти весь белый свет. Вот стал он кликать к себе чёрного ворона, чтоб вёл он его через синее море. Сам пошёл подо дно моря, да и приказал он ворону: «Лишь перелетишь широкое море, каркни мне изо всей мочушки». Летит ворон и только взлетел посеред моря, — злой коршун напал на него и принялся его бить и щипать. Что делать? Поневоле каркнул чёрный ворон. Вынырнул Дон Иванович и думает: «Знать, пришло чистое поле», — ан глядь: он посеред моря; поздно было уж ворочаться, и принялся Дон Иванович рвать на себе волосы, и теперь всё рвётся и плачет посеред моря и не даёт прохода басурманским¹ кораблям.

ВАЗУЗА И ВОЛГА

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почёта. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придёт к морю Хвалынскому², та из нас и умнее, и сильнее, и почёту достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять её к себе на руки и снести в море Хвалынское. А всё-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

Вопросы и задания

1. Найдите на географической карте реки, которые являются персонажами прочитанных историй. Определите, какие реальные природные явления иносказательно описываются в этих произве-

¹ Басурманским — здесь: иноземным, чужим.

² Древнее название Каспийского моря.

дениях. (Например, поясните, что означает «Вазуза весною раньше просыпается».)

2. Какие особенности сказания о Доне Ивановиче и Шате Ивановиче делают его похожим на волшебную сказку?

3. Перескажите близко к тексту одну из историй.

4*. Узнайте, какие поверья и древние сказания связаны с реками, озёрами, горами в вашей местности.

Из фольклора народов России

О НАЧАЛЕ ХЛЕБОПАШЕСТВА

Чувашское мифологическое сказание

Давным-давно, когда ещё леса покрывали все берега Свияги и Сурье и весь тот край, где они текут, подобно тучам, закрывающим небо во время грозы; когда ещё люди кормились, убивая по лесам диких зверей, добывая из дуплистых деревьев мёд диких пчёл; когда бог богов могучий и великий Тора помогал людям добывать пищу, — тогда жили на земле два брата.

Старший назывался Якишем, а младший — Велюком. Якиш был злой, жестокий, коварный. Велюк был очень добрый, как малое дитя. Якиш убивал зверей и кормился мясом. Велюк собирал мёд и кормился им.

Однажды Якиш пошёл на охоту, но не убил ни одного зверя. Голодный и поэтому ещё более злой, он пришёл к брату. Тот в это время ел мёд, собранный им в дуплах, где жили пчёлы.

Старший брат попросил мёду, и младший по доброте своей охотно поделился с ним. Якишу захотелось узнать, где находятся те пчёлы, которые собрали такую сладкую пищу.

— Скажи мне, где гнёзда пчёл? — спросил Якиш.

Простодушный Велюк повёл брата в лес и указал все дупла, которые знал.

*Е.М. Корнеев.
Чувашенки.
1812 г.*

Через несколько дней Якиш вздумал украсть мёду из одного дупла и уже отломил кусок сотов и стал есть. Но он не отнёс первый кусок сотов к священному дереву Киремети в жертву богам, и Тора рассердился и приказал пчёлам умертвить Якиша. Пчёлы собрались из всех дупел, и каждая ужалила вора.

Якиш умер, и пчёлы также умерли, потому что оставили в нём свои жала. Когда Велюк увидел мёртвого брата и мёртвых пчёл, то стал плакать: ему было жаль брата и своих кормилиц.

В слезах он уснул и вдруг слышит во сне голос Торы. Тора велит ему взять телёнка и облить водой; что будет с водой, то надо сделать и с мёртвыми пчёлами.

Проснулся Велюк, поймал телёнка и облил его. Телёнок отряхнулся, и вода светлыми каплями попадала на землю и ушла в неё.

Тогда Велюк, следуя повелению Торы, разбросал мёртвых пчёл и закопал их в землю.

Это были первая пашня и первый посев.

Скоро из земли появилась травка, на которой потом выросли колосья. Одни были покрыты точь-в-точь такими жалами, какими пчёлы убили Якиша; на других зёрна висели так, как висят на дереве рои пчёл. К тому времени, когда Велюк обычно собирал мёд, колосья спели. Велюк выбил из них зёрна, растёр между двумя камнями, смешал с водой и стал есть вместо мёда.

Так появился сюгур — хлеб.

А Якиш был унесён злым духом в преисподнюю. Там злой дух сделал из его злого сердца червей, убивающих теперь молодых пчёл, а из тела сделал мышей, поедающих воровски тот хлеб, который добывается человеком.

Вопросы и задания

1*. Какими изображаются взаимоотношения человека и природы, людей и богов в этой истории? Языческими или христианскими они являются?

2. Какие представления о добре и зле, жизни и смерти нашли отражение в чувашском сказании?

Об энциклопедиях

Энциклопедия «Мифы народов мира»

Мифологические представления каждого народа давно перешли во множество песен, сказок, пословиц и суеверий. Собрать их все вместе, сложить из них более-менее целостную картину не под силу одному человеку. Целая группа учёных: фольклористов, литературоведов, этнографов, историков, культурологов, искусствоведов — работала над энциклопедией «Мифы народов мира». Здесь вы найдёте не только рассказ о любом божестве или герое мифологических сказаний, но и указание на то, в каких литературных

памятниках о нём говорится, а также изображение этого героя на картинах или фресках, в виде скульптуры или статуэтки. Это бесценный источник сведений для всех, кто интересуется мифами разных народов.

Народные предания и легенды

На смену мифам приходил другой вид устных рассказов — **легенды** и **предания**. Такие рассказы создавались на основе реальных событий, по их живым следам и передавались затем из уст в уста. Их хранила память нескольких поколений. В сознании людей правдивые события смешивались с догадками, обрастали вымыслом, преувеличивались и приукрашивались — предания становились легендами.

Предание — устный рассказ о реальных или вполне возможных событиях, важных для истории рода, целого народа или государства.

Легенда — народное прозаическое повествование о необыкновенном, чудесном событии, которое считается достоверным, случившимся на самом деле.

В христианской литературе легенда повествует о событиях, связанных с жизнью святого или произошедших по воле высших сил.

В легенде на первом плане — чудесное. Но всё-таки связь с реальностью в ней сохраняется. Как правило, легенда рассказывает о каком-либо действительно существовавшем человеке или конкретном месте.

Вот какую легенду рассказывают в Томской области.

КУРГАНЫ¹-БОГАТЫРИ

На левой стороне Оби против деревни Колпашево есть курган. Стоит на лугу. Топит его только в самую большую воду. Всё утопит, а он стоит. На нём никакой лесинки не растёт. От него всего в полукилометре — другой такой же курган. Рассказывают, будто в этом месте жили богатыри — два брата. А топор у них был один. И вот когда понадобится топор одному — дров нарубить, он крикнет, и другой брат-богатырь бросит ему за полкилометра топор.

В курганах похоронены эти братья-богатыри.

Широко известна на Руси легенда о невидимом граде Китеже, который некогда стоял на берегу озера Светлояр и при угрозе татарского нашествия ушёл под воду вместе с жителями. А звон китежских колоколов будто бы и сейчас можно услышать накануне праздников или перед важными событиями. Этой легенде посвящено множество произведений искусства, нашла она воплощение в литературе (например, в романах П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»), в живописи (например, в картине М.В. Нестерова «Град Китеж»), в музыке (в опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии»).

В легендах нередко отражаются и подлинные исторические события, которые известны нам по документам, свидетельствам очевидцев, литературным памятникам. В них живёт представление народа о своей истории, о своём прошлом, память о героях, защитниках родной земли или просто о необычных людях. Образы и события, которые сохраняются в этих рассказах, но не подтверждаются документами, называют *легендарными*.

¹ Курган — погребальный памятник.

М.В. Нестеров. Град Китеж (В лесах). 1917—1922 гг.

Вопросы и задания

1. Что правдоподобного, а что чудесного в прочитанных вами легендах и преданиях?
2. Какие легенды о природных объектах, городах и селениях существуют в ваших краях?
3. Подготовьте пересказ одной из таких легенд.

Нравственные нормы и ценности, отражённые в легендах и преданиях

Легенды помогали людям осмыслить окружающий мир, описать природу, передать своё отношение к чудесному.

Сверхъестественными способностями наделяются в легендах не только люди, но и растения, животные. Напри-

мер, цветок папоротника может указывать место, где спрятан клад, собака — отгонять нечистую силу, лошадь — напускать порчу на человека. И все чудеса в легенде, в отличие от сказки, считаются настоящими, действительными происшествиями.

В легендах выражались и закреплялись представления народа о том, как должен поступать человек. Достойное поведение, например мужественное противостояние врагу, в легенде изображалось с такими яркими, необыкновенными подробностями, что вызывало восхищение, становилось образцом для многих поколений. Скажем, в уральской легенде говорится о трёх Иванах — казаках, которые помогли русскому царю разбить три неприятельских войска: салтана турецкого (турецкого), царя казанского и хана крымского. А ещё в одной легенде прославляется великий полководец Суворов, который «приказал сделать неразрушимый мост из брёвен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как вещи эти, снятые с пострадавших за веру, имели чудную силу, которая скрепила мосты лучше железных болтов». По этому мосту и прошла русская армия через гибельное ущелье в Альпах.

За добродетель герой легенды сразу, на наших глазах, получает чудесное вознаграждение. Например, богобоязненный купец силой своей молитвы останавливает грабителей, покушавшихся на его казну и жизнь.

Зато умели народные рассказчики изобразить и отрицательный пример. Как правило, в таких легендах описывается, как человек за жадность или жестокость, за богохульство и порочную жизнь заслуживает страшное наказание от высших сил. В одной из легенд стрелец, получивший от Ильи-пророка в дар чудесное ружьё, стреляет из него в крест на церкви, за что становится слепым.

ЧУДО НА МЕЛЬНИЦЕ

Когда-то пришёл Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыню. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичок привёз на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидел нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий всё свою кису¹ подставляет. «Что, али ещё отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость!» — «Ну пожалуй!» Отсыпал ещё с мерку, а нищий всё-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него самого зерна так самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал, — думает мельник, — да я ещё за помол возьму: что ж ему-то останется?» Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука всё сыпется да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть², а муки намолось четвертей двадцать, да ещё осталось, что молоть: мука себе всё сыпется да сыпется. Мужик не знал, куда и собирать-то!

Вопросы и задания

1. О каком чуде говорится в легенде «Чудо на мельнице»?
2. Почему нищий не довольствуется одной мерой зерна, а просит мужичка насыпать и вторую, и третью?
3. Как рассказчик передал характер мельника? Каково отношение рассказчика к этому человеку?
4. Какими предстают в рассказе народного исполнителя стародавние времена? Чем отличаются от них времена нынешние?
5. Докажите, что в легенде «Как лошадь простила обиду» лошадь изображается иначе, чем в волшебных сказках и сказках о животных.

¹ Киса — мешок, кошель.

² Четверть (устар.) — мера объёма, примерно равная 3 л.

6*. Какие ещё особенности повествования показывают, что перед нами легенда, а не сказка?

1. Прочитайте в электронных материалах легенду «О хлебном колосе».

2. Какие чудеса в ней происходят? Какие пороки людей осуждаются в легенде о хлебном колосе?

Об энциклопедиях

«Жизнь животных»

Легенда «Как лошадь простила обиду» возвращает нас к изображению животных в литературе и фольклоре. Мы уже знаем, как по-разному могут писатели и народные рассказчики показывать зверей, птиц и насекомых, раскрывать их характеры.

Познакомимся ещё с одной очень необычной книгой, посвящённой животному миру. Это энциклопедия **Альфреда Брэма «Жизнь животных»**. Впервые она увидела свет в 1863—1869 годах и с тех пор издавалась множество раз, переведена на многие языки мира. За полтора века знания людей о жизни животных очень изменились, но книга вызывает не меньший интерес.

С детства увлечённый жизнью природы, Брэм собирал сведения о повадках животных и птиц в бесконечных путешествиях. И всё-таки главная причина успеха книги Брэма не в её научной ценности: автор рассказывает о нравах животного царства живо, эмоционально, восхищаясь или негодуя, как будто речь идёт о людях. Чтение этой книги — истинное удовольствие и для тех, кто хорошо знает жизнь животных, и для тех, кто только стремится познакомиться с ней.

Контрольные вопросы и задания к разделу

Тест

1. Название устного фольклорного рассказа о реальных или возможных событиях, произошедших в прошлом и важных для жизни семьи или народа.

2. Фольклорный жанр, повествующий о необыкновенных, чудесных событиях, которые считаются достоверными.

3. Термин, которым принято называть древнее сказание, в котором в образной поэтической форме выразилось представление людей об устройстве мира и происхождении вещей.

Вопросы

1. Для чего создавались мифы, легенды, предания? Какую роль в жизни народа они играли?
2. Чем легенды и предания отличаются от мифов (по времени возникновения, содержанию)?
3. Какие нравственные нормы и ценности закреплены в прочитанных вами русских легендах и преданиях?

Творческие задания к разделу

1. Создайте «историю в рисунках» — цикл иллюстраций к понравившемуся вам мифу или легенде.
2. Придумайте рассказ о происхождении какого-нибудь интересного природного объекта, существующего в ваших местах. Чтобы ваша история была похожа на легенду, реальное в ней должно сочетаться с чудесным.
3. ¹ Прочитайте и сравните мифы разных народов, посвящённые одинаковым явлениям и событиям (например, происхождение мира в египетских, шумерских, античных, славянских мифах). Подготовьте доклад или слайдовую презентацию.

Книжная полка

Библиотека русского фольклора. Т. 12. Народная проза.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.

Габбе Т.Г. Быль и небыль. Русские народные сказки, легенды, притчи.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции и Рима.

¹ Так здесь и далее обозначены проектные задания (индивидуальные и групповые), предполагающие самостоятельную работу с информацией для решения исследовательской или конкретной практической задачи. Результат проектной деятельности может быть представлен в виде сообщения, доклада, подготовки конкурса, выставки и т.д.

По следам мифов, народных легенд и преданий

Мифологические образы
и сюжеты в литературе

Словесность каждого народа хранит множество легенд и преданий. В чём-то они похожи и в то же время неповторимы и своеобразны. Так, в легендах западноевропейских народов действуют гномы и эльфы. В Японии и Китае верили, что беспокойные души становятся лисами-оборотнями, способными принимать облик девушек. В юго-восточной части Европы широко распространены поверья о мертвецах-кровопийцах — упырях (вампирах).

Самые поэтичные истории связаны с духами воды — ундинами, вилиссами, вилами, мавками. Прекрасные, но коварные, они нередко заманивают заблудившихся путников в реку или болотную трясику. Славяне верили, что русалками становятся утонувшие или покончившие с собой девушки.

Такие легенды служили источником вдохновения для многих поэтов. Особенно часто к сюжетам народных легенд обращались писатели в конце XVIII — начале XIX века, когда литература впервые открыла для себя загадочный и необыкновенный мир народной поэзии.

Из зарубежной литературы

Иоганн Вольфганг ГЁТЕ 1749—1832

Вдохновлялся образами и сюжетами народных легенд и Иоганн Вольфганг Гёте — величайший поэт Германии.

Гёте — одно из наиболее прославленных имён в мировой литературе. И едва ли в ней найдётся другая настолько разносторонняя личность. Гёте был философом, государственным деятелем, юристом, директором театра и театральным режиссёром, художником, скульптором, финансистом, архитектором; его глубоко и всерьёз увлекали анатомия, физика, ботаника, геология, астрономия... Могучий дух познания и жажда практических дел жили в этом человеке. Его манил весь мир, и Гёте словно хотел до конца постичь его и вместить в себя.

Но как ни важны были для него самые разные увлечения и занятия, главным призванием Гёте оставалась литература. Он и в творчестве своём был неистощимо разнообразен: поэт, прозаик, драматург, автор воспоминаний... Едва ли не во всех современных ему литературных направлениях и жанрах Гёте создал незабываемые произведения. Он прожил долгую жизнь, полную неустанного, увлечённого труда.

Поэт родился во Франкфурте-на-Майне в состоятельной семье и получил хорошее образование. Однако он не переставал учиться всю жизнь.

Талант Гёте проявлялся одновременно во многих областях. В 1775 году молодой человек поселился в городе Веймаре, где занял пост тайного советника при герцоге Веймарском. Он так искусно руководил делами, что не только привёл в порядок государственную казну маленькой страны, но и намного её увеличил. Впрочем, приходилось ему заниматься вещами самыми разными: устраивать придворные увеселения, балы, организовывать выезды на охоту. А кроме того, он открывал новые музеи, следил за состоянием веймарских парков и памятников старины. В Веймаре Гёте жил до конца своих дней и был похоронен.

Сотни стихотворений были написаны Гёте за его огромную жизнь. Среди них есть произведения вполне современные по форме, а есть подражания древнегреческим, римским, средневековым ирано-таджикским поэтам.

Мир немецких народных преданий, волшебных образов всегда вдохновлял Гёте. Увлечённый этим миром, поэт создал чудесную и страшную балладу¹ «Лесной царь».

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;

Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»

«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:

Он в тёмной короне, с густой бородой».

«О нет, то белеет туман над водой».

¹ Ещё с одной балладой Гёте, «Странствующий колокол», вы можете познакомиться, обратившись к электронным материалам.

«Дитя, оглянися, младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец: в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей».
«О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.

1782

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвела на вас баллада «Лесной царь»?
2. Какие образы в произведении создают мрачное, гнетущее настроение, передают тревогу, волнение, ужас?
3. Как изображён в балладе лесной царь? В чём необычность этого образа? А каким он представляется вам?

4. Как вы считаете, верит ли сам поэт в лесного царя или считает, что он существует только в воображении ребёнка?

5. Подготовьте выразительное чтение баллады по ролям.

6. Одним из основных признаков жанра баллады является диалог. Объясните, какую роль он играет в стихотворении Гёте «Лесной царь».

7*. Выясните, кто из русских известных поэтов переводил балладу Гёте «Лесной царь», определите, чей перевод помещён в учебнике. Выскажите своё мнение: согласны ли вы с выбором авторов учебника и почему?

8*. Прочитайте статью М.И. Цветаевой «Два лесных царя» и расскажите о ней в классе. Какие основные различия оригинала и перевода подмечает поэт? Почему статья так называется?

В дополнительных электронных материалах найдите и прослушайте выразительное чтение баллады. Удалось ли исполнителям передать чувства страха, тревоги и мрачную атмосферу стихотворения?

Баллада Иоганна Вольфганга Гёте «Лесной царь» известна не только как литературное произведение. В 1816 году её положил на музыку совсем юный в ту пору австрийский композитор **Франц Шуберт** (1797—1828). Всё происходило в родном городе Шуберта — Вене, на глазах у его друзей. Они как раз пришли навестить своего товарища и застали его в необыкновенном волнении. Он читал вслух «Лесного царя».

Потом он сел за стол, взял лист нотной бумаги и очень быстро написал песню.

Для постороннего глаза всё произошло совсем просто. Но в этой простоте — величайшая тайна. Никто не умел так вдохновенно, как Шуберт, соединять вместе поэзию и музыку.

Душа песни — мелодия. Когда мелодия совпадает с настроением стихов, она дополняет то, что сказал поэт, и даже придаёт стихотворению, которое поётся, новые, прежде неизвестные оттенки. Конечно, мелодия песни должна быть особенно запоминающейся, сердечной, напевной. Вот такие прекрасные песенные мелодии рождались у Шуберта. Рассказывают, что иногда они приходили к нему даже во сне и он вскакивал с постели, чтобы их записывать.

Песни Шуберта не совсем похожи на песни народные: как правило, они написаны для голоса и фортепиано. Но Шуберту удалось то, что почти не удавалось другим. Его близкая народной песенной культуре музыка стала жанром высокого искусства, таким же, как квартет, соната, симфония.

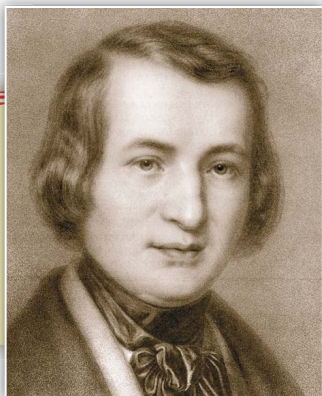
В этих классических жанрах Шуберт тоже написал великие, незабываемые произведения. Сегодня их исполняют повсеместно. Кроме того, ему принадлежат оперы, хоровая музыка для церкви, музыка к театральным спектаклям, небольшие пьесы для фортепиано... И тем не менее всё у Шуберта начинается с песни, с богатой песенной мелодии.

Жизнь композитора оказалась трудной, неудобной. Человек небогатый, сын школьного учителя и внук крестьянина, он плохо умел приспособливаться к действительности, добывать средства к существованию. К тому же для музыки Шуберт всегда был готов жертвовать благополучием. Ведь в ней он находил своё единственное счастье и творил неустанно, часто забывая обо всём на свете. Шуберт умер совсем молодым, тридцати одного года от роду, но успел написать необычайно много. Всемирная слава пришла к нему уже после смерти — зато пришла навсегда.

Послушайте фрагменты музыкальных произведений Ф. Шуберта в дополнительных электронных материалах. Какие чувства вызывает у вас эта музыка? Согласны ли вы с тем, что она обращается к сердцам людей?

Для углублённого изучения

**Генрих
ГЕЙНЕ**
1797—1856

Замечательный немецкий поэт Генрих Гейне также не раз обращался к сюжетам народных легенд и преданий. Он считал, что каждая эпоха рождает новые идеи, а вместе с тем может другими глазами взглянуть на прошлое, открыть в нём неизведанное. Самому Гейне это замечательно удавалось.

Одна из самых красивых и печальных легенд рассказывает о Лорелей — рейнской русалке. Некогда Лорелей была прекрасной девушкой с золотыми косами. Всей душой полюбила она молодого рыцаря, а возлюбленный покинул её. С горя бросилась она в могучий Рейн. С тех пор на закате рыбаки видят её на скалах. Чудесно поёт Лорелей и расчёсывает свои золотые волосы. Но встреча с ней грозит бедою.

Стихотворение о Лорелей, созданное в 1824 году, открывает цикл под названием «Возвращение на родину». Это не случайно. Образ родины складывается для Гейне из многих воспоминаний и представлений. И среди них очень важное место занимают народные легенды. Может быть, в образе прекрасной и покинутой рейнской русалки оживала для поэта сама Германия — порой враждебная ему, но манящая к себе, словно волшебная песня.

«Не знаю, что стало со мною...»

Не знаю, что стало со мною,
Душа моя грустью полна.
Мне всё не даёт покою
Старинная сказка одна.

День меркнет.
Свежеет в долине,
И Рейн дремотой объят.
Лишь на одной вершине
Ещё пылает закат.

Там девушка, песнь распевая,
Сидит высоко над водой,
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.

И кос её золото вьётся,
И чешет их гребнем она,
И песня волшебная льётся,
Так странно сильна и нежна.

И, силой пленённый могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит
под кручей, —
Он смотрит туда, в вышину.

Я знаю, волна, свирепея,
Навеки сомкнётся над ним, —
И это всё Лорелея
Сделала пеньем своим.

Перевод В.В. Левика

Лорелей

Не знаю, о чём я тоскую,
Покою душе моей нет.
Забуть ни на миг не могу я
Преданье далёких лет.

Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.

Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем её золотым.

Проводит по золоту гребнем
И песню поёт она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.

Пловец в челноке
беззащитном
С тоскою глядит в вышину;
Несётся он к скалам
гранитным,
Но видит её одну.

А скалы кругом всё отвесней,
А волны — круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.

Перевод С.Я. Маршака

Вопросы и задания

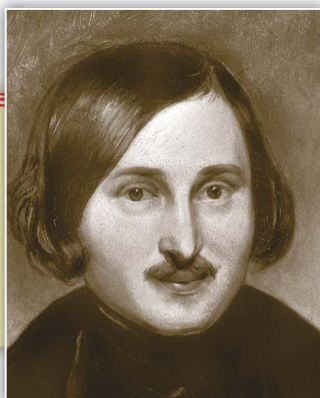
1. Мы привели два перевода стихотворения Г. Гейне. Выучите наизусть тот, который вам больше нравится. Постарайтесь объяснить, почему вы выбрали именно его.

2. При помощи каких средств поэт создаёт образ героини? Какой вы её себе представляете?

3. Как вы считаете, в чём заключена волшебная сила песни русалки? О чём она поёт?

4*. Проведите исследование, используя ресурсы библиотек, Интернета, и выясните, кто ещё из зарубежных и русских писателей использовал легенды о русалках в своём творчестве.

5*. Найдите информацию о морских существах древнегреческой мифологии — сиренах. Что общего у них с героиней Гейне?

**Николай Васильевич
ГОГОЛЬ**
1809—1852

Немало тайн хранит могучий Рейн! Множество преданий сложено о величественной Волге. Весь овеян сказками и легендами полноводный Дунай, чьи воды катятся по землям многих славянских народов. Не уступит другим рекам и чудный Днепр, вольный, неукротимый и пышный. Вы, конечно, помните, что именно таким описал его Николай Васильевич Гоголь. Но не только великие реки — каждый лес, холм и заброшенный дом дают пищу живой народной фантазии,

в каждом глубоком пруду или озере видятся полупрозрачные русалки, что при свете луны ведут колдовскую пляску.

В прошлом году вы читали удивительное описание Днепра из повести «Страшная месть». И «Страшная месть», и «Майская ночь, или Утопленница» входят в цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», созданный Н.В. Гоголем в начале 1830-х годов.

Цикл — так называют несколько произведений одного жанра, объединённых или действующими лицами, или образом рассказчика, или общей тематикой.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасечника Рудого Панька.

Такими словами открываются «Вечера...». Вымышленный рассказчик пасечник Рудый Панько весело и ласково приглашает читателя войти запросто, словно в свою хату, в праздничный и таинственный мир народной жизни. И перед этим приглашением нельзя устоять! С первой же страницы, где беседует с нами пасечник, веет на нас благоуханным воздухом украинских степей, доносятся звуки развесёлого гулянья, мелькает пёстрый девичий хоровод... Так и тянет заглянуть туда!

Чтобы создать свои повести, Н.В. Гоголь внимательно изучал фольклор Малороссии (теперешней Украины), где он родился и вырос. Сам записывал песни и сказки крестьян, просил свою матушку и друзей помочь ему в этой работе. Зато когда «Вечера на хуторе близ Диканьки» вышли из печати, они стали настоящим подарком и для самого наивного читателя, и для самого искушённого знатока.

Малороссийские поверья и легенды лежат в основе большинства произведений цикла. Иногда это страшные, леденящие кровь предания, как история молодого батрака Петра Безродного, поддавшегося на искушение и погубившего свою душу в Купальскую ночь («Вечер накануне Ивана Купала»). Но порой находчивость и отвага героев превращают их столкновение со сверхъестественными силами в комическое приключение. Лихой казак в рассказе «Пропавшая грамота» даже из бесовского вертепа выбирается невредимым, а кузнецу Вакуле в повести «Ночь перед Рождеством» удаётся на чёрте слетать в Санкт-Петербург да ещё проучить лукавого плетью.

В повести «Майская ночь...» таинственное, страшное смешано с комическим. Немало в ней искромётного юмора, необыкновенных ситуаций, ярких характеров. Читаешь и думаешь: сколько чудесного в мире, в природе, сколько загадок и неизведанных глубин, сколько скрытых сил в человеческой душе!

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

Ворог його батька знає! почнуть що-небудь робити люди крещені, то мурдують, мурдують, мов хорти за зайцем, а все щось не до шмигу; тільки ж куди чорт уплетеця, то верть хвостиком — так де воно й візмеця, неначе з неба¹.

I ГАННА

Звонкая песня лилась рекою по улицам села ***. Было то время, когда утомлённые дневными трудами и заботами парубки² и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать своё веселье в звуки, всегда неразлучные с унынь-

¹ Чёрт его знает! Начнут что-нибудь крещёные люди делать, мучаются, терзаются, словно гончие за зайцем, а всё нет толку; уж куда чёрт вмешается, верть хвостиком — так и не знаешь, откуда оно возьмётся, как будто с неба (укр.).

² *Пáрубok* (укр.) — парень, юноша.

ем. И вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал синее небо, преобразая всё в неопределённость и даль. Уже и сумерки; а песни всё не утихали. С бандурою¹ в руках пробирался ускользнувший от песельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка. Козак идёт по улице, бренчит рукою по струнам и подтанцовывает. Вот он тихо остановился перед дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? чья это дверь? Немного помолчавши, заиграл он и запел:

Сонце низенько, вечір близенько,
Вийди до мене, мое серденько!

— Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица! — сказал козак, окончивши песню и приближаясь к окну. — Галю! Галю! ты спишь или не хочешь ко мне выйти? Ты боишься, верно, чтобы нас кто не увидел, или не хочешь, может быть, показать белое личико на холод! Не бойся: никого нет. Вечер тёплый. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своим поясом, закрою руками тебя — и никто нас не увидит. Но если бы и повеяло холодом, я прижму тебя поближе к сердцу, отопрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки. Сердце моё, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! — проговорил он громче и таким голосом, каким выражает себя устыдившийся мгновенного унижения. — Тебе любо издеваться надо мною, прощай!

Тут он отворотился, насунул набекрень свою шапку и гордо отошёл от окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери в это время завертелась: дверь распахнулась со скрипом, и девушка на пороге семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила через порог. В полуюсном мраке горели приветно, будто звёздочки, ясные очи; блистало красное коралловое мо-

¹ Банду́ра — украинский народный струнный музыкальный инструмент.

нисто, и от орлиных очей парубка не могла укрыться даже крас-
ка, стыдливо вспыхнувшая на щеках её.

— Какой же ты нетерпеливый, — говорила она ему вполголоса. — Уже и рассердился! Зачем выбрал ты такое время: толпа народу шатается то и дело по улицам... Я вся дрожу...

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мне крепче! — говорил парубок, обнимая её, отбросив бандуру, висевшую на длинном ремне у него на шее, и садясь вместе с нею у дверей хаты. — Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько.

— Знаешь ли, что я думаю? — прервала девушка, задумчиво потопив в него свои очи. — Мне всё что-то будто на ухо шепчет, что вперёд нам не видаться так часто. Недобрые у вас люди: девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры стала суровее приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было.

Какое-то движение тоски выразилось на лице её при последних словах.

— Два месяца только в стороне родной, и уже соскучилась! Может, и я надоел тебе?

— О, ты мне не надоел, — молвила она, усмехнувшись. — Я тебя люблю, чернобровый козак! за то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими — у меня как будто на душе усмехается: и весело и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты чёрным усом своим; что ты идёшь по улице, поёшь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя.

— О моя милая девушка! — вскрикнул парубок, целуя и прижимая её сильнее к груди своей.

— Пстой! полно, Левко! Скажи наперёд, говорил ли ты с отцом своим?

— Что? — сказал он, будто проснувшись. — Да, что я хочу жениться, а ты выйти за меня замуж — говорил. — Но как-то унывно зазвучало в устах его это слово: говорил.

— Что же?

— Что станешь делать с ним? Притворился старый хрен по своему обыкновению глухим: ничего не слышит и ещё бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам. Но не тужи, моя Галю! Вот тебе слово козацкое, что уломаю его.

— Да тебе только стоит, Левко, слово сказать — и всё будет по-твоему. Я знаю это по себе: иной раз не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно делаю, что тебе хочется. Посмотри, посмотри! — продолжала она, положив голову на плечо ему и подняв глаза вверх, где необъятно синело тёплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ними вишен. — Посмотри, вон-вон далеко мелькнули звёздочки: одна, другая, третья, четвёртая, пятая... Не правда ли, ведь это ангелы Божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе и глядят на нас? Да, Левко? Ведь это они глядят на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, — туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба. А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далёкой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нём на землю ночью перед светлым праздником.

— Нет, Галю; у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Её становятся перед Светлым воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле.

— Как тихо колышется вода, будто дитя в люльке! — продолжала Ганна, указывая на пруд, угрюмо обставленный тёмным кленовым лесом и оплакиваемый вербами, потопившими в нём жалобные свои ветви. Как бессильный старец, держал он в холодных объятиях своих далёкое, тёмное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звёзды, которые тускло реяли среди тёплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи. Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали

его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес, обнимая свою тень, бросал на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду.

— Я помню будто сквозь сон, — сказала Ганна, не спуская глаз с него, — давно, давно, когда я ещё была маленькою и жила у матери, что-то страшное рассказывали про дом этот. Левко, ты, верно, знаешь, Расскажи!..

— Бог с ним, моя красавица! Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснёшься тебе покойно.

— Расскажи, Расскажи, милый, чернобровый парубок! — говорила она, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его. — Нет, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться да думать... Расскажи, Левко!..

— Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит чёрт, подстрекающий их любопытство. Ну слушай: давно, моё серденько, жил в этом доме сотник¹. У сотника была дочка, ясная панночка², белая, как снег, как твоё личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумал сотник жениться на другой. «Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмёшь другую жену?» — «Буду, моя дочка; ещё крепче прежнего стану прижимать тебя к сердцу! Буду, моя дочка; ещё ярче стану дарить серьги и монисты!»

Привёз сотник молодую жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, её увидевши; и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь: ушёл сотник с молодою женой в свою опочивальню; заперлась и белая панночка в своей свет-

¹ *Сотник* — начальник административно-территориальной и военной сотни на Украине в XVI—XVIII вв.

² *Панночка* — дочь пана, барина (в Польше, на Украине).

лице. Горько сделалось ей; стала плакать. Глядит: страшная чёрная кошка крадётся к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку, — кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит её. С криком оторвавши от себя, кинула на пол; опять крадётся страшная кошка. Тоска её взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила её и бряк по полу — лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в тёмном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха её ведьма и что она ей перерубила руку. На четвёртый день приказал сотник своей дочке носить воду, мести хату, как простой мужичке, и не показываться в панские покои. Тяжело было бедняжке, да нечего делать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгнал сотник свою дочку босую из дому и куска хлеба не дал на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками белое лицо своё: «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила ведьма грешную душу твою! Прости тебя Бог; а мне, несчастной, видно, не велит он жить на белом свете!..» И вон, видишь ли ты... — Тут оборотился Левко к Ганне, указывая пальцем на дом. — Гляди сюда: вон, подалее от дома, самый высокий берег! С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало её на свете...

— А ведьма? — боязливо прервала Ганна, устремив на него прослезившиеся очи.

— Ведьма? Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в панский сад греться на месяце; и сотникова дочка сделалась над ними главною. В одну ночь увидела она мачеху свою возле пруда, напала на неё и с криком утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась: оборотилась под водою в одну из утопленниц и через то ушла от плети из зелёного тростника, которою хотели её бить утопленницы. Верь бабам! Рассказывают ещё, что панночка собирает всякую ночь утоплен-

И.Е. Репин. Вечорницы¹. 1881 г.

ниц и заглядывает поодиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма; но до сих пор не узнала. И если попадётся из людей кто, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде. Вот, моя Галю, как рассказывают старые люди!.. Теперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говор. Это наши возвращаются с песен. Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай об этих бабьих выдумках!

Сказавши это, он обнял её крепче, поцеловал и ушёл.

— Прощай, Левко! — говорила Ганна, задумчиво вперив очи на тёмный лес. Огромный огненный месяц величественно стал

¹ Вечорницы — посиделки, гуляния с песнями и танцами; устраивались в одном из домов.

в это время вырезываться из земли. Ещё половина его была под землёю, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. Пруд тронулся искрами. Тень от деревьев ясно стала отделяться на тёмной зелени.

— Прощай, Ганна! — раздались позади её слова, сопровождаемые поцелуем.

— Ты воротился! — сказала она, оглянувшись; но, увидев перед собою незнакомого парубка, отвернулась в сторону.

— Прощай, Ганна! — раздалось снова, и снова поцеловал её кто-то в щёку.

— Вот принесла нелёгкая и другого! — проговорила она с сердцем.

— Прощай, милая Ганна!

— Ещё и третий!

— Прощай! прощай! прощай, Ганна! — И поцелуи засыпали её со всех сторон.

— Да тут их целая ватага! — кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать её. — Как им не надоест беспрестанно целоваться! Скоро, ей-богу, нельзя будет показаться на улице!

Вслед за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, как с визгом задвинулся железный засов.

Вопросы и задания

1. Подумайте, почему писатель называет главу именем героини, хотя описывает свидание Левко и Ганны?
2. Как раскрывается душа молодой козачки в её речах?
3. Как Гоголь описал Ганну? Подумайте, почему он не дал подробного портрета девушки. Какое отношение автора к героине выражается в тексте?
4. Перескажите близко к тексту историю о панночке, дочке сотника. Как вы думаете, для чего этот эпизод нужен в тексте?
- 5*. Как вы думаете, сказкой, преданием или легендой является эта история? Докажите свою точку зрения.

II ГОЛОВА¹

Знаете ли вы украинскую ночь? о, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё: с середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключён в тёмно-зелёные стены садов. Девственные чащи черёмух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А сверху всё дышит, всё дивно, всё торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в её глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг всё ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посереде неба... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Ещё белее, ещё лучше блестят при месяце толпы хат; ещё ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Всё тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин.

— Да, гопак не так танцуется! То-то я гляжу, не клеится всё. Что ж это рассказывает кум?.. А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп! — Так разговаривал сам с собою подгулявший мужик средних лет, танцуя по улице. — Ей-богу, не так танцуется гопак! Что мне лгать! ей-богу, не так! А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!

¹ Голова́ — военная и административная должность в России XVI—XVIII вв.

Иллюстрация к повести. Палех. Художник Т.И. Зубкова. 1951 г.

— Вот одурел человек! добро бы ещё хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице! — вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому. — Ступай в хату свою. Пора спать давно!

— Я пойду! — сказал, остановившись, мужик. — Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что он думает, *дидько б утысса его батькови*¹, что он голова, что он обливает людей на морозе холодную водою, так и нос поднял! Ну, голова, голова. Я сам себе голова. Вот, убей меня Бог! Бог меня убей, я сам себе голова. Вот что, а не то что... — продолжал он, подходя к первой

¹ Чёрт бы явился его отцу!

попавшейся хате, и остановился перед окошком, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. — Баба, отворяй! Баба, живей, говорят тебе, отворяй! Козаку спать пора!

— Куда ты, Каленик? Ты в чужую хату попал! — закричали, смеясь, позади его девушки, ворочавшиеся с весёлых песней. — Показать тебе твою хату?

— Покажите, любезные молодухи!

— Молодушки? слышите ли, — подхватила одна, — какой учтивый Каленик! За это ему нужно показать хату... но нет, наперёд потанцуй!

— Потанцевать?.. эх вы, замысловатые девушки! — протяжно произнёс Каленик, смеясь и грозя пальцем и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одном месте. — А дадите перецеловать себя? Всех перецелую, всех!.. — И косвенными шагами пустился бежать за ними. Девушки подняли крик, перемешались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик не слишком был скор на ноги.

— Вон твоя хата! — закричали они ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболее прочих, принадлежавшую сельскому голове. Каленик послушно пошёл в ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этот голова, возбудивший такие невыгодные о себе толки и речи? О, этот голова важное лицо на селе. Покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нём. Всё село, заведя его, берётся за шапки; а девушки, самые молоденькие, отдают *добри-день*. Кто бы из парубков не захотел быть головою! Голове открыт свободный вход во все тавлиники¹; и дюжий мужик почтительно стоит, снявши шапку, во всё продолжение, когда голова запускает свои толстые и грубые пальцы в его лубошную табакерку. В мирской сходке, или громаде, несмотря на то что власть его ограничена несколькими голосами, голова всегда берёт верх и почти по своей воле высылаёт, кого ему угодно, ровнять и гла-

¹ Тавлі́нка — табакерка из дерева или бересты.

дить дорогу или копать рвы. Голова угрюм, суров с виду и не любит много говорить. Давно ещё, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он в провожатые; целые два дня находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером. И с той самой поры ещё голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз усы и кидать соколиный взгляд исподлобья. И с той поры голова, об чём бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вёз царицу и сидел на козлах царской кареты. Голова любит иногда прикинуться глухим, особенно если услышит то, чего не хотелось бы ему слышать. Голова терпеть не может щегольства: носит всегда свитку чёрного домашнего сукна, перепоясывается шерстяным цветным поясом, и никто никогда не видал его в другом костюме, выключая разве только времени проезда царицы в Крым, когда на нём был синий козацкий жупан¹. Но это время вряд ли кто мог запомнить из целого села; а жупан держит он в сундуке под замком. Голова вдов; но у него живёт в доме свояченица, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядёт ему на рубашки и заведывает всем домом. На селе поговаривают, будто она совсем ему не родственница; но мы уже видели, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочем, может быть, к этому подало повод и то, что свояченице всегда не нравилось, если голова заходил в поле, усеянное жницами, или к козаку, у которого была молодая дочка. Голова крив; но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако ж, он наведёт его на смазливое личико, пока не обсмотрится хорошенько, не глядит ли откуда свояченица. Но мы почти всё уже рассказали, что нужно, о голове; а пьяный Каленик не добрался ещё и до половины дороги и долго ещё угощал голову всеми отборными словами, какие могли только вспасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его.

¹ Жупан — старинная тёплая верхняя одежда (у украинцев и поляков).

Вопросы и задания

1. Подготовьте выразительное чтение фрагмента описания украинской ночи. Какое настроение создаёт в нём писатель?
2. Какие известные вам средства художественной выразительности используются в этом эпизоде?
3. Внимательно перечитайте фрагмент, рассказывающий о казацком голове. Как подтверждаются слова: «этот голова важное лицо на селе»?
4. В чём особенность описания этого героя? Можем ли мы точно определить отношение к нему автора?
5. О каких качествах характера головы автор сказал прямо, а о каких дал нам возможность догадаться самим?

III

НЕОЖИДАННЫЙ СОПЕРНИК. ЗАГОВОР

— Нет, хлопцы, нет, не хочу! Что за разгулье такое! Как вам не надоест повесничать? И без того уже прослыли мы Бог знает какими буянами. Ложитесь лучше спать! — так говорил Левко разгульным товарищам своим, подговаривавшим его на новые проказы. — Прощайте, братцы! покойная вам ночь! — И быстрыми шагами шёл от них по улице.

«Спит ли моя ясноокая Ганна?» — думал он, подходя к знакомой нам хате с вишнёвыми деревьями. Среди тишины послышался тихий говор. Левко остановился. Между деревьями забелела рубашка... «Что это значит?» — подумал он и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свете месяца блистало лицо стоявшей перед ним девушки... Это Ганна! Но кто же этот высокий человек, стоявший к нему спиной? Напрасно обсматривал он: тень покрывала его с ног до головы. Спереди только он был освещён немного; но малейший шаг вперёд Левка уже подвергал его неприятности быть открытым. Тихо прислонившись к дереву, решил он остаться на месте. Девушка ясно выговорила его имя.

— Левко? Левко ещё молокосос! — говорил хрипло и вполголоса высокий человек. — Если я встречу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чуб...

— Хотелось бы мне знать, какая это шельма похвастается выдрать меня за чуб! — тихо проговорил Левко и протянул шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомец продолжал так тихо, что нельзя было ничего расслышать.

— Как тебе не стыдно! — сказала Ганна по окончании его речи. — Ты лжёшь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил!

— Знаю, — продолжал высокий человек, — Левко много наговорил тебе пустяков и вскружил твою голову (тут показалось парубку, что голос незнакомца не совсем незнаком и как будто он когда-то его слышал); но я дам себя знать Левку! — продолжал всё так же незнакомец. — Он думает, что я не вижу всех его шашней. Попробует он, собачий сын, каковы у меня кулаки.

При сём слове Левко не мог уже более удержать своего гнева. Подошедши на три шага к нему, замахнулся он со всей силы, чтобы дать треуха, от которого незнакомец, несмотря на свою видимую крепость, не устоял бы, может быть, на месте; но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел, увидевши, что перед ним стоял отец его. Невольное покачивание головою и лёгкий сквозь зубы свист одни только выразили его изумление. В стороне послышался шорох; Ганна поспешно влетела в хату, захлопнув за собою дверь.

— Прощай, Ганна! — закричал в это время один из парубков, подкравшись и обнявши голову; и с ужасом отскочил назад, встретивши жёсткие усы.

— Прощай, красавица! — вскричал другой; но на сей раз полетел стремглав от тяжёлого толчка головы.

— Прощай, прощай, Ганна! — закричало несколько парубков, повиснув ему на шею.

— Провалитесь, проклятые сорванцы! — кричал голова, отбиваясь и притопывая на них ногами. — Что я вам за Ганна! Уби-

райтесь вслед за отцами на виселицу, чёртовы дети! Прильнули, как мухи к мёду! Дам я вам Ганны!..

— Голова! Голова! это голова! — закричали хлопцы и разбежались во все стороны.

— Ай да батько! — говорил Левко, очнувшись от своего изумления и глядя вслед уходившему с ругательствами голове. — Вот какие за тобою водятся проказы! славно! А я дивлюсь да передумываю, что б это значило, что он всё притворяется глухим, когда станешь говорить о деле. Постой же, старый хрен, ты у меня будешь знать, как шататься под окнами молодых девушек, будешь знать, как отбивать чужих невест! Гей, хлопцы! сюда! сюда! — кричал он, махая рукою к парубкам, которые снова собирались в кучу. — Ступайте сюда! Я увещевал вас идти спать, но теперь раздумал и готов хоть целую ночь сам гулять с вами.

— Вот это дело! — сказал плечистый и дородный парубок, считавшийся первым гулякой и повесой на селе. — Мне всё кажется тошно, когда не удаётся погулять порядком и настроить штук. Всё как будто недостаёт чего-то. Как будто потерял шапку или люльку; словом, не козак, да и только.

— Согласны ли вы побесить хорошенько сегодня голову?

— Голову?

— Да, голову. Что он, в самом деле, задумал! Он управляет у нас, как будто гетьман какой. Мало того что помыкает, как своими холопьями, ещё и подъезжает к дивчатам нашим. Ведь, я думаю, на всём селе нет смазливой девки, за которою бы не волочился голова.

— Это так, это так, — закричали в один голос все хлопцы.

— Что ж мы, ребята, за холопья? Разве мы не такого роду, как и он? Мы, слава богу, вольные козаки! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!

— Покажем! — закричали парубки. — Да если голову, то и писаря не минути!

— Не минем и писаря! А у меня, как нарочно, сложилась в уме славная песня про голову. Пойдемте, я вас её выучу, —

продолжал Левко, ударив рукою по струнам бандуры. — Да слушайте: попереодевайтесь, кто во что ни попало!

— Гуляй, козацкая голова! — говорил дюжий повеса, ударив ногою в ногу и хлопнув руками. — Что за роскошь! Что за воля! Как начнёшь беситься, чудится, будто поминаешь давние годы. Любо, вольно на сердце; а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!..

И толпа шумно понеслась по улицам. И благочестивые старушки, пробуждённые криком, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «Ну, теперь гуляют парубки!»

Вопросы и задания

1. Как дополняет характеристику головы этот эпизод?
2. Почему Левко, сначала не желавший озорничать с другими парубками, изменил решение?
3. Как вы думаете, почему все молодые козаки охотно согласились «побесить... голову»?

IV ПАРУБКИ ГУЛЯЮТ

Одна только хата светилась ещё в конце улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончил свой ужин и, без сомнения, давно бы уже заснул; но у него был в это время гость, винокур, присланный строить винокурню помещиком, имевшим небольшой участок земли между вольными козаками. Под самым покутом¹, на почётном месте, сидел гость — низенький, толстенький человечек с маленькими, вечно смеющимися глазками, в которых, кажется, написано было то удовольствие, с каким курил он свою коротенькую люльку, поминутно сплёвывая и придавливая пальцем вылезавший из неё превращённый в золу табак. Облака дыма быстро разрастались над ним, одевая его в сизый туман. Казалось, будто широкая труба с какой-нибудь винокур-

¹ Поку́т — здесь: красный угол.

ни, наскуча сидеть на своей крыше, задумала прогуляться и чинно уселась за столом в хате головы. Под носом торчали у него коротенькие и густые усы; но они так неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокур поймал и держал во рту своём, подрывая монополию амбарного кота. Голова, как хозяин, сидел в одной только рубашке и полотняных шароварах. Орлиный глаз его, как вечереющее солнце, начинал мало-помалу жмуриться и меркнуть. На конце стола курил люльку один из сельских десятских, составлявших команду головы, сидевший из почтения к хозяину в свитке¹.

— Скоро же вы думаете, — сказал голова, оборотившись к винокуру и кладя крест на зевнувший рот свой, — поставить вашу винокурню?

— Когда Бог поможет, то сею осенью, может, и закурим. На Покров², я готов поставить Бог знает что, если пан голова не будет писать ногами немецкие крендели по дороге.

По произнесении сих слов глазки винокура пропали; вместо их протянулись лучи до самых ушей; всё туловище стало колебаться от смеха, и весёлые губы оставили на мгновение дымившуюся люльку.

— Дай Бог, — сказал голова, выразив на лице своём что-то подобное улыбке. — Теперь ещё, слава Богу, винниц развелось немного. А вот в старое время, когда провожал я царицу по перемыславской дороге, ещё покойный Безбородько...

— Ну, сват, вспомнил время! Тогда от Кременчуга до самых Ромен не насчитывали и двух винниц. А теперь... Слышал ли ты, что повыдумали проклятые немцы? Скоро, говорят, будут курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром. — Говоря эти слова, винокур в размышлении

¹ *Світка* — длинная верхняя распахная одежда из сукна, разновидность кафтана.

² *Покров* (Покров Пресвятой Богородицы) — церковный праздник, отмечается 14 октября. По преданию, в этот день Богородица явилась молящимся в храме в Константинополе и распростёрла над ними белое покрывало — покров.

глядел на стол и на расставленные на нём руки свои. — Как это паром — ей-богу, не знаю!

— Что за дурни, прости Господи, эти немцы! — сказал голова. — Я бы батогом¹ их, собачьих детей! Слыханное ли дело, чтобы паром можно было кипятить что. Поэтому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губ, вместо молодого поросёнка...

— И ты, сват, — отозвалась сидевшая на лежанке, поджавши под себя ноги, свояченица, — будешь все это время жить у нас без жены!

— А для чего она мне? Другое дело, если бы что доброе было.

— Будто не хороша? — спросил голова, устремив на него глаз свой.

— Куды тебе хороша! *Старá, як бис*². Харя вся в морщинах, будто выпороженный кошелёк. — И низенькое строение винокура расшаталось снова от громкого смеха.

В это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил за порог и стал, как будто в раздумьи, посреди хаты, разинувши рот и оглядывая потолок. Это был знакомец наш, Каленик.

— Вот я и домой пришёл! — говорил он, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого внимания на присутствующих. — Вишь, как растянул, вражий сын, сатана, дорогу! Идёшь, идёшь, и конца нет! Ноги как будто переломал кто-нибудь. Достань-ка там, баба, тулуп, подостлать мне. На печь к тебе не приду, ей-богу, не приду: ноги болят! Достань его, там он лежит, близ покута; гляди только, не опрокинь горшка с тёртым табаком. Или нет, не тронь, не тронь! Ты, может быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я сам достану.

Каленик приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его к скамейке.

— За это люблю, — сказал голова, — пришёл в чужую хату и распоряжается, как дома! Выпроводить его подобру-поздорову!..

¹ Батóg — палка.

² Как бес (укр.).

— Оставь, сват, отдохнуть! — сказал винокур, удерживая его за руку. — Это полезный человек; побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла...

Однако ж не добродушие вынудило эти слова. Винокур верил всем приметам, и тотчас прогнать человека, уже севшего на лавку, значило у него накликать беду.

— Что-то как старость придёт!.. — ворчал Каленик, ложась на лавку. — Добро бы, ещё сказать, пьян; так нет же, не пьян. Ей-богу, не пьян! Что мне лгать? Я готов объявить это хоть самому голове. Что мне голова? Чтоб он издохнул, собачий сын! Я плюю на него! Чтоб его, одноглазого чёрта, возом переехало! Что он обливает людей на морозе...

— Эге! влезла свинья в хату, да и лапы суёт на стол, — сказал голова, гневно подымаясь с своего места; но в это время увесистый камень, разбивши окно вдребезги, полетел ему под ноги. Голова остановился. — Если бы я знал, — говорил он, подымая камень, — какой это висельник швырнул, я бы выучил его, как кидаться! Экие проказы! — продолжал он, рассматривая его на руке пылающим взглядом. — Чтобы он подавился этим камнем...

— Стой, стой! Боже тебя сохрани, сват! — подхватил, побледневши, винокур. — Боже сохрани тебя, и на том и на этом свете, поблагословить кого-нибудь такую побранкою!

— Вот нашёлся заступник! Пусть он пропадёт!..

— И не думай, сват! Ты не знаешь, верно, что случилось с покойною тёщею моею?

— С тёщей?

— Да, с тёщей. Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная тёща, покойный тесть, да наймыт¹, да наймычка, да детей штук с пятеро. Тёща отсыпала немного галушек из большого казана в миску, чтобы не так были горячи. После работ все проголодались и не хотели ждать, пока простынут. Вздввши на длинные деревянные спички галушки,

¹ *Наймыт* (наймит) — наёмный работник.

начали есть. Вдруг откуда ни возьмись человек, — какого он роду, Бог его знает, — просит и его допустить к трапезе. Как не накормить голодного человека! Дали и ему спичку. Только гость упрятывает галушки, как корова сено. Покамест те съели по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, как панский помост. Тёща насыпала еще; думает, гость наелся и будет убирать меньше. Ничего не бывало. Ещё лучше стал уплетать! И другую выпорожнил! «А чтоб ты подавился этими галушками!» — подумала голодная тёща; как вдруг тот поперхнулся и упал. Кинулись к нему — и дух вон. Удавился.

— Так ему, обжоре проклятому, и нужно! — сказал голова.

— Так бы, да не так вышло: с того времени покою не было тёще. Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу, проклятый, и галушку держит в зубах. Днём всё покойно, и слуху нет про него; а только станет примеркать — погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу...

— И галушка в зубах?

— И галушка в зубах.

— Чудно, сват! Я слыхал что-то похожее ещё за покойницу царицу...

Тут голова остановился. Под окном слышался шум и топанье танцующих. Сперва тихо звукнули струны бандуры, к ним присоединился голос. Струны загрели сильнее; несколько голосов стали подтягивать, и песня зашумела вихрем:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крепки!
У кривого головы
В голове расселись клепки¹.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами! батогами!

¹ Клёпка — деталь бочки, соединяющая конструкцию.

Голова наш сед и крив;
Стар, как бес, а что за дурень!
Прихотлив и похотлив:
Жмётся к девкам... Дурень, дурень!
И тебе лезть к парубкам,
Тебя б нужно в домовину¹,
По усам, да по шеям!
За чуприну! за чуприну!

— Славная песня, сват! — сказал винокур, наклоня немного набок голову и оборотившись к голове, остолбеневшему от изумления при виде такой дерзости. — Славная! скверно только, что голову поминают не совсем благопристойными словами... — И опять положил руки на стол с каким-то сладким умилением в глазах, приготавливаясь слушать ещё, потому что под окном гремел хохот и крики: «Снова! снова!» Однако ж проницательный глаз увидел бы тотчас, что не изумление удерживало долго голову на одном месте. Так только старый, опытный кот допускает иногда неопытной мыши бегать около своего хвоста; а между тем быстро созидаёт план, как перерезать ей путь в свою нору. Ещё одинокий глаз головы был устремлён на окно, а уже рука, давши знак десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдруг на улице поднялся крик... Винокур, к числу многих достоинств своих присоединявший и любопытство, быстро набивши табаком свою люльку, выбежал на улицу; но шалуны уже разбежались.

«Нет, ты не ускользнёшь от меня!» — кричал голова, таща за руку человека в вывороченном шерстью вверх овчинном чёрном тулупе. Винокур, пользуясь временем, подбежал, чтобы посмотреть в лицо этому нарушителю спокойствия, но с робостию попятился назад, увидевши длинную бороду и страшно размалёванную рожу. «Нет, ты не ускользнёшь от меня!» — кричал голова, продолжая тащить своего пленника прямо в сени, кото-

¹ Домовина (разг.) — гроб.

рый, не оказывая никакого сопротивления, спокойно следовал за ним, как будто в свою хату.

— Карпо, отворяй комору¹! — сказал голова десятскому. — Мы его в тёмную комору! А там разбудим писаря, соберём десятских, переловим всех этих буянов и сегодня же и резолюцию всем им учиним!

Десятский забренчал небольшим висячим замком в сенях и отворил комору. В это самое время пленник, пользуясь темнотою сеней, вдруг вырвался с необыкновенною силою из рук его.

— Куда? — закричал голова, ухватив его ещё крепче за ворот.

— Пусти, это я! — слышался тоненький голос.

— Не поможет! не поможет, брат! Визжи себе хоть чёртом, не только бабою, меня не проведёшь! — и толкнул его в тёмную комору так, что бедный пленник застонал, упавши на пол, а сам в сопровождении десятского отправился в хату писаря, и вслед за ними, как пароход, задымился винокур.

В размышлении шли они все трое, потупив головы, и вдруг, на повороте в тёмный переулок, разом вскрикнули от сильного удара по лбам, и такой же крик отгрянул в ответ им. Голова, прищуривши глаз свой, с изумлением увидел писаря с двумя десятскими.

— А я к тебе иду, пан писарь.

— А я к твоей милости, пан голова.

— Чудеса завелися, пан писарь.

— Чудные дела, пан голова.

— А что?

— Хлопцы бесятся! бесчинствуют целыми кучами по улицам. Твою милость величают такими словами — словом, сказать стыдно; пьяный москаль побоится выбросить их нечестивым своим языком. (Всё это худощавый писарь, в пестрядевых шароварах и жилете цвету винных дрожжей, сопровождал протягиванием шеи вперёд и приведением её тот же час в прежнее состояние.)

¹ Комóра (камора) — чулан, кладовая.

Вздremнул было немного, подняли с постели проклятые сорванцы своими срамными песнями и стуком! Хотел было хорошенько приструнить их, да покамест надел шаровары и жилет, все разбежались куда попало. Самый главный, однако ж, не увернулся от нас. Распевает он теперь в той хате, где держат колодников¹. Душа горела у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, как у чёрта, что куёт гвозди для грешников.

— А как он одет, пан писарь?

— В чёрном вывороченном тулупе, собачий сын, пан голова.

— А не лжёшь ли ты, пан писарь? Что, если этот сорванец сидит теперь у меня в коморе?

— Нет, пан голова. Ты сам, не во гнев будь сказано, погрешил немного.

— Давайте огня! мы посмотрим его!

Огонь принесли, дверь отперли, и голова ахнул от удивления, увидев перед собою свояченицу.

— Скажи, пожалуйста, — с такими словами она приступила к нему, — ты не свихнулся ещё с последнего ума? Была ли в одноглазой башке твоей хоть капля мозга, когда толкнул ты меня в тёмную комору; счастье, что не ударилась головою об железный крюк. Разве я не кричала тебе, что это я? Схватил, проклятый медведь, своими железными лапами да и толкает! Чтоб тебя на том свете толкали черти!..

Последние слова вынесла она за дверь на улицу, куда отправилась для каких-нибудь своих причин.

— Да, я вижу, что это ты! — сказал голова, очнувшись.

— Что скажешь, пан писарь, не шельма этот проклятый сорвиголова?

— Шельма, пан голова.

— Не пора ли нам всех этих повес прошколить хорошенько и заставить их заниматься делом?

— Давно пора, давно пора, пан голова.

¹ Колóдник (устар.) — арестант в колодках (деревянных приспособлениях, надевавшихся на ноги для предупреждения побега).

— Они, дурни, забрали себе... Кой чёрт? мне почудился крик свояченицы на улице; они, дурни, забрали себе в голову, что я им ровень. Они думают, что я какой-нибудь их брат, простой козак! — ...Небольшой последовавший за сим кашель и устремление глаза исподлобья вокруг давало догадываться, что голова готовится говорить о чём-то важном. — В тысячу... этих проклятых названий годов, хоть убей, не выговорю; ну, году, комиссару тогдашнему *Ледачему* дан был приказ выбрать из козак такого, который бы был посмышлёнее всех. О! (это «о!» голова произнёс, поднявши палец вверх), — посмышлёнее всех! в проводники к царице. Я тогда...

— Что и говорить! это всякий уже знает, пан голова. Все знают, как ты выслужил царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватил немного на душу греха, сказавши, что поймал этого сорванца в вывороченном тулупе?

— А что до этого дьявола в вывороченном тулупе, то его, в пример другим, заковать в кандалы и наказать примерно. Пусть знают, что значит власть! От кого же и голова поставлен, как не от царя? Потом доберёмся и до других хлопцев: я не забыл, как проклятые сорванцы вогнали в огород стадо свиней, переевших мою капусту и огурцы; я не забыл, как чёртовы дети отказались вымолотить моё жито; я не забыл... Но провались они, мне нужно непременно узнать, какая это шельма в вывороченном тулупе.

— Это проворная, видно, птица! — сказал винокур, которого щёки в продолжение всего этого разговора беспрерывно заряжались дымом, как осадная пушка, и губы, оставив коротенькую люльку, выбросили целый облачный фонтан. — Эдакого человека не худо, на всякий случай, и при виннице держать; а ещё лучше повесить на верхушке дуба вместо паникадила.

Такая острота показалась не совсем глупою винокуру, и он тот же час решился, не дожидаясь одобрения других, наградить себя хриплым смехом.

В это время стали приближаться они к небольшой, почти повалившейся на землю хате, — любопытство наших путников

увеличилось. Все столпились у дверей. Писарь вынул ключ, загремел им около замка: но этот был от сундука его. Нетерпение увеличилось. Засунув руку, начал он шарить и сыпать побранки, не отыскивая его. «Есть!» — сказал он наконец, нагнувшись и вынимая его из глубины обширного кармана, которым снабжены были его пестрядевые шаровары. При этом слове сердца наших героев, казалось, слились в одно, и это огромное сердце забилося так сильно, что неровный стук его не был заглушён даже брякнувшим замком. Двери отворились, и...

Голова стал бледен, как полотно; винокур почувствовал холод, и волосы его, казалось, хотели улететь на небо; ужас изобразился в лице писаря; десятские приросли к земле и не в состоянии были сомкнуть дружно разинутых ртов своих: перед ними стояла свояченица.

Изумлённая не менее их, она, однако ж, немного очнулась и сделала движение подойти к ним.

— Стой! — закричал диким голосом голова и захлопнул за нею дверь. — Господа! это сатана! — продолжал он. — Огня! живее огня! Не пожалею казённой хаты! Зажигай её, зажигай, чтобы и костей чёртовых не осталось на земле!

Свояченица в ужасе кричала, слыша за дверью грозное определение.

— Что вы, братцы! — говорил винокур. — Слава Богу, волосы у вас чуть не в снегу, а до сих пор ума не нажили: от простого огня ведьма не загорится! Только огонь из лульки может зажечь оборотня. Пойдите, я сейчас всё улажу!

Сказавши это, высыпал он горячую золу из трубки в пук соломы и начал раздувать её. Отчаяние придало в это время духу бедной свояченице, громко стала она умолять и разуверять их.

— Пойдите, братцы! Зачем напрасно греха набираться; может быть, это и не сатана, — сказал писарь. — Если оно, то есть то самое, которое сидит там, согласится положить на себя крестное знамение, то это верный знак, что не чёрт.

Предложение одобрено.

— Чур меня, сатана! — продолжал писарь, приложась губами к скважине в дверях. — Если не пошевелишься с места, мы отворим дверь.

Дверь отворилась.

— Перекрестись! — сказал голова, оглядываясь назад, как будто выбирая безопасное место в случае ретирады¹.

Свояченица перекрестилась.

— Кой чёрт! Точно, это свояченица!

— Какая нечистая сила затащила тебя, кума, в эту конуру?

И свояченица, всхлипывая, рассказала, как схватили её хлопцы в охапку на улице и, несмотря на сопротивление, опустили в широкое окно хаты и заколотили ставнем. Писарь взглянул: завески у широкого ставня оторваны, и он приколотен только сверху деревянным брусом.

— Добро ты, одноглазый сатана! — вскричала она, приступив к голове, который попятился немного и всё ещё продолжал её мерять своим глазом. — Я знаю твой умысел: ты хотел, ты рад был случаю сжечь меня, чтобы свободнее было волочиться за девушками, чтобы некому было видеть, как дурачится седой дед. Ты думаешь, я не знаю, о чём говорил ты сего вечера с Ганною? О! я знаю всё. Меня трудно провесть и не твоей бестолковой башке. Я долго терплю, но после не погневайся...

Сказавши это, она показала кулак и быстро ушла, оставив в ошолбенении голову. «Нет, тут не на шутку сатана вмешался», — думал он, сильно почёсывая свою макушку.

— Поймали! — вскрикнули вошедшие в это время десятские.

— Кого поймали? — спросил голова.

— Дьявола в вывороченном тулупе.

— Подавайте его! — закричал голова, схватив за руки приведённого пленника. — Вы с ума сошли: да это пьяный Каленик!

— Что за пропасть! в руках наших был, пан голова! — В переулке окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать,

¹ Ретира́да (устар.) — отступление.

высовывать языки, вырывать из рук... чёрт с вами!.. И как мы попали эту ворону вместо его, Бог один знает!

— Властью моей и всех мирян даётся повеление изловить сей же миг сего разбойника; а оным образом и всех, кого найдёте на улице, и привести на расправу ко мне!..

— Помилуй, пан голова! — закричали некоторые, кланяясь в ноги. — Увидел бы ты, какие хари: убей Бог нас, и родились и крестились — не видали таких мерзких рож. Долго ли до греха, пан голова, перепугают доброго человека так, что после ни одна баба не возьмётся вылить переполоху.

— Дам я вам переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, верно, держите их руку! Вы бунтовщики? Что это?.. Что это?.. Вы заводите разбои!.. Вы... В... Я донесу комиссару! Сей же час! слышите, сей же час. Бегите, летите птицею! Чтоб я вас... Чтоб вы мне...

Все разбежались.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвела на вас история о мертвеце с галушкой в зубах? Пугает она нас или смешит?
2. Какую шутку сыграли с головой парубки?
3. За что высмеивали голову в козацкой песне? Справедливы ли эти насмешки?
4. Как вы думаете, на чьей стороне автор — головы или шутников? Как проявляется авторская позиция?

V

УТОПЛЕННИЦА

Не беспокоясь ни о чём, не заботясь о разосланных погонях, виновник всей этой кутерьмы медленно подходил к старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это был Левко. Чёрный тулуп его был расстёгнут. Шапку держал он в руке. Пот валился с него градом. Величественно и мрачно чернел кле-

новый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. Всё тихо; в глубокой чаще леса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась... «Нет, эдак я засну ещё здесь!» — говорил он, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним ещё блистательнее. Какое-то странное, упительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда ещё не случилось ему видеть подобного. Серебряный туман пал на окрестность. Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле. С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нём чист и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели весёлые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стёкла мелькала позолота. И вот почудилось, будто окно отворилось. Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, он, казалось, переселился в глубину его и видит: наперёд белый локоть выставился в окно, потом выглянула приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими сквозь тёмно-русые волны волос, и оперлась на локоть. И видит: она качает слегка головою, она машет, она усмехается... Сердце его разом забилося... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошёл он от пруда и взглянул на дом: мрачные ставни были открыты; стёкла сияли при месяце. «Вот как мало нужно полагаться на людские толки, — подумал про себя герой наш. — Дом новёхонький; краски живы, как будто сегодня он выкрашен. Тут живёт кто-нибудь», — и молча подошёл он ближе, но всё было в нём тихо. Сильно и звучно перекликались блистательные песни соловьёв, и когда они, казалось, умирали в томлении и неге, слышался шелест и трещание кузнечиков или гудение болотной птицы, ударявшей скользким носом своим в широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину

и раздолье ощутил Левко в своём сердце. Настроив бандуру, заиграл он и запел:

Ой та, місяцю, мій місяченьку!
І ти, зоре ясна!
Ой, світить там по подві'рі,
Де дівчина красна.

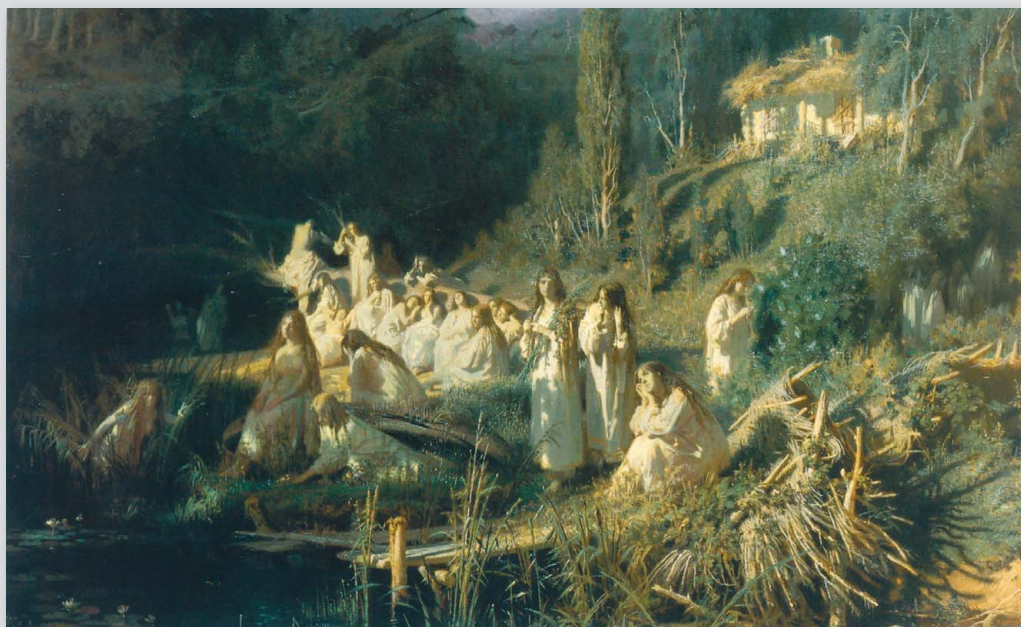
Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отражение видел он в пруде, выглянула, внимательно прислушиваясь к песне. Длинные ресницы её были полуопущены на глаза. Вся она была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась!.. Левко вздрогнул.

— Спой мне, молодой козак, какую-нибудь песню! — тихо молвила она, наклонив свою голову набок и опустив совсем густые ресницы.

— Какую же тебе песню спеть, моя ясная панночка?
Слёзы тихо покатались по бледному лицу её.

— Парубок, — говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось в её речи. — Парубок, найди мне мою мачеху! Я ничего не пожалею для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья¹, шитые шёлком, кораллы, ожерелья. Я подарю тебе пояс, унизанный жемчугом. У меня золото есть... Парубок, найди мне мою мачеху! Она страшная ведьма: мне не было от неё покою на белом свете. Она мучила меня, заставляла работать, как простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянец своими нечистыми чарами с щёк моих. Погляди на белую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоются, эти синие пятна от железных когтей её. Погляди на белые ноги мои: они много ходили; не по коврам только, — по песку горячему, по земле сырой, по колючему терновнику они ходили; а на очи мои, посмотри на очи: они не глядят от слёз... Найди её, парубок, найди мне мою мачеху!..

¹ Зарука́вье — богато украшенный нарукавник или манжета у старинного женского платья.

И.Н. Крамской. Русалки. 1871 г.

Голос её, который вдруг было возвысился, остановился. Ручьи слёз покатались по бледному лицу. Какое-то тяжёлое, полное жалости и грусти чувство спёрлось в груди парубка.

— Я готов на всё для тебя, моя панночка! — сказал он в сердечном волнении. — Но как мне, где её найти?

— Посмотри, посмотри! — быстро говорила она. — Она здесь! она на берегу играет в хороводе между моими девушками и греется на месяце. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя вид утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно от ней. Я не могу чрез неё плавать легко и вольно, как рыба. Я тону и падаю на дно, как ключ. Отыщи её, парубок!

Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали лёгкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты,

дукаты блистали на их шеях; но они были бледны; тело их было как будто сваяно из прозрачных облак и будто светилось насквозь при серебряном месяце. Хоровод, играя, придвинулся к нему ближе. Послышались голоса.

— Давайте в ворона, давайте играть в ворона! — зашумели все, будто приречный тростник, тронутый в тихий час сумерек воздушными устами ветра. — Кому же быть вороном?

Кинули жребий — и одна девушка вышла из толпы. Левко принялся разглядывать её. Лицо, платье — всё на ней такое же, как и на других. Заметно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебежала от нападений хищного врага.

— Нет, я не хочу быть вороном! — сказала девушка, изнемогая от усталости. — Мне жалко отнимать цыплёнок у бедной матери! «Ты не ведьма!» — подумал Левко.

— Кто же будет вороном? — Девушки снова собрались кинуть жребий. — Я буду вороном! — вызвалась одна из середины.

Левко стал пристально вглядываться в лицо ей. Скоро и смело гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву. Тут Левко стал замечать, что тело её не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то чёрное. Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы, схватил её, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лице её сверкнула злобная радость.

— Ведьма! — сказал он, вдруг указав на неё пальцем и оборотившись к дому.

Панночка засмеялась, и девушки с криком увели за собою представлявшую ворона.

— Чем наградить тебя, парубок? Я знаю, тебе не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отец мешает тебе жениться на ней. Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку...

Белая ручка протянулась, лицо её как-то чудно засветилось и засияло... С непостижимым трепетом и томительным биением сердца схватил он записку и... проснулся.

Вопросы и задания

1. Как Гоголь показал переход Левко из реального мира в чудесный фантастический мир панночки? Можно ли определить, наяву или во сне произошла их встреча?
2. Какие качества помогли Левко узнать ведьму? Вспомните эпизоды, в которых эти черты его характера уже проявлялись.
3. Как вы думаете, почему именно Левко сумел разгадать тайну старого дома?

VI ПРОБУЖДЕНИЕ

— Неужели это я спал? — сказал про себя Левко, вставая с небольшого пригорка. — Так живо, как будто наяву!.. Чудно, чудно!.. — повторил он, оглядываясь. Месяц, остановившийся над его головою, показывал полночь; везде тишина; от пруда веял холод; над ним печально стоял ветхий дом с закрытыми ставнями; мох и дикий бурьян показывали, что давно из него удались люди. Тут он разогнул свою руку, которая судорожно была сжата во всё время сна, и вскрикнул от изумления, почувствовав в ней записку. «Эх, если бы я знал грамоте!» — подумал он, оборачивая её перед собою на все стороны. В это мгновение послышался позади его шум.

— Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего трусили? нас десяток. Я держу заклад, что это человек, а не чёрт! — так кричал голова своим спутникам, и Левко увидел себя схваченным несколькими руками, из коих иные дрожали от страха. — Скидывай-ка, приятель, свою страшную личину! Полно тебе дурачить людей! — проговорил голова, ухватив его за ворот, и оторопел, выпучив на него глаз свой. — Левко, сын! — вскричал он, отступая от удивления и опуская руки. — Это ты, собачий сын! Вишь, бесовское рождение! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьявол строит штуки! А это, выходит, всё ты, невареный кисель твоему батьке в горло, изволишь заводить по

улице разбои, сочиняешь песни!.. Эге-ге-ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!

— Постой, батько! велено тебе отдать эту записочку, — проговорил Левко.

— Не до записок теперь, голубчик! Вязать его!

— Постой, пан голова! — сказал писарь, развернув записку. — Комиссарова рука!

— Комиссара?

— Комиссара? — повторили машинально десятские.

«Комиссара? чудно! ещё непонятнее!» — подумал про себя Левко.

— Читай, читай! — сказал голова. — Чтó там пишет комиссар?

— Послушаем, что пишет комиссар! — произнёс винокур, держа в зубах люльку и высекая огонь.

Писарь откашлялся и начал читать:

— «Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости...»

— Вот, ей-богу! — прервал голова. — Ничего не слышу!

Писарь начал снова:

— «Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый ду...»

— Стой, стой! не нужно! — закричал голова. — Я хоть и не слышал, однако ж знаю, что главного тут дела ещё нет. Читай далее!

— «А вследствие того приказываю тебе сей же час женить твоего сына, Левка Макогоненка, на козачке из вашего же села, Ганне Петрыченковой, а также починить мосты по столбовой дороге и не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым паничам¹, хотя бы они ехали прямо из казённой палаты. Если же, по приезде моём, найду оное приказание моё не приведённым в исполнение, то тебя одного потребую

¹ Судовый панич — представитель местного суда.

к ответу. Комиссар, отставной поручик Козьма Деркач-Дришпановский».

— Вот что! — сказал голова, разинувши рот. — Слышите ли вы, слышите ли: за всё с головы спросят, и потому слушаться! беспрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя, — продолжал он, оборотясь к Левку, — вследствие приказания комиссара, — хотя чудно мне, как это дошло до него, — я женю; только наперёд попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что висит у меня на стене возле покута? Я поновлю её завтра... Где ты взял эту записку?

Левко, несмотря на изумление, происшедшее от такого неожиданного оборота его дела, имел благоразумие приготовить в уме своём другой ответ и утаить настоящую истину, каким образом досталась записка.

— Я отлучался, — сказал он, — вчера ввечеру ещё в город и встретил комиссара, вылезавшего из брички. Узнавши, что я из нашего села, дал он мне эту записку и велел на словах тебе сказать, батько, что заедет на возвратном пути к нам пообедать.

— Он это говорил?

— Говорил.

— Слышите ли? — говорил голова с важною осанкою, оборотившись к своим спутникам. — Комиссар сам своею особою приедет к нашему брату, то есть ко мне, на обед! О! — Тут голова поднял палец вверх и голову привёл в такое положение, как будто бы она прислушивалась к чему-нибудь. — Комиссар, слышите ли, комиссар приедет ко мне обедать! Как думаешь, пан писарь, и ты, сват, это не совсем пустая честь! не правда ли?

— Ещё, сколько могу припомнить, — подхватил писарь, — ни один голова не угощал комиссара обедом.

— Не всякий голова голове чета! — произнёс с самодовольным видом голова. Рот его покривился, и что-то вроде тяжёлого, хриплого смеха, похожего более на гудение отдалённого грома, зазвучало в устах. — Как думаешь, пан писарь, нужно бы

для именитого гостя дать приказ, чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыплёнку, ну, полотна, ещё кое-чего... А?

— Нужно бы, нужно, пан голова!

— А когда же свадьбу, батько? — спросил Левко.

— Свадьбу? Дал бы я тебе свадьбу!.. Ну, да для именитого гостя... завтра вас поп и обвенчает. Чёрт с вами! Пусть комиссар увидит, что значит исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домам!.. Сегодняшний случай припомнил мне то время, когда я... — При сих словах голова пустил обыкновенный свой важный и значительный взгляд исподлобья.

— Ну, теперь пойдёт голова рассказывать, как вёз царицу! — сказал Левко и быстрыми шагами и радостно спешил к знакомой хате, окружённой низенькими вишнями. «Дай тебе Бог небесное царство, добрая и прекрасная панночка, — думал он про себя. — Пусть тебе на том свете вечно усмехается между ангелами святыми! Никому не расскажу про диво, случившееся в эту ночь; тебе одной только, Галю, передам его. Ты одна только поверишь мне и вместе со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!»

Тут он приблизился к хате; окно было отперто; лучи месяца проходили чрез него и падали на спящую перед ним Ганну; голова её оперлась на руку; щёки тихо горели; губы шевелились, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись тебе всё, что есть лучшего на свете; но и то не будет лучше нашего пробуждения!» Перекрестив её, закрыл он окошко и тихонько удалился. И через несколько минут всё уже уснуло на селе; один только месяц так же блистательно и чудно плыл в необъятных пустынях роскошного украинского неба. Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске; но уже никто не упивался ими: всё погрузилось в сон. Изредка только перерывалось молчание лаем собак, и долго ещё пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату.

Вопросы и задания

1. В чём неожиданность финала повести? Как создаётся в нём комический эффект? В каких ещё известных вам произведениях влюблённые соединяются волей случая?
2. Что нового вы узнали об образе головы Евтуха Макогоненка, прочитав этот фрагмент? О каком состоянии дел во вверенном ему селе свидетельствует «записка комиссара»?
3. Права ли была Ганна, не верившая, что старый козак любит её?

Вопросы и задания ко всему произведению

1. Каким человеком предстаёт в повести молодой козак Левко? Достоин ли он, по вашему мнению, юной красавицы Ганны?
2. Каков смысл названия произведения? Почему оно состоит из двух частей?
3. Можно ли, читая повесть, понять, каковы идеалы автора, что он любит, чему сочувствует, а что отвергает и осуждает? Дайте развёрнутый ответ, подтверждая своё мнение примерами из текста.
4. Как описание ночи в повести «Майская ночь, или Утопленница» перекликается с изображением Днепра в повести «Страшная месть»?
- 5*. Познакомьтесь самостоятельно с повестями «Вечер накануне Ивана Купала», «Заколдованное место», «Пропавшая грамота» (по выбору) из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Какие народные верования, представления отразились в этих повестях?
- 6*. Почему Н.В. Гоголь часто ведёт повествование не от своего лица, а придумывает персонажей-рассказчиков: пасечника Рудого Панька, дьячка Фому Григорьевича? Выскажите своё мнение или найдите ответ в литературе.
- 7*. В пушкинском отзыве о «Вечерах...» содержится следующее суждение: «...Все обрадовались этому живому описанию племени, поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой весёлости простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времён Фонвизина!» Какие эпизоды гоголевской повести показались вам смешными? Благодаря чему возникает комический эффект?
- 8*. Посмотрите фильм «Майская ночь, или Утопленница» (киностудия им. Горького, 1952 г.). Напишите краткий (5—6 предложений) отзыв о нём.

9*. Напишите сочинение на тему «Роль фантастических образов в повести Н.В. Гоголя “Майская ночь, или Утопленница”».

Фантастика — изображение в произведениях искусства не существующих в действительности событий и ситуаций, связанных с проникновением в наш реальный мир существ из мира иного — волшебного, который создан воображением художника. Нередко фантастические произведения говорят нам не просто об игре фантазии автора, но и о тайнах, которыми полна наша жизнь. И фантастика помогает нам увидеть эту таинственную глубину жизни и задуматься над ней.

Подсказка

Вы можете воспользоваться таким планом:

1. *Вступление.* Что мы называем фантастикой в литературе; в произведениях каких авторов мы уже встречались с фантастическими персонажами или событиями; какие фантастические образы создал Н.В. Гоголь в своей повести?

2. *Основная часть.* Какую роль фантастические образы играют в художественном мире повести?

А) Как они влияют на события, то есть участвуют в развитии сюжета?

Б) Как встреча с волшебным, чудесным помогает показать характер героя? (Вспомните мечты Ганны, реплики головы во время рассказа пивовара, подробнее остановитесь на фрагменте о Левко и панночке.)

В) Какие мысли и идеи стремился, на ваш взгляд, выразить писатель, прибегая к помощи фантастических образов?

3. *Заключение.* Какое впечатление на вас произвело сочетание реальности и фантастики в повести «Майская ночь, или Утопленница»? Как вы оцениваете такой способ создания художественного мира произведения?

В дополнительных электронных материалах послушайте выразительное чтение фрагмента повести. При помощи каких средств исполнителю удалось передать поэтическую красоту украинской ночи?

Коллективный творческий проект

Прочитайте повесть «Ночь перед Рождеством» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Распределите задания и подготовьтесь к уроку внеклассного чтения по этой повести.

1. Подготовьте выразительное чтение фрагментов повести по вашему выбору.

2. Инсценируйте разговор Вакулы и Оксаны (от слов: «Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка...» до слов «Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова»).

3. Нарисуйте персонажей произведения (постарайтесь при этом правильно — в соответствии с текстом — изобразить их внешность, одежду, головные уборы). Вы также можете подобрать иллюстрации из известных изданий повести.

4. Расскажите о том, какие сходства с народной сказкой можно найти в повести. В чём основные отличия?

5. Ответьте на вопросы:

1) Какие приметы праздника Рождества изобразил писатель? В каких эпизодах, на ваш взгляд, праздничное настроение выражено ярче всего? Прочитайте их вслух.

2) Почему события повести приурочены автором к празднику Рождества?

3) Каким испытаниям подвергается душа кузнеца Вакулы? Почему именно этого героя чёрту больше всего хочется заманить в свои сети?

4) Как удаётся Вакуле одержать верх над лукавым и над собственными греховными мыслями? Почему, справившись с чёртом и добившись любви Оксаны, кузнец стремится ещё и к церковному покаянию?

5) Какую характеристику даёт Оксане повествователь? Согласны ли вы с этой оценкой? Что могли бы к ней добавить?

6) Как вы думаете, почему добытые с такими приключениями черевички оказались в итоге ненужными? Какую заветную мысль Гоголь воплотил в таком развитии сюжета?

6*. Выберите и продемонстрируйте одноклассникам фрагменты мультипликационного фильма «Ночь перед Рождеством» («Союзмультфильм», 1951 г.) и художественного фильма «Вечера на хуторе близ Диканьки («Ночь перед Рождеством»)» (киностудия им. Горького, 1961 г.). Подготовьте вопросы, которые помогут вашим товарищам передать впечатление об этих фильмах, дать им оценку.

В легендах и преданиях говорится о событиях далёкого прошлого или о таких случаях, которых сам рассказчик не видел, а только слышал о них от других людей. Если же повествуется о чём-то необычном, что произошло с самим рассказчиком, — такие истории называются быличками.

Быличка — разновидность народной легенды, в которой описывается происшествие с участием фантастических существ (леших, домовых, кикимор, русалок и т.д.), пережитое самим рассказчиком.

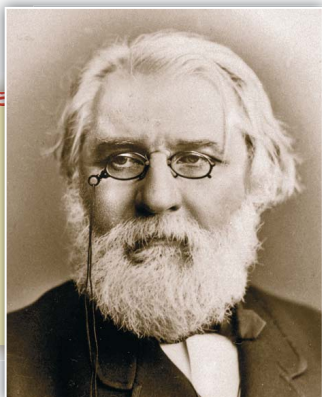

Вопросы и задания

1*. В дополнительных электронных материалах или самостоятельно найдите и прочитайте былички. Какое впечатление они производят на вас? Нарисуйте к ним иллюстрации или опишите их фантастических персонажей словами.

2. Как вы думаете, почему страшные истории так популярны у разных народов?

Особенно любят былички дети. Страшно и весело рассказывать их друг другу в долгие зимние вечера в тёмной комнате, сбившись в тесный кружок. Одну из таких ребячьих бесед подслушал охотник в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг». В разговоре крестьянских мальчиков, в страшных и смешных быличках, которые они рассказывают друг другу, писателю открылся яркий и самобытный мир народной фантазии.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ 1818—1883

Иван Сергеевич Тургенев был страстным охотником. Каждый раз, приезжая в своё родное Спасское-Лутовиново, он целыми днями бродил по окрестным лугам и рощам. Спутником его часто был крепостной крестьянин Афанасий Алифанов — человек, чуткий к красоте, истинный поэт по своему отношению к жизни и природе. У него и у других крепостных учился с молодых лет Иван Сергеевич искусству охоты, а главное — родственному, вдумчивому отношению ко всему живому миру, наблюдательности, отзывчивости, терпению.

До конца жизни среднерусская природа Орловской губернии осталась для писателя зримым образом России. Тургенев жил в обеих столицах и даже за границей, но всегда тосковал по родным местам. И в старости, прикованный к постели, Тургенев посылает прощальный привет Спасскому.

БЕЖИН ЛУГ

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое,

как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза, разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы — то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «пáрит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой, даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно

много дичи; наполненный ягдташ¹ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я. — Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью, ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, — а с версту крюку я дал!»

Я добрался наконец до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними, далёко-далёко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я, наконец. — Точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далёко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темно-

¹ Ягдташ — охотничья сумка для дичи.

та. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка, я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой¹. Уже я с трудом различал отдалённые предметы: поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть, — но то́ уже была синева ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

Что́ я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной ложине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне её торчало стоямя несколько больших белых камней, — казалось, они сползли туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверёк слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже несколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около

¹ *Межа́* — неспаханная полоса земли между пашнями.

получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдёргнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названьем Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков¹, дожждаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огня; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отзывали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

¹ Гуртовци́к — перегонщик скота.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседней деревни, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши, впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ноги, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозника¹ и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно

¹ Лозні́к (лозня́к) — мелкий ивовый кустарник.

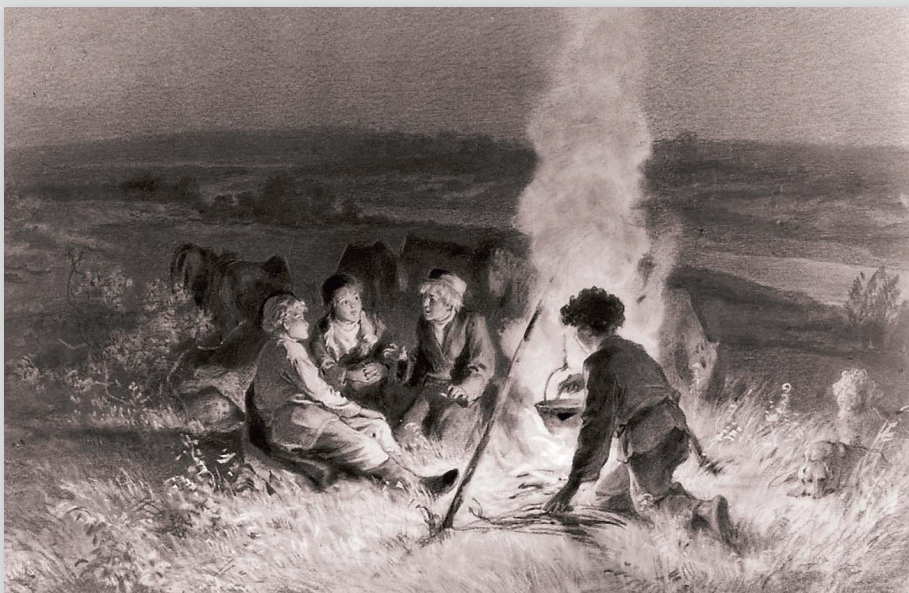

Иллюстрация к рассказу. Художник К.В. Лебедев. 1883—1884 гг.

высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаша с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый, — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубаша да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились, — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи¹; толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку. И ему, и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки, губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные, жид-

¹ Онуча — широкая полоса плотной ткани для обматывания ног при ношении лаптей или сапог.

Иллюстрация к рассказу. Художник А.Ф. Пахомов. 1956 г.

ким блеском блестевшие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке, по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирнѣхонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков.

Небольшой котѣльчик висел над одним из огней, в нём варились «картошки», Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись

на локоть и раскинув полы своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне¹.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках² состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то, чтобы эдак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил: говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребята, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовый придёт?.. И не успел он, Авдей-

¹ «Рольней» или «черпальной» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Примеч. И.С. Тургенева.)

² «Лисовщики» глядят, скоблят бумагу. (Примеч. И.С. Тургенева.)

Иллюстрация к рассказу.
Художник А. Ф. Пахомов. 1956 г.

от, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил, но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то¹ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла, однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху; да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится, ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей две-

ри, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма² зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила эдак по воздуху, словно кто ей полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя, да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

¹ «Дворцом» называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Примеч. И. С. Тургенева.)

² Сетка, которой бумагу черпают. (Примеч. И. С. Тургенева.)

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да, знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый; пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот, пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл — Бог знает, куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, — а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русал-

Иллюстрация к рассказу.
Художник А. Ф. Пахомов. 1956 г.

ки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои, говорит: рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты эдакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья. — Да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить, — он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатах, всё слышал.

— Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Ильюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что́ она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стнящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся, наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет

ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел. — Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слышали вы, ребятки, — начал Ильюша, — что́ наместись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли¹ водятся.

— Ну, что́ такое случилось? рассказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могила его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаря² Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмельён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он эдак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький, похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем

¹ По-орловскому: змеи. (Примеч. И.С. Тургенева.)

² Псарь — слуга на псарне, ухаживающий за ловчими собаками и участвующий в охоте.

возьму его, — что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясет; однако он её отпрукал, сел на неё с барашком и поехал опять: барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что́, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его эдак по шерсти гладить, — говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалёка... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что́ там? что́ такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, — так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хвостинки в руке, ночью, он, нисколько не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Ильюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, пришлось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дернула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. ещё бы! Ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это эдак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иванович, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— «Разрыв-травы, говорит, ищу». Да так глухо говорит, глухо: «Разрыв-травы». «А на что тебе, батюшка Иван Иванович, разрыв-травы?» — «Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...»

— Вишь какой! — заметил Федя. — Мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть на

церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт...

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться, — ах ты, Господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

— Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли это душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что, у вас так же в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?¹

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напужались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на́-поди. А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку² увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Ильюша. — Ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придёт, а придёт он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне, выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадют, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам, и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

¹ Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Примеч. И.С. Тургенева.)

² В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Примеч. И.С. Тургенева.)

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар¹, Вавила: жбан² себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновение, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зори. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег Земли...

Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и, спустя несколько мгновений, повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

¹ Боча́р (бо́ндарь) — мастер по изготовлению бочек.

² Жбан — сосуд в виде кувшина с крышкой.

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь...

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино, а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью¹ выходит, — там ведь есть бучило² знаешь, оно ещё все камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну, нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) Эк её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Ильюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его

¹ Сугибель — крутой поворот в овраге. (Примеч. И.С. Тургенева.)

² Бучило — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Примеч. И.С. Тургенева.)

по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, окутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись, смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на Божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — что она к нам отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь?

— И тебе дам.

Ваня вздохнул.

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котёльчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри не упади в реку! — крикнул ему вслед Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя. — Он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?... Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но а, говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащат. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её любовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот в самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдёт. Бывало, пойдёт-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы

ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул. Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васиная шапoнька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затынет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затынет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю, а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, Господи! ах ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Ильюша.

— Ну, ничего, пушай! — произнёс Павел решительно и сел опять. — Своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

- Это кулички летят, посвистывают.
- Куда ж они летят?
- А туда, где, говорят, зимы не бывает.
- А разве есть такая земля?
- Есть.
- Далеко?
- Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, передрагссветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро начиналось.

Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и пошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади, по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгащённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

1851

Вопросы и задания

1. В рассказе отчётливо выделяются две части. Найдите и озаглавьте их. Определите, какая тема их объединяет:

- «Народные поверья и предрассудки»;
- «Характеры крестьянских детей»;
- «Человек и таинственные силы природы»;
- «Удачи и неудачи на охоте».

2. Перечитайте первую часть рассказа и проследите, как постепенно меняется душевное состояние заблудившегося охотника. Обратите внимание на то, какие художественные средства автор использует в описании природы.

Подсказка

Для этого:

- 1) выпишите слова, выражения, характеризующие его чувства. Например: «Я остановился в недоумении...»;
- 2) подберите слова, которые отражают чувства охотника в тех случаях, когда автор не называет их прямо, а передаёт косвенно.

Например: «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!» — *волнение, надежда, уверенность*.

3. Какие детали (подробности) пейзажа помогают создать впечатление тревоги, таинственности происходящего?

4. Можно ли сказать, что в первой части рассказа автор использует *фантастику*? Обоснуйте своё мнение.

5. Вы, наверное, заметили, что автор передал индивидуальные особенности речи каждого из четырёх старших мальчиков. Определите персонаж по речевой характеристике:

Говорит немного, сдержанным тоном. Чаще всего начинает разговор, задаёт его тему, автор говорит о нём: ему «приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство)». Нередко высказывает недоверие к рассказам других мальчиков. Речь его довольно правильная, в ней нет ярких особенностей (излюбленных словечек, образных выражений и т.п.).

6. Составьте по этому образцу речевую характеристику других мальчиков.

Подсказка

Можно использовать следующий план:

1) Какую роль играет этот герой в беседе, много или мало он говорит?

2) О чём он предпочитает говорить? Какие темы его увлекают? О чём он говорит неохотно?

3) Какие особенности есть в его речи? (Выразительная она или «сухая»? Эмоциональная или сдержанная? Правильная или неправильная? В чём это выражается?)

4) Какие черты характера раскрываются в этих речевых особенностях? Как речь героя перекликается с его портретом, поступками?

5) Какое впечатление слова этого героя производят на других людей? (Его слушают с уважением или недоверием? Спрашивают о чём-то или перебивают?)

6) Как оценивает речь героя автор-повествователь?

7) Какое впечатление о герое складывается у читателя? Какую роль в этом играет его речь?

7. Кого из мальчиков вы считаете лучшим рассказчиком? Почему?
8. Перескажите близко к тексту одну из историй, рассказанных мальчиками. О чём она заставляет задуматься?
9. Как рассказчик относится к историям мальчиков? Какой момент в повествовании доказывает существование сверхъестественного?
10. Как можно определить *жанр* тех небольших историй, которые рассказывают друг другу мальчики? (Предания, легенды, былички, сказки?)
11. Какие народные представления, суеверия, религиозные взгляды отразились в разговорах мальчиков? С какими известными вам легендами, поверьями они перекликаются?
- 12*. Напишите сочинение на тему «Отношение героев рассказа к сверхъестественным силам и событиям».
13. Как вы думаете, в чём привлекательность быличек, страшных рассказов (особенно для подростков)? Разве страх — приятное чувство?

Обратитесь к дополнительным электронным материалам и послушайте фрагменты рассказов о Гавриле и о Ермиле. Удалось ли чтецу почувствовать настроение рассказчика, «вжиться» в его образ? Сравните свои впечатления после чтения быличек и после их восприятия на слух. Совпадают ли ваши чувства с тем, как подействовали эти истории на мальчиков — героев рассказа?

Об энциклопедиях

Мы уже не первый раз обращаемся к теме охоты. И в этом нет ничего удивительного: в жизни русских людей охота и рыбная ловля — эти древнейшие промыслы — занимали всегда важное место. Крестьянин охотился и рыбачил чаще всего для себя, чтобы накормить семью, использовать для дела мех и шкуру животных. Для людей богатых охота была развлечением, благородным искусством, спортом, в котором можно было проявить свою ловкость, удаль, отвагу.

С эпохи Средневековья известны разные книги, в которых излагаются правила того или иного вида охоты, описывается охотничье снаряжение,

даются практические советы начинающим. В XIX веке тема охоты и рыбной ловли получает художественное воплощение у разных авторов (вспомните, с творчеством каких русских писателей-охотников вы познакомились в 5 классе). Но если говорить об издании универсальном, энциклопедическом, то, конечно, в первую очередь необходимо назвать труды Л.П. Сабанеева, сложившиеся постепенно в своеобразную охотничью энциклопедию.

Сабанеев Леонид Павлович (1844—1898) был зоологом и знатоком охотничьего дела. Его статьи, посвящённые фауне (животному миру) Ярославской губернии, охотничьему промыслу на Урале, выходили с конца 1860-х годов в разных журналах. А с 1873 года Сабанеев приступил к изданию научно-популярного журнала «Природа». На собственные средства учёный-энтузиаст издал 17 томов богато иллюстрированных, содержательных выпусков «Природы», а затем в 1878 году этот журнал объединил с «Журналом Императорского общества охоты», который также сам редактировал, и издание стало выходить в свет под общим названием «Природа и охота».

По инициативе Л.П. Сабанеева были собраны сведения о состоянии охотничьих промыслов на территории всей России, позволившие сделать немало важных научных наблюдений.

Труды Л.П. Сабанеева: «Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб», «Рыболовный календарь», «Охотничий календарь», «Справочная книга для ружейных и псовых охотников» и другие — не только настоящий энциклопедический свод знаний об охоте и рыбной ловле в России, но и увлекательное чтение, интересное и для людей, далёких от охоты и рыбалки.

Бежин луг действительно существует. Правда, довольно далеко от усадьбы Тургенева. Но как радостно, должно быть, землякам писателя знать и чувствовать: не придуман, не сочинён «из головы» Бежин луг, расположенный в Мценском уезде (районе) Орловской губернии (области), а описан таким, какой он есть. И каждому читателю становится ясно: то, что рассказал писатель о своих охотничьих странствиях, о крестьянских мальчиках, встреченных на лугу, о народных поверьях и приметах, — не совсем выдумка.

К правде, к достоверности прежде всего стремился Тургенев, создавая «Записки охотника». Как можно точнее хотел он запечатлеть жизнь народа, характеры разных людей, встретившихся ему. Никакой «лакировки», никакого приукрашивания не допускает он в рассказе о русской жизни, а всё искусство, всё мастерство служит тому, чтобы рассказ получился задушевым и искренним, чтобы каждый встретившийся охотнику герой предстал перед нами как живой, будто мы сами увидели и услышали его.

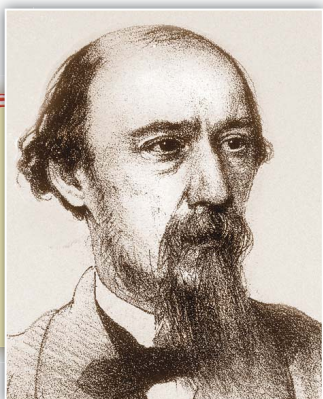

Вопросы и задания

1. Рассказ «Бежин луг» входит в цикл «Записки охотника». Вспомните, какой рассказ из этого цикла вы уже изучали на уроках литературы. Удалось ли вам заметить черты сходства в этих двух произведениях?
2. Подготовьте сообщение о том, когда были созданы «Записки охотника» и как отнеслись к ним читатели — современники Тургенева.
3. Прочитайте еще несколько рассказов из цикла «Записки охотника» (например, «Хорь и Калиныч», «Бирюк», «Свидание»), подготовьте краткое сообщение для одноклассников о сюжете, содержании рассказа, процитируйте отрывок, в котором, на ваш взгляд, содержится важная для автора мысль.
4. Вспомните, с какими циклами сказок, рассказов или повестей русских писателей вы уже знакомы, назовите их авторов. Как вы думаете, почему художники слова нередко объединяют свои произведения в подобные циклы?

В XIX веке лучшие русские писатели старались рассказать о судьбе простого человека — человека из народа. Понять, чем живёт крестьянин, во что он верит, каковы видимые черты его характера и скрытые возможности души, старались и Н.В. Гоголь, и И.С. Тургенев, и Л.Н. Толстой.

Одним из самых глубоких знатоков народной жизни был Николай Алексеевич Некрасов.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ 1821—1877

Николай Алексеевич Некрасов — издатель популярных литературных журналов, один из самых известных писателей второй половины XIX века — жил в основном в Петербурге. Городская, столичная жизнь неотделима была от его труда. Но с какой радостью устремлялся он при всякой возможности в любимые с детства заповедные края! Некрасов отправлялся в ярославское имение Грешнёво, «родовое гнездо», где рос с пяти лет, где, увлечённый примером отца, познавал первые тайны русской псовой охоты. Бывал в деревеньке Спас-Вёжи, которую весенним паводком заливала волжская вода, так что дома и бани строить приходилось местным крестьянам на высоких сваях. А в зрелые годы поэт надолго приезжал в купленную им усадьбу Карабиха на границе ярославских и костромских земель, неподалеку от родного Грешнёва.

С детских лет знакомые края, богатейшие охотничьи уголья дарили отдых, бодрость и новые силы, крестьяне ласково принимали земляка, который их гостеприимством никогда не гнушался. Поэт, хоть и барин по рождению, со многими мужиками был на дружеской ноге, знал их заботы, охотно слушал деревенские новости, а потом не раз в стихах передавал крестьянские рассказы. Он с уважением называл по именам своих деревенских приятелей, некоторым из них

посвящал свои стихи. Так, «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу» (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии) поэт посвятил поэму «Коробейники»:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоём,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.

Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Под этими строчками стоит подпись «Грешнёво». Здесь, в Грешнёве, написано и стихотворение «Крестьянские дети», в котором также упомянут «друг-приятель» Некрасова.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

О.С. Ч-ской

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живётся легко.
Вчера, утомлённый ходьбой по болоту,
Забрёл я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся весёлого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи.
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз!
Чу! шёпот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!

Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шёпот опять!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Борода!

ВТОРОЙ

А барин, сказали!..

ТРЕТИЙ

Потише вы, черти!

ВТОРОЙ

У бар бороды не бывает — усы.

ПЕРВЫЙ

А ноги-то длинные, словно как жерди.

ЧЕТВЁРТЫЙ

А вона на шапке гляди-ко — часы!

ПЯТЫЙ

Ай важная штука!

ШЕСТОЙ

И цепь золотая...

СЕДЬМОЙ

Чай, дорого стоит?

ВОСЬМОЙ

Как солнце горит!

ДЕВЯТЫЙ

А вона собака — большая-большая!

Вода с языка-то бежит.

ПЯТЫЙ

Ружьё! Погляди-тко: стволина двойная,

Замочки резные...

ТРЕТИЙ

Глядит!

ЧЕТВЁРТЫЙ

Молчи, ничего! Постоим ещё, Гриша!

ТРЕТИЙ

Прибьёт...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазёнки мелькают в щели.
Что было со мною, — всему подивились
И мой приговор нарекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — «Услышит, молчи!»

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай Бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,

Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядом на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик¹, портной, шерстобит²,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнёт с Волочка, до Казани дойдёт!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернёт:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всём потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на Бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет мёду со пчёл, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,

¹ Лудильщик — мастер, занимающийся лужением — нанесением слоя расплавленного олова на поверхность металла (для его защиты).

² Шерстобит — работник, взбивающий шерсть для прядения, валяния.

Что волосы шибко из носу росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснёт под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали, —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали,
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгну́ли гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого по́лно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит бельё,
Кто нянчит сестрёнку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню¹ ведёрко кваску;

¹ По́жня — поле, на котором срезаны (сжаты) хлебные колосья.

А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой
Сплела себе славный венок —
Всё беленький, жёлтенький, бледно-лиловый,
Да изредка красный цветок.
Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рождённой
И в фартуке с поля домой принесённой,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом¹, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернётся сначала
К Ванюшке нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,

¹ Содом — здесь: беспорядок, шум.

Как колос растёт, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу¹ свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребёнок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, пострелёнок!»
Ванюша в деревню въезжает царём...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребёнок свободно
Растёт, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок,
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам — с ноготок!
«Здорово, парнище!» — «Ступай себе мимо!»
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!

¹ Рига — сарай для сушки снопов и отделения зёрен от колосьев.

Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
«Так вон оно что! А как звать тебя?» — «Власом».
«А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал...
На эту картину так солнце светило,
Ребёнок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал.
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький¹ конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните своё вековое наследство,

¹ Пёгонький (пегий) — пёстрый.

Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей, —
«Ай! воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьёзную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лёг — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была:
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла.
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
«Не засти¹, Сергей! Не толкайся, Кузяха!
Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актёр залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: тёмная туча висела
Над нашим театром как раз;

¹ *Зáстить* — заслонять, загораживать.

Под крупным дождём ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.
1851

Вопросы и задания

1. Какие композиционные части можно выделить в стихотворении? Определите тему каждой из них и подберите заглавие.
2. Какие чувства вызвала у охотника встреча с крестьянскими ребяташками?
3. Почему вынесенный ими «приговор» не обидел, а вызвал улыбку поэта?
4. В чём Некрасов противопоставляет крестьянских и дворянских детей? Какого счастья, по его мнению, лишены «барчуки»?
5. Какие из образов, созданных поэтом, вы смогли представить лучше всего? Знакомы ли вам такие развлечения и забавы?
6. Какие «две стороны медали» поэт видит в жизни крестьянских детей?
7. Как вы думаете, какие чувства вызвал у автора «мужичок с ноготок», помогавший отцу-дровосеку? А какие впечатления рассказ о нём вызвал у вас?
8. С помощью каких художественных средств автор создаёт портрет мальчика? Что вы можете сказать о его характере?
- 9*. Найдите и прочитайте стихотворения Н.А. Некрасова, посвящённые русским детям. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, которое вам больше всего понравилось.

Некрасов с такой любовью говорит о крестьянских ребяташках! Он и сам вырос в большой семье. Из братьев и сестёр Некрасова не все дожили до зрелых лет, но в ранние годы поэта его близкий семейный круг был многочисленным и шумным. Рассказывая о забавах крестьянских детей, об их весёлых летних приключениях, Некрасов передаёт и свои первые впечатления: и грибные набеги, и катание на лоша-

дах, и рыбная ловля, и игры шумной ребячьей ватаги — всё это ему было знакомо не хуже, чем любому крестьянскому мальчишке. Но умиление от картин беззаботного детства недаром сменяется в стихотворении тревогой. «Дворянскому дитяти» вслед за богатствами родной природы откроются и другие сокровища: его ждут страницы книг, стены гимназий, университетов. Все накопленные человечеством знания и все искусства станут доступны ему. Почему этого блага лишены крестьянские дети — не менее жизнерадостные, талантливые, восприимчивые ко всему на свете, привыкшие с детства к труду и ответственности — такие, какими их показал в своём стихотворении Некрасов? С такой несправедливостью не может мириться поэт.

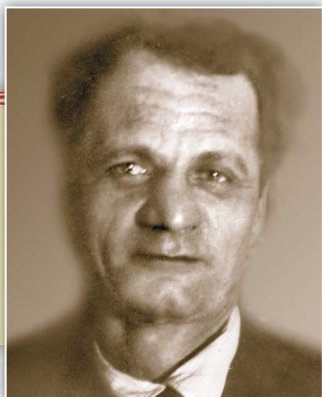
В стихотворении Некрасова нет фантастических образов. Все картины, созданные поэтом, правдивы и реалистичны. Но недаром автор включил в стихотворение притчу про богача Вавилу. Видно, эта поучительная история запомнилась слушателям!

Её урок они усвоили крепко: «...Старайтесь найпаче / На Господа Бога во всём потрафлять» (то есть старайтесь служить, угождать Богу, жить по его заповедям).

Некрасов показал, что мудрость народных легенд и преданий проникает в душу крестьянина с самого детства, формирует её — так же как и труд, и весёлые забавы.

Древние поверья не расстаются с людьми и в новые времена. Взрослый разум проникает в их глубокий смысл сквозь фантастическую «оболочку». А воображение ребёнка рисует яркие образы и волшебные картины, родственные народным мифам и сказкам. Как именно это происходит, замечательно показал в своих рассказах писатель XX века Андрей Платонов.

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ (КЛИМЕНТОВ) 1899—1951

Человечество — одно дыхание, одно живое тёплое существо. Больно одному — больно всем.
Умирает один — мертвеют все.

А.П. Платонов

Непростой оказалась литературная судьба Андрея Платоновича Платонова (настоящая фамилия Климентов). Некоторые его книги опубликованы только в последние десятилетия. Его необычный, «трудный» язык не сразу был принят читателями. Но в конце концов Андрей Платонов получил признание как один из великих русских прозаиков XX столетия.

Он родился в Воронеже в многодетной рабочей семье. В двенадцать лет начал писать стихи, а с пятнадцати стал зарабатывать на жизнь. Писатель всегда стремился быть полезным людям не только «созерцательным делом» — литературой, но и своим практическим трудом.

Сын слесаря железнодорожных мастерских, выпускник Воронежского железнодорожного политехникума, Платонов с юности трудился подсобным рабочим, литейщиком, слесарем, помощником машиниста, электротехником. В голодные двадцатые годы он занимался электрификацией и мелиорацией крестьянских хозяйств, считая эту работу самой необходимой. Любовь к технике, проснувшаяся

в детстве, заставляет его смотреть на машины как на живые существа, которые вместе с человеком трудятся для преобразования мира.

Железная дорога для Платонова — образ человеческого стремления к новым горизонтам, в ней и громадная сила, и труд людей, подчинивших себе механизмы и расстояния, и мечта о далёких странах, и символ вечного движения души человеческой к правде и доброте.

Платонов очень часто в своих рассказах говорит нам о детях и о том, каким большой мир видится маленькому человеку. Вместе с его героями и мы заново всматриваемся в привычные вещи, открываем в неживом — живое, а в живом ищем родное, доброе, человеческое.

НИКИТА

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семье не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты умный теперь, а тут всё добро наше — в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы.

Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днём он спал, а ночью выходил наружу и ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь, — приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудодень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль?» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придёт с войны — всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель:

— Я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живёт! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живёшь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные; они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живёт и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там? — И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрёт.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пень. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко. Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по-чёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был.

Банька была старая и омшелая вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь, живёт себе, вон у ней голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошёл во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом; значит, петух этот — тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнувший живым дыханием.

— А я думал, ты правда — цвет! — сказал Никита. — А дай я посмотрю — что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка — и увидел в нём молоко.

— Ты маленький ребёнок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита.

Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живёте? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гу-дели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябаются руками, чтобы вылезти от-туда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи¹ сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как прохожая старая тётка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутёвые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой! — попросил Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай, он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот боль-шой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

Никита издали робко посмотрел на пень в огороде. Сумрач-ное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморга-ющими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь, как чужие люди, и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако заастило свет, и солнца теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвел от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего осла-бевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него;

¹ *Застрёха* — доска, поддерживающая край крыши у избы или сарая.

Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом утомился и сел в тени овина на околице.

Никита сел ненадолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно забыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришёл, Никитушка, — сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди — и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет, — произнёс отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая — где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-головы не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец повёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер, — сказал отец. — Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка! — сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человечек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

— Давай, сынок, — согласился отец. — Давай, добрый Кит.

Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя «добрый Кит». Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век.

1945

Вопросы и задания

1. Почему писатель назвал рассказ именем главного героя?
2. Как в рассказе отразились приметы военного времени?
3. Почему таким важным событиям, как война и победа, уделяется так мало внимания в рассказе? А может быть, представления писателя о них выразились косвенно, иносказательно?
4. Приведите примеры, показывающие, как воспринимает всё окружающее пятилетний Никита.
5. Что сближает Никиту с мальчиками из рассказа Тургенева «Бежин луг»?
6. Каким показан отец Никиты? Как вы думаете, почему он так хорошо понимает Никиту, не смеётся над его страхами и фантазиями?
7. Какими словами можно охарактеризовать Никиту?
8. Какую истину помог открыть Никите его отец? Как вы думаете, каким станет во взрослой жизни человек, с детства знающий, что его труд способен преобразить весь мир?
- 9*. Прочитайте самостоятельно рассказы А.П. Платонова «Неизвестный цветок», «Цветок на земле», «Корова». Чем герои этих произведений похожи на Никиту?

Кто с любовью относится к ребёнку, не пожелает ему вечной беззаботности. Детские забавы хороши как этап на пути человека к познанию и труду — ведь без этого не станешь

взрослым, достойным, мудрым. Кто любит свой народ, не пожелает ему вечно сохранять первоначальные языческие суеверия, пребывать в «младенческом» состоянии. Вот и мы с вами, обращаясь к старинным преданиям и легендам, быличкам и сказкам, можем восхищаться и любоваться ими, потому что на смену им пришла христианская культура, с её глубокими истинами, открывшая нашему народу огромный мир идей, ценностей, новое знание о жизни. Наши предки не жалели усилий, чтобы овладеть этим сокровищем, принять и быть достойными его. Благодаря этому наш народ своим трудом создал удивительные духовные ценности, построил могучее государство, утвердился на огромных пространствах, продолжил освоение природы — вплоть до космических далей. И сегодня живёт, творит и созидает.

Память о детстве помогает человеку сохранить непосредственное, чуткое восприятие мира и в зрелости. Обращение к наследию прошлого помогает народу оставаться целостным, единым, могучим, какими бы историческими изменениями ни был отмечен его путь.

Контрольные вопросы и задания к разделу

Тест

1. Жанр, к которому относятся произведения И.С. Тургенева («Бежин луг») и А.П. Платонова («Никита»).
2. Термин, которым называют изображение в художественном произведении необычного, чудесного, нарушающего обыденный ход вещей.
3. Название, которое получила разновидность народной легенды — описание происшествия с участием фантастических существ, пережитое самим рассказчиком.

Вопросы

1. Как вы думаете, почему многие писатели обращались к народным преданиям и легендам, создавая свои произведения?

2. Какое значение в жизни современного человека имеют легенды, предания, былички? Какие изменения с ними происходят?

Творческие задания к разделу

1. Подготовьте устное сообщение на тему «Чудесное в нашей жизни».

2. Подготовьтесь к беседе в классе на тему «Роль мифов, легенд и преданий в авторской литературе». Выберите произведение, на основе которого вы построите своё высказывание. Главные мысли и примеры-доказательства запишите в тетради.

Подсказка

1) Выясните и кратко опишите содержание мифа (легенды, предания), упоминаемого в произведении.

2) Расскажите о том, какую роль миф (легенда, предание) играет в авторском тексте. (Например, легенда о Лорелее легла в основу произведения Г. Гейне, а быличка о русалке и плотнике Гавриле — лишь один из эпизодов рассказа «Бежин луг».) Какими предстают герои мифа (легенды, предания) под пером писателя?

3) Поразмышляйте над вопросами. Какое влияние на жизнь героев оказывает встреча со сверхъестественным? Способна ли она повлиять на их характер? Каково, по мнению автора, значение мифов (легенд, преданий) в нашей жизни?

Книжная полка

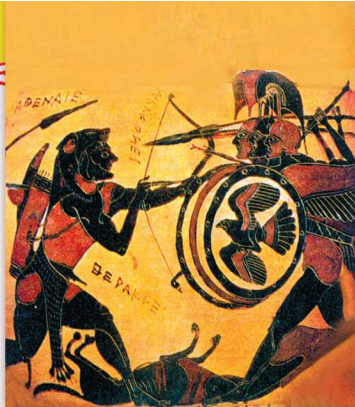
Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки.

Грин А. Алые паруса.

Паустовский К.Г. Тёплый хлеб.

Ушинский К.Д. Слепая лошадь.

Шергин Б.В. Поморские были и сказания.

Героический эпос

Каждый человек уже в детстве начинает задумываться: а что же было на свете до него? И каждый человек хочет, чтобы жизнь его не прошла бесследно, чтобы осталась память о нём, о его времени.

Уже в далёкой древности люди стремились сохранить, передать современникам и потомкам всё лучшее, что помнят они из прошлого, что стало для них дорогим, вызывало гордость, радовало и возвышало душу. Недобрые дела тоже, конечно, вспоминали, но лишь для того, чтобы их осудить и не повторять ошибок.

Певцы и сказители складывали особые песни о былом. Такие песни исполнялись обычно в сопровождении музыкального инструмента. И речь тут велась почти всегда о героях, витязях, богатырях, о подвигах и славных победах.

С появлением письменности сюжеты героических сказаний легли в основу больших и малых поэм, реже — прозаических сочинений, которые возникли у разных народов. Вот эту огромную, рождённую в таинственных глубинах времени область мировой культуры — устной и письменной — называют сегодня героическим эпосом.

Героический эпос — общее наименование народных сказаний и поэм о героическом национальном прошлом, о богатырях — защитниках родной земли, о подвигах и победах над враждебными силами.

Сказания о подвигах великих воинов создавались тысячелетиями. Люди жили племенами и народностями, которым предстояло ещё не раз, в мире и в войне, перемешаться с ближними и дальними соседями, кому-то укрепнуть, кому-то исчезнуть, прежде чем образовались современные нации.

И тем не менее народы, ныне живущие на земле, часто не один, а несколько сразу, узнают своё прошлое в том или другом эпическом произведении. Героический эпос всегда национален. Существуют древнегреческие поэмы «Илиада» и «Одиссея», древнеиндийские поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», исландские и ирландские саги, англосаксонская¹ эпическая поэма «Беовульф», древнегерманская «Песнь о Нибелунгах», древнефранцузская «Песнь о Роланде», испанская «Песнь о моём Сиде», русские былины...

Но в то же время, будучи национальным, эпос принадлежит каждому из нас. В нём — поэтическая память всего человечества о собственном детстве, о своих истоках.

Вопросы и задания

1. Знакомы ли вы с героическими сказаниями разных народов мира (может быть, в пересказе)? Каких героев народного эпоса вы знаете?
2. Нравится ли вам читать о подвигах, богатырских деяниях? Почему?

¹ Англосаксы — общее название германских племён, положивших начало английскому народу.

Иллюстрация
к калмыцкому
эпосу «Джангар».
Художник
В.А. Фаворский.
1940-е гг.

3*. Используя дополнительные информационные источники, подготовьте в группах сообщения о произведениях героического эпоса, созданных народами России, например: карело-финском эпосе «Калевала», калмыцком — «Джангáр», татарском — «Эдигéй», якутском — «Олонхó», эпосе народов Кавказа «Нáрты».

Почему именно воины, богатыри оказались главными героями эпических поэм и песен? Почему именно здесь находят современные народы что-то важное в собственной исторической судьбе? Разве мирный труд менее достоин памяти и восхваления в веках?

Дело в том, что героический эпос родился в мире суровом, опасном, где каждый мужчина был и тружеником, и во-

ином. Могучий душой и телом богатырь, каким видели его люди прошлого, соединял в себе всю жизненную силу, правду, красоту своего племени, своей народности. Вот почему героические сказания обычно показывают нам не только подвиги славных витязей, но и целый мир, во славу и спасение которого эти подвиги совершаются: его веру, нравственные ценности, жизненный уклад. Каждый раз перед нами предстаёт целая вселенная.

Когда речь идёт о героическом эпосе, очень трудно определить, кто его создатель, кому принадлежит заслуга авторства. Иногда есть конкретное имя, но само это имя — легенда. Даже указывая конкретного автора, учёные понимают, что один человек не мог бы «сочинить», то есть придумать, такое произведение. Автором или создателем эпоса считают обычно того, кто сумел объединить существовавшие до него и сохранённые народом эпические сказания о том или ином герое, придать относительную стройность и завершённость повествованию, пересказать его так, чтобы оно стало восприниматься как целостное поэтическое произведение. (Это не мешает впоследствии включать в эпос новые эпизоды и даже сюжетные линии.) Эпос может много веков существовать в устной форме по тем же законам, по каким бытует фольклор. А завершённость он обретает только тогда, когда впервые записывается и начинает передаваться уже не из уст в уста, а в рукописях и книгах.

Так, в древнейшем шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше (он восходит к пятому тысячелетию до нашей эры) сообщается, что заклинатель Син-Лики-Уннинни составил свой рассказ по записям предка, передававшимся в их роду из века в век.

Автором древнеиндийского эпоса «Махабхарата» считается мудрец Вьяса, но текст этого произведения менялся на протяжении многих веков. Древнейшие его версии относят к временам за полтора-два тысячелетия до нашей эры, а самые «новые» — к пятому веку нашей эры.

Те произведения, к которым мы обратимся подробнее, тоже создавались и пересоздавались много столетий, прежде чем были записаны и стали литературными памятниками. В каждом из них запечатлелись приметы далёкого прошлого и вечные, неизменные человеческие стремления, отразился талант известных или безымянных творцов-поэтов, а главное — воплотился дух того народа, который создал и сохранил эти эпические сказания.

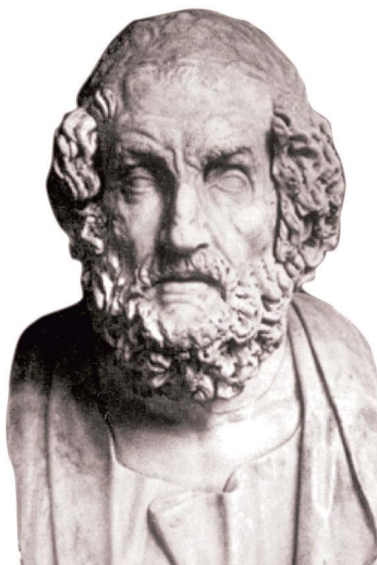
Из зарубежной литературы

Гомер

Имя Гомера вызывает у каждого человека европейской культуры чувства благодарности и уважения. Да и для всего образованного мира оно значит очень много. С Гомера начинается почти вся литература Европы.

Прославили Гомера две огромные эпические поэмы: «Илиада» и «Одиссея». Хорошо бы нам так и начать наш разговор о поэте, что вот тогда-то он написал «Илиаду», а тогда-то «Одиссею», что родился он там-то, а умер там-то. Но беда в том, что, кроме его имени да ещё земли, где появились обе поэмы, — Древняя Греция (возможно, это был полуостров Пелопоннес, где и сегодня живут греки, а может, побережье Малой Азии в современной Турции или один из островов нынешнего Эгейского моря), мы о Гомере ничего не знаем. Не известны точно годы и даже столетие, когда жил поэт. Учёные называют и VIII, и VII, и VI века до Рождества Христова. За право считаться родиной Гомера уже в древности безрезультатно спорили семь греческих городов.

Никто не знает, как выглядел Гомер, как прошла его жизнь, написал ли он свои поэмы, продиктовал ли их переписчику

Гомер. Античная скульптура

или просто оставил после себя устные произведения, заученные благодарными учениками. И даже: был он автором обеих поэм или только одной из них? Сочинил он их или составил из фрагментов, услышанных от более древних сказителей? Столетиями человечество теряется в догадках.

Но именно оттого, что это было так давно, что перед нами почти непроницаемая туманная древность, Гомер и его эпоха особенно волнуют наше воображение.

Античные скульпторы так же, как и мы, ничего не знали о внешности Гомера. Но его поэзия поражала их своей мудрой простотой и благородством, потому Гомер изображался старцем с простыми и ясными чертами лица. А ещё наши предки верили: великий поэт может предсказывать будущее и видеть больше того, что открывается земному зрению. Людям незрячим в те времена часто приписывали особый дар ясновидения, пророчества. И Гомер на его скульптурных портретах тоже показан слепым. Более поздние художники продолжили эту традицию. Так что теперь Гомера мы себе иначе не представляем.

А можно ведь и ещё многое домыслить. О чём только не заходит речь в поэмах Гомера! О кровавых битвах и перемириях, о дальних странствиях, о любви и смертельной вражде, о страхе и воинской отваге, о радости и скорби, верности и предательстве... Причём говорится об этом так правдиво, что нельзя не поверить! И вот уже нам представляется поэт, который не всегда был слепым стариком, а многое повидал

на своём веку: сам сражался в кровавых битвах и знал, как управляются с мечом, щитом и копьём, сам ходил под парусом бескрайними морями. А кроме того: любил, ненавидел, радовался, страдал — и всё это вместил в своём чутком, отзывчивом сердце, передал своим волшебным словом...

Вопросы и задания

1. Объясните, почему Гомера можно назвать легендарной личностью.
2. вспомните, какого древнего певца славяне почитали так же, как греки Гомера.
3. Можно ли назвать древнегреческого поэта «вещим»? Почему?
- 4*. Обратитесь к дополнительным источникам и назовите греческие города, спорившие между собой за право считаться родиной Гомера. Отметьте эти города (если они существуют и сейчас) на карте.

«Илиада» и «Одиссея»

Первая из поэм — «Илиада» рассказывает о том, как, соединившись вместе, греческие племена осаждали город Трои (от его другого наименования — Илион и произошло название поэмы).

Это событие отразила не только поэма Гомера. По-своему о нём сообщают также греческие мифы и предания. Причиной войны древние греки называли оскорбление, нанесённое троянским царевичем Парисом всему греческому миру: он похитил у царя древней Спарты Менелая его прекрасную жену Елену и укрылся с ней за стенами Трои. После десяти лет жестоких боёв осаждающие греки наконец захватили и уничтожили Трою.

Человеком, придумавшим, как одолеть упорных в обороне троянцев, молва называла Одиссея — царя острова Итака, самого рассудительного и хитрого среди греческих воинов. Это

Я. Йорданс. Одиссей в пещере Полифема. 1630-е гг.

он придумал построить огромного деревянного коня и спрятать в нём часть греческого войска, в то время как остальные греки уплыли, сделав вид, что не хотят больше воевать. Троянцы, поверив, что война окончена, приняли коня за дар богов и привезли в город. С наступлением ночи греки вышли из коня наружу и захватили Троию.

А потом победители возвращались домой, где они не были почти целую вечность. В те времена плавать по морям было очень трудно и опасно даже для таких искусных мореходов, как древние греки. Человек чувствовал себя пылинкой, затерянной в огромном и страшном океане. Путь из Трои оказался очень долгим и опасным. О многолетних странствиях царя Итаки и его товарищей рассказывает вторая поэма Гомера — «Одиссея».

Вопросы и задания

1. Прочитайте самостоятельно эпизод поэмы «Одиссей на острове циклопов». Как в этом эпизоде Одиссей подтвердил своё прозвище «хитроумного»? Найдите в тексте фрагмента детали, которые помогают нам вообразить эпоху, перенестись в Древнюю Грецию.

2. Познакомьтесь с приключениями Одиссея по прозаическому изложению в книге Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Перескажите одно из них в классе. Объясните, какие качества проявил герой в этом эпизоде.

3. Какое участие в странствиях Одиссея принимают боги? Что нам может показаться необычным в отношении греков к богам?

4. Какие мифологические существа встречаются в рассказе об Одиссее? Удаётся ли им повлиять на его судьбу?

5*. Как вы думаете, почему название поэмы Гомера стало нарицательным? Что оно обозначает в наше время?

Сколько же испытаний преодолел отважный и смелый Одиссей, прежде чем возвратился на Итаку к своей верной жене Пенелопе! Вырвался из чарующего плена волшебницы Цирцеи, сумел провести свой корабль между убивающими любого путника чудовищами Сциллой и Харибдой, не поддался сладкозвучному пению коварных сирен, обманул страшного одноглазого великана — циклопа...

Долгие века и читатели, и учёные были уверены: греческие мифы и легенды, поэмы Гомера — это сплошной поэтический вымысел. Если же и подозревали, что речь идёт о каких-то подлинных событиях, то считали их забытыми и затерянными в веках. Фантастического у Гомера, как и положено в героическом эпосе, действительно много, но мы уже знаем: любая поэтическая фантазия возникает не на пустом месте.

Так рассуждал и немецкий археолог XIX века Генрих Шлиман, который верил, что гомеровская Троя не выдумка. Прежде чем начать свои поиски, он читал и перечитывал поэмы Гомера, особенно «Илиаду». А потом начал подробно изучать

Пенелопа.
Античная скульптура.
460 г. до н.э.

местность в Турции на берегу Эгейского моря. И ему показалось, что он наконец нашёл место, где стоял древний Илион. Шлиман организовал раскопки на холме Гиссарлык вблизи пролива Дарданеллы. И вот под слоями земли, под остатками более поздних поселений он нашёл следы действительно древнего и богатого города. Раскопки на этом месте продолжались и после Шлимана. Учёные подсчитали, что город был уничтожен больше трёх тысяч лет назад. Многие специалисты сегодня верят: именно здесь и находилась Троя.

Гомер жил очень давно. Но Троянская война и для него была примерно таким же далёким прошлым, как для нас эпоха Ивана Грозного.

Греки на протяжении столетий складывали устные песни о минувших делах и днях. Наверняка существовали такие песни и о Троянской войне. Многие факты в них смешались с поэтическим

вымыслом. Но вряд ли гомеровские поэмы просто сложились из песен безымянных сказителей. Конечно, без этих трудов Гомер не создал бы поэмы, однако понадобился его редчайший талант, чтобы появилось классическое произведение — на все времена.

Веками древние греки, а позднее и римляне считали «Илиаду» и «Одиссею» образцами поэтического искусства. В этих поэмах они находили бесценную память о своём прошлом, получали нравственные ориентиры и уроки жизненной мудрости, встречали живые образы тех богов, которым поклонялись в повседневности.

Одним словом, творчество Гомера вместило в себя целую вселенную, какой видел её человек античного мира. Вот почему гомеровские поэмы в те времена должен был знать и учить наизусть каждый, кто обучался грамоте.

Мы живём в другое время, в другой стране. И сегодня мы только прикоснёмся к творчеству Гомера, будем читать всего один отрывок из «Илиады». Впрочем, хоть мы и не древние греки, знать наизусть что-нибудь из этой великой поэмы было бы полезно и для нас.

Вопросы и задания

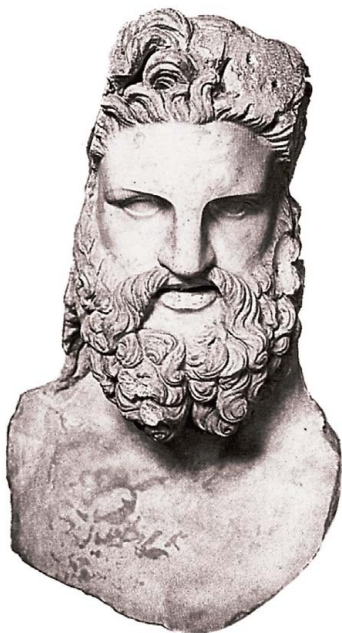
1. Какую роль играли поэмы Гомера в культуре Древней Греции? Какое значение они имеют для современности? Какие вы знаете произведения искусства (картины, книги, фильмы), созданные по мотивам «Илиады» и «Одиссеи»?
2. Выясните, что в современном русском языке означает выражение «троянский конь» и как оно появилось.
3. Обратитесь к дополнительным источникам и объясните, как связаны с сюжетом «Илиады» фразеологизмы: «яблоко раздора», «ахиллесова пята». Найдите другие устойчивые выражения, восходящие к гомеровским поэмам.

Сюжет и герои поэмы «Илиада»

События, описанные в «Илиаде», происходят на десятом году борьбы за Трою, когда все: и греки, и троянцы — уже устали от бесконечной войны, но никто не хочет уступить врагу.

Интересно, что, хотя речь идёт о греках, Гомер нигде не употребляет это слово. Греки как единый народ при жизни Гомера ещё не существовали. Вот почему поэт, говоря о них, использует разные племенные названия: ахейцы, данайцы, аргиевцы...

Начинается поэма в тот момент, когда самый сильный воин греческого ополчения — Ахиллес разгневался на предводителя греков Агамемнона, который забрал себе его пре-

Голова Зевса.
Античная скульптура

красную пленницу. В ответ Ахиллес уединился у себя в шатре и отказался воевать дальше.

Видя, что Ахиллес больше не участвует в войне, троянцы под предводительством могучего Гектора приободрились. В поэме подробно показаны несколько сражений, в которых греки, лишённые своего главного богатыря, начинают терпеть поражения. Только после того, как в бою от руки Гектора погибает лучший друг Ахиллеса — Патрокл, оскорблённый воин снова выходит на бой. Движимый жаждой мести за Патрокла, Ахиллес сошёлся с Гектором в поединке, убил троянского воина, а затем, привязав тело Гектора к своей колеснице, он волочил его по земле вокруг городской стены на глазах у потрясённых троян-

цев. Лишь когда Ахиллеса посетил убитый горем отец Гектора — троянский царь Приам, тот согласился отдать тело героя для погребения. Тронутый горем старика, Ахиллес оплакал Гектора вместе с ним. Завершает «Илиаду» картина погребения Гектора троянцами.

Вместе с героями «Илиады» во всех событиях участвуют греческие боги. Место жительства большинства из них — гора Олимп. Но они при желании легко перемещаются по вселенной Гомера. Боги разделились на два лагеря: одни помогают грекам, другие — троянцам. На греческой стороне тут выступают Гера — жена царя богов Зевса, богиня мудрости Афина Паллада, бог моря Посейдон, бог огня — великолепный кузнец Гефест, бог торговли Гермес... Троянцев поддерживают искусно стреляющий из серебряного лука бог света и гармонии Аполлон, его сестра — богиня

охоты и тоже искусная лучница Артемида, богиня любви и красоты Афродита, кровожадный бог войны Арес...

Над ними возвышается сам Зевс, принимающий то сторону греков, то сторону троянцев. Иногда Гомер называет Зевса Кронион или Кронид, по имени его отца — титана Крона. Точно так же образованные «по отчеству» имена часто одновременно со своими основными именами получают у Гомера и люди. Сын Атрея Агамемнон — Атрид, сын Пелея Ахиллес — Пелид, сын Теламона Аякс — Теламонид...

Впрочем, божественный и человеческий миры у Гомера давно смешались, породнились. Самые славные греческие герои в «Илиаде» тоже иногда имеют среди своих родителей бога или богиню.

До чего же скучно всё это звучит в прозаическом пересказе! И как ярко предстаёт в поэме!

«Илиада» и «Одиссея» написаны или сложены устно особым поэтическим размером: *гекзаметром*. Этот торжественный, неторопливый и очень выразительный размер станет потом на тысячелетия одним из главных размеров европейского литературного героического эпоса.

Гекзámетр — античный стихотворный размер. Первоначально использовался в религиозных гимнах, а затем уже был применён как высокая форма стиха в поэтических произведениях героической тематики (поэмы Гомера).

В русском стихосложении гекзаметр обычно передают шестистопным *дактилем* с неполной шестой стопой:

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡

Как правило, русскими поэтами он употреблялся в переводах (например, «Илиады» и «Одиссеи»), стихотворениях на античные темы и в произведениях особенно торжественного характера.

На русский язык «Илиаду» переводили несколько раз. Самый знаменитый перевод сделал в начале XIX века замечательный поэт Н.И. Гнедич.

Николай Иванович Гнедич (1784—1833) родился в Полтаве. Родители его, небогатые потомки старинного дворянского рода, рано умерли. В шестнадцать лет он поступил в Московский университет, по окончании которого переехал в Санкт-Петербург, где определился на службу в департамент Министерства народного просвещения. В 1811 году Гнедич был избран в члены Российской академии¹ и назначен библиоте-

карем Публичной библиотеки, где служил в соседстве и тесной дружбе с И.А. Крыловым.

Ещё в 1807 году Н.И. Гнедич приступает к главному делу своей жизни — полному стихотворному переводу «Илиады». С древнегреческим языком и «Илиадой» Гомера он познакомился ещё ребёнком и мечтал перевести такие звучные и торжественные строки на русский язык. К тому времени было сделано уже несколько неудачных попыток, и складывалось впечатление, что древнегреческий язык Гомера невозможно сделать достоянием русского читателя. На осуществление мечты поэту понадобилось более 20 лет самоотверженного труда. В 1829 году вышел в свет его полный перевод «Илиады».

¹ Российская академия, созданная в 1783 г. в Петербурге, занималась изучением русского языка и словесности.

Русское общество проявило живейший интерес к работе Гнедича: о нём в своих стихах пишут А.А. Дельвиг и К.Ф. Рылеев, один из отрывков публикуется в декабристском альманахе «Полярная звезда» (1825 г.) вместе с поэмами А.С. Пушкина. «С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига», — пишет Пушкин в «Литературной газете» о переводчике «Илиады». В 1832 году в Санкт-Петербурге Н.И. Гнедич выпустил собственный сборник «Стихотворения».

После выхода в свет «Илиады» он прожил всего четыре года. Усиленные занятия ослабили и без того болезненный организм поэта. Он скончался 3 (15) февраля 1833 года в Петербурге и погребён на новом Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры рядом с Крыловым. Над могилой его воздвигнут памятник с надписью: «Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. Речи из уст его вещей сладчайшие мёда лилися».

Но в переводе Н.И. Гнедича, как ни хорошо передаёт он дух гомеровской старины, очень много слов, непонятных современному читателю. Когда-нибудь те из вас, кто полюбил Гомера, обязательно прочтут его поэму и в этом переводе. А сейчас мы обратимся к другому очень хорошему переводу — известного русского писателя В.В. Вересаева.

Итак, перед нами фрагмент «Илиады», в котором показана схватка сына Теламона — греческого богатыря Аякса, царя острова Саламина, и сына троянского царя Приама — могучего Гектора. Начинается всё с того момента, когда троянцы во главе с Гектором в очередной раз отбрасывают греков далеко от осаждённого города.

ИЛИАДА

Песнь седьмая

<ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА>

...Быстро Аякс подходил, пред собою неся, словно башню,
Медный щит семикожный, который герою сработал
Шорник¹ прекраснейший Тихий, живущий в доме своём в Гиле.
Ярко блистающий щит для него из семи он составил
Кож от жирнейших волов и покрыл их пластиною медной.
Сын Теламонов Аякс, неся этот щит перед грудью,
Близко пред Гектором стал и сказал ему голосом грозным:
«Гектор, теперь, как один на один мы с тобою сойдёмся,
Ясно увидишь ты, есть ли среди нас и другие герои,
Кроме Пелида, фаланг² разрывателя с львиной душою.
Праздно лежит он близ гнутых своих кораблей мореходных,
На Агамемнона гневом пылая, владыку народов.
Тоже, однако, и мы таковы, — и таких нас немало, —
Что не боимся с тобою сойтись. Начинай же сражение!»

Тотчас ответил ему шлемоблещущий Гектор великий:
«Богорождённый Аякс Теламоний, владыка народов!
Полно со мною тебе говорить, как с бессильным ребёнком
Иль как с женою, которой неведомо ратное дело!
В мужеубийствах и битвах я опыт имею немалый,
Щит сухокожный умею ворочать и вправо, и влево,
С ним управляюсь искусно и храбро в кровавом сражении;
На колеснице умею ворваться и в конную свалку,
Пляску Ареса смогу проплясать и в бою рукопашном.
Но на такого, как ты, не хочу нападать я украдкой,
Высмотрев тайно. Открыто я бью. Посмотрю, попаду ли!»
Так он сказал и, взмахнувши, послал длиннотенную³ пику.

¹ Шорник — мастер, изготавливающий упряжи для коней.

² Фаланга — здесь: боевой порядок греческого войска, состоящий обычно из 8—16 рядов.

³ Длиннотённый (устар.) — отбрасывающий длинную тень.

В щит семикожный ужасный он пикой своею ударил, —
В яркую полосу меди, что сверху восьмою лежала.
Кожаных шесть в нём слоёв пронизала блестящая пика,
В коже седьмой задержалась. Тогда в свою очередь быстро
Богорождённый Аякс размахнулся огромною пикой
И поразил ею Гектора в щит, во все стороны равный.
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Гекторов панцирь пронзила, сработанный с тонким искусством.
И против самого паха хитон Приамида рассекла.
Он увернулся, однако, и гибели чёрной избегнул.
Вырвав обратно руками свои длиннотенные пики,
Сшиблись оба опять наподобие львов кровожадных
Или лесных кабанов, у которых немалая сила.
Гектор копьём в середину щита Теламония грянул,
Меди, однако, на нём не пробил, — остриё изогнулось.
В щит, налетевши, ударил Аякс и насквозь его пробил
Пикой. Назад отшатнулся к врагу порывавшийся Гектор.
Шею царапнуло жало, и чёрная кровь заструилась.
Не прекратил поединка, однако, божественный Гектор.
Чуть отступивши назад, захватил он могучей рукою
Камень, лежавший средь поля, — огромный, зубристый и тёмный,
Махом швырнул и в ужаснейший щит семикожный Аякса
Глыбой в средину ударил. Взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень,
Бросил его, размахав и напрягши безмерную силу,
В щит угодил и пробил его камнем, похожим на жёрнов,
Милые ранив колени. Назад опрокинулся Гектор,
Щит свой притиснув. Но тотчас воздвиг Аполлон его снова.
Тут бы, схватившись, мечами они изрубили друг друга,
Если бы вестники Зевса и смертных, глашатаи оба
Не подошли, — от троянцев один, а другой от ахейцев¹
Меднодошпешных, — Идеи и Талфибий, разумные оба.
Между героев жезлы протянули они, и сказал им

¹ Ахейцы — здесь: войска, осаждавшие Трою.

Вестник троянский Идей, преисполненный мудрых решений:
«Будет, любезные дети! Кончайте войну и сражение!
Любит равно вас обоих Зевес, собирающий тучи.
Оба лихие бойцы вы, и в этом мы все убедились.
Уж надвигается ночь, — хорошо покориться и ночи».

Сын Теламона Аякс, отвечая Идею, промолвил:
«То, что сказал ты, Идей, пусть и Гектор мне это же скажет.
Он вызывал ведь на битву храбрейших героев ахейских,
Он и начини; подчинюсь я охотно, коль он это скажет».

Снова ответил ему шлемоблещущий Гектор великий:
«Так как, Аякс, одарён ты от бога и ростом, и силой,
Также и разумом светлым, и лучший боец ты на копьях,
То прекратим на сегодняшний день и борьбу, и сражение.
После же снова мы будем сражаться, пока не разнимет
Нас божество, одному из двоих даровавши победу.
Уж надвигается ночь. Хорошо покориться и ночи.
Всех ты обрадуешь храбрых ахейцев, к судам воротившись,
Больше всего же — собратьев и близких, каких ты имеешь.
Я же обрадую, в город великий вернувшись Приама,
Всех конеборных¹ троянцев и длинноодежных троянок,
Кто за меня помолиться сберётся в божественном храме.
Сын Теламонов! Почтим же друг друга дарами на память,
Чтобы любой из ахейцев сказал и любой из троянцев:
“Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примирённые дружбой взаимной”».

Так он сказал и отдал Теламонию меч среброгвоздный
Вместе с ножнами и вместе с ремнём вырезным перевесным.
Гектору ж отдал Аякс свой блистающий пурпуром пояс.
Так разлучились они, и один к аргивянам² направил
Шаг свой, другой же — к троянскому шумному войску...

Перевод В.В. Вересаева

¹ Конёборный — сражающийся на конях, т.е. на колеснице.

² Аргивяне — здесь: противники троянцев (то же, что и ахейцы).

Вопросы и задания

1. Составьте план данного фрагмента. Подберите наиболее яркие строчки из текста к каждому пункту плана.
2. Подготовьте выразительное чтение по ролям диалога Аякса и Гектора.
3. Как рассказчик передаёт силу и мощь соперников? Какие художественные средства для этого используются? Приведите примеры.
4. Какую роль в этом эпизоде играют диалоги? Охарактеризуйте речь героев Илиады, поясните, как в ней раскрываются черты их характеров.
5. Каково отношение рассказчика к изображаемым событиям? Докажите, что в этом фрагменте автор изображает греков и троянцев одинаково достойными воинами.
- 6*. Составьте характеристику одного из героев эпизода: опишите его внешность (как вы её себе представляете), речь, а также то, как к нему обращаются другие персонажи.

Послушайте исполнение фрагментов «Илиады» в электронных материалах. Обратите внимание на то, как исполнитель расставляет акценты. Попробуйте прочитать один из фрагментов вслух самостоятельно.

Поэтический мир «Илиады»

Не так уж много найдётся в «Илиаде» подобных боевых описаний с мирным исходом. Обычно Гомер показывает войну во всех её жестоких, даже отталкивающих подробностях, и «вражда, пожирающая сердце», тут нередко доходит до своего предела: герои в пылу сражения действуют словно обезумевшие. Так это будет в описании убийства Гектором Патрокла, а затем убийства Ахиллесом самого Гектора. Немало и других смертельных поединков разыгрывается в «Илиаде».

Но вот что удивительно. Обычно в героическом эпосе мир состоит как бы из двух половинок: светлой и тёмной.

По одну сторону тут «свои», которых сказитель наделяет всеми доблестями и лучшими чертами характера, по другую — «чужие», обрисованные мрачными, зловещими красками. А вселенная Гомера не делится отчётливо на «своих» и «чужих», друзей и врагов.

Конечно, сам Гомер был человеком греческого мира, и любой заметит его восхищение подвигами своих соплеменников. Но и троянцы для него такие же люди, которым поэт нередко сочувствует всей душой, временами даже больше, чем «своим» ахейцам. Как трогательно он рассказывает о встрече Гектора и его жены Андромахи, с каким живым участием передаёт страдания царя Приама, увидевшего с городской стены, что к его любимому сыну Гектору приближается несокрушимый Ахиллес, приближается сама смерть!

Гомер ценил мужество и воинскую доблесть. Но ещё больше он умел ценить мир. Герои «Илиады» живут и действуют по-детски простодушно. Вот два богатыря торжественно выходят на поединок и готовы поразить друг друга. Но по внушению богов они решают на сегодня прекратить сражение, без всякой чёрной мысли обмениваются подарками и расходятся каждый в свои ряды.

И это только небольшой эпизод поэмы. Если же мы прочитаем её всю, то увидим людей, по нашим меркам бесконечно наивных. Они порой бывают капризны, подвержены страстям, несправедливы, жестоки. И они же по-детски отходчивы и доверчивы. Они ещё не умеют и даже не хотят управлять своими чувствами. У них всё на виду, всё открыто: хорошее и плохое, высокое и постыдное. Великий воин Гектор в предсмертный час испугается Ахиллеса и трижды убежит вокруг Трои, спасаясь от гибели. И только потом, и то не без коварного внушения богини Афины, примет свой последний бой.

А разве языческие божества, без воли которых ничто не случается в поэме, ведут себя иначе? Боги у Гомера величественны, но и просты. Им ничего не стоит поскандальить между собой, наговорить нехороших слов друг другу и даже царствующему над ними Зевсу, а потом помириться. У них всё по-семейному.

Понятно, что передать столь выразительно детскую простоту героев «Илиады» мог только человек, сам принадлежавший этому наивному, доверчивому миру. Поэт, хотя бы он и говорил о вещах знакомых, открывает всё словно впервые. Возможно, Гомер и был слепцом. Только вслед за ним мы начинаем видеть мир широко открытыми, изумлёнными глазами.

О чём бы ни заходила речь в «Илиаде», Гомер всегда ведёт свой рассказ очень обстоятельно и подробно. Описывает доспехи воинов — и тут мы замечаем, что события происходят в те времена, когда железо ещё не вошло в широкое употребление, а главными металлами были медь и бронза. Описывает движение в бою одного человека или большой воинской массы — и отсюда можно почерпнуть ценные сведения о том, как воевали в то время.

Но всё это могло бы стать утомительным, если бы не удивительное искусство поэта. Вы, наверное, обратили внимание на *сложные эпитеты*, которые встречаются в прочитанном отрывке. Например: «меднолатные» ахейцы, «конеборный», «шлемоблещущий» Гектор... Вероятно, эти определения, как и *перифразы*, не всегда найдены Гомером, а принадлежат долгой сказительской традиции.

Сложный эпитет — художественное определение, образованное соединением двух слов. Сложные эпитеты часто встречаются в древнегреческом эпосе. Например: *крепкоба- шенный город, длиннотенная пика*.

Перифраз (перифраза) — художественный приём, обозначение лица или предмета иносказательным выражением, замена названия (имени) описательным оборотом. Например, *Отец-молневержец* — Зевс, *город великий Приама* — Троя, *сын Диомидов* — Аякс, *Пелид, фаланг разрыватель с львиной душою* — Ахиллес. Перифразы не только позволяют избежать повторения одних и тех же слов, но и служат средством характеристики персонажей, способом выразительного, эмоционального изображения мира.

При помощи таких приёмов Гомер умел создавать потрясающие душу картины, и в этом мы только что убедились. Видимо, привносил он в описания и немало своего, гомеровского. Чего стоит одно только изображение двух войск, усевшихся на равнине одно против другого в ожидании поединка! А вид Аякса в боевом убранстве, грозно выступающего Гектору навстречу! А сам поединок, и особенно момент, когда Гектор обрушивает камень на громадный, как башня, щит Аякса! Чего стоит одно выражение: «Взревела вся медь щитовая!»

Мы прочитали только один очень выразительный, внутренне законченный эпизод из этой великой поэмы. Однако вся она наполнена чудесными картинами, гармонией подлинного произведения искусства. Конечно, больше всего говорится тут о героях и битвах. Но «Илиада» — это поэма и о мире. И о чём бы ни рассказывал Гомер, он всегда простодушно, светло и мудро говорил о человеке.

Вопросы и задания

1. Выпишите из отрывка «Илиады» примеры сложных эпитетов, объясните их значение в тексте.
2. Придумайте *перифразы*, которыми можно было бы заменить в тексте слова: *Гектор*, *Афина*, *море*, *поединок*, *Греция*.

3*. Выберите в полном тексте «Илиады» один-два примера того, как вмешательство богов-олимпийцев влияет на ход событий Троянской войны.

Обратитесь к дополнительным электронным материалам и рассмотрите картины русских и зарубежных художников на сюжеты поэм Гомера. Как вы думаете, кому из живописцев лучше удалось почувствовать и передать величавую простоту гомеровских образов?

Для углублённого изучения

«Песнь о Нибелунгах»

«Песнь о Нибелунгах¹» — крупнейший памятник немецкого народного героического эпоса, в основе которого — древние германские сказания о судьбе могучего воина Зигфрида. Эпос рассказывает о его юности, первых подвигах, о любви к прекрасной Кримхильде — сестре короля Гунтара, о дружбе Зигфрида и Гунтара, ради которой Зигфрид помогает Гунтару получить в жёны прекрасную деву-воительницу Брунгильду, о предательском убийстве Зигфрида и горестных последствиях его гибели.

В прозаическом пересказе история о Зигфриде была бы похожа на волшебную сказку. Но «Песнь о Нибелунгах» — поэтическое произведение. Здесь, в отличие от сказки, события не торопятся, повествование ведётся неспешно. Рассказчик готов остановиться на незначительных событиях, лишь бы полюбоваться своим героем. Вот как описывается в «Песни о Нибелунгах» королевская охота:

Со сворки пса спустили, нырнул в кусты медведь,
За ним помчался Зигфрид, но не преодолеть

¹ *Нибелунги* — обладатели чудесного золотого клада, история борьбы за который составляет сюжет этого героического эпоса.

Коню лихому было кустарника густого,
И зверь уже надеялся удрать от верхового.

На землю прыгнул витязь, и через краткий миг
Беспечного медведя он на бегу настиг,
Но не убил, не ранил, а только взял живьём,
Связал покрепче и к седлу приторочил ремнём.

Ни зубы в ход, ни когти медведь пустить не мог.
К охотничьему стану повёз его седок
В надежде распотешить товарищей своих.
Как ликовал тогда герой, как был красив и лих!

Как царственно и гордо он ехал через бор!
Клинок его широкий свисал до самых шпор.
Рог с золотой насечкой носил он на боку
И тяжкое копьё в руке вздымал на всём скаку.

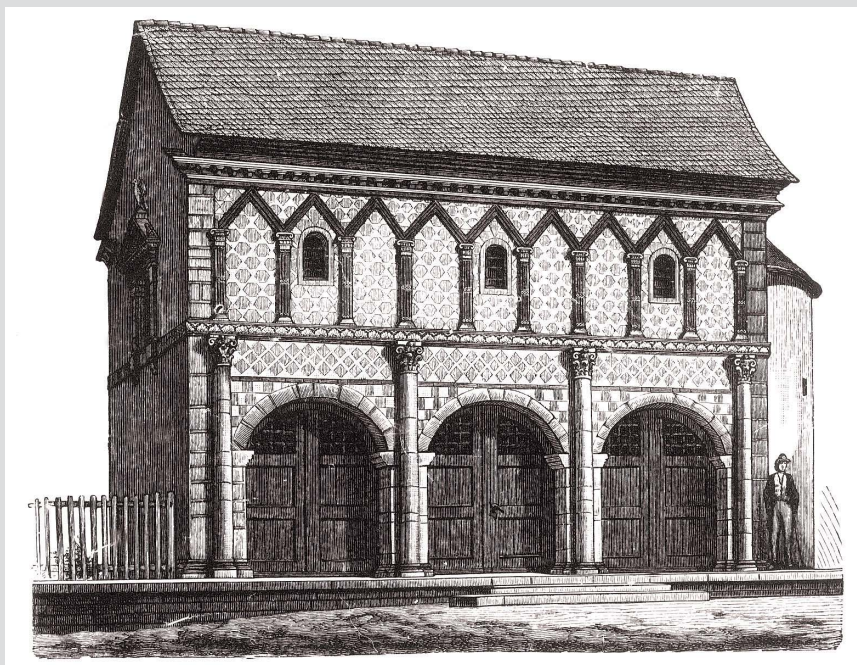
Охотника нарядней не видел мир дотоле.
Пошёл у нидерландца на шапку мех соболий.
Из шёлка цвета угля был у него кафтан,
Обвит тесьмою дорогой вместительный колчан.

От этого колчана струились ароматы —
Был шкурою пантеры отделан он богато.
Лишь сам могучий Зигфрид свой смертоносный лук
Мог натянуть без ворота, одною силой рук.

На плащ его роскошный из выдровых мехов
Нашиты были сверху меха других цветов.
Был этот плащ просторный и лёгок, и хорош
И канителью¹ золотой насквозь прострочен сплошь.

Как мы уже сказали, меч Зигфрида стальной
Изрядной отличался длиной и шириной —

¹ Канитель — тонкая металлическая проволока для вышивания.

Монастырь в Лорше (Бавария). VIII в. Предполагаемое место создания эпоса «Песнь о Нибелунгах»

Любые шлемы Бальмунг в сраженье пробивал.
Так ехал, весел и могуч, охотник на привал.
Ещё одно поведать о нём я не успел.
Колчан его ломился от златопёрых стрел,
Чей острый наконечник был шириною в пядь¹.
Кто сбит такой стрелою с ног, тому уже не встать.
К охотничьему стану примчался вихрем он,
И ринулись бургунды к нему со всех сторон.
На землю спрыгнув, витязь им бросил удила.
Привязан был большой медведь к луке его седла.

¹ Пядь — старинная мера длины; расстояние между концами большого и указательного пальцев.

Он снял со зверя путы. Разинул пленник пасть,
Расправил с рёвом лапы и восвояси шасть.
Залаляли собаки, раздались вопли слуг,
И начался переполох на всей опушке вдруг.

В испуге удирая куда глаза глядят,
Зверь забежал на кухню, рассеял поварят,
В костры поопрокинул котлы и вертела.
Эх, сколько яств из-за него испачкала зола!

С мест повскакала челядь, вскочили господа.
Медведь остервенился, и приказал тогда
Король ему вдогонку со свор спустить борзых.
Уж то-то славный был денёк у витязей лихих!

За копыта и за луки охотники взялись.
Они за зверем долго по зарослям гнались,
Но выстрелить боялись, чтоб не поранить псов.
Весь лес гудел от топота и громких голосов.

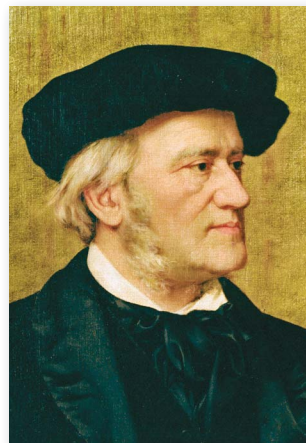
Перевод Ю. Корнеева

Вопросы и задания

1. Какова *тема* прочитанного фрагмента?
2. Какие средства художественной выразительности помогают создать образ Зигфрида?
3. Определите позицию рассказчика, его отношение к происходящему.
4. В отрывке описываются предметы одежды и снаряжения Зигфрида. Вспомните, какая деталь воинского снаряжения подробно изображается в поэме Гомера. Что в ней необычного? Как вы думаете, для чего нужны подобные описания в героической поэме?
5. Вспомните сцену охоты из произведения русского писателя, с которой вы познакомились в 5 классе. Какие сходства и различия в описании охоты в его романе и в германском эпосе вы можете отметить?

Великий немецкий композитор **Рихард Вагнер** (1813—1883) верил в то, что он родился изменить и осчастливить мир. И в самом деле он — фигура титаническая: Вагнер-мечтатель, фанатично устремлённый к одной цели, Вагнер-творец, раздвигающий границы возможного в искусстве. Нет ничего удивительного в том, что жизнь такого человека оказалась полной сильных страстей и почти невероятных приключений.

В молодости Вагнер увлекался революционными идеями. Когда он служил придворным дирижёром в Дрездене, там вспыхнуло восстание. Вагнер находился с повстанцами на баррикадах, а после поражения едва успел скрыться за границу. Его объявили государственным преступником, разослали по городам его приметы, и много лет он не мог вернуться в Германию.

А кто ещё из композиторов, художников, писателей становился чуть ли не правителем целого королевства? Только Вагнер. Молодой король Баварии Людвиг II так любил его музыку, что решил: нет ничего важнее этой музыки для его подданных. Он призвал композитора к себе и позволил распоряжаться деньгами государства для постановки своих опер. А ещё король выстроил в горах великолепный замок, посвящённый фантастическому миру вагнеровской музыки, и назвал его «Новый лебединый утёс» — «Нойшванштайн». Сооружение волшебное, грандиозное, каких больше нет на свете. И это — зримое воплощение вагнеровской мечты.

Творчество Вагнера — почти исключительно оперное. Но, в отличие от всех известных композиторов, Вагнер задумал создать что-то неизмеримо большее, чем только опера.

Замок Нойшванштайн («Новый лебединый утёс»). Бавария. 1869—1886 гг.
Современная фотография

Ему казалось, он может так соединить музыку, драматургию, живопись (в виде декораций), сценическое движение, чтобы возникло новое, высшее искусство. Это искусство должно было, по мысли Вагнера, завладеть миром, начать другую эру в жизни человечества.

У Вагнера нет обычного для его предшественников деления оперы на отдельные номера: арии, дуэты, хоры. Музыка льётся непрерывно, передавая движение чувства в его тончайших оттенках. Переживания многих действующих лиц сливаются в один почти бесконечный музыкальный поток.

Это оказалось бы невозможным без чуткого, постоянного присутствия оркестра. Он не только сопровождает поющие-

ся слова, но сам говорит у Вагнера на своём языке. Оркестр может передать и шелест леса, и широкое течение Рейна — самой знаменитой немецкой реки, и грозный полёт фантастических дев-воительниц — валькирий. Но так же естественно он рассказывает о душевном мире героев оперы. Во многих своих произведениях Вагнер придумал целую систему звучащих в оркестре музыкальных тем — лейтмотивов, каждая из которых обозначает действующее лицо, особенно важный предмет или отвлечённую идею.

Современная или сравнительно недавняя жизнь была Вагнеру мало интересна. Сюжеты для своих опер композитор почти всегда находил в мире эпических сказаний Северной Европы. При этом, прежде чем перенести в музыку, он обрабатывал их, чтобы высказать свои, вагнеровские, мысли. Самые знаменитые из его опер: «Лоэнгрин» — о чудесном рыцаре-лебедь, который спустился на землю, чтобы помочь людям в борьбе со злом, «Тристан и Изольда» — переложение средневековой легенды о юных влюблённых, погибающих от своей любви.

А главное создание Вагнера — гигантская тетралогия¹ «Кольцо Нибелунга», над которой он работал четверть века. В неё вошли четыре оперы: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов». Сюжет тетралогии необыкновенно сложен и развивается в нескольких поколениях. Вагнер что-то взял из немецкой «Песни о Нибелунгах», что-то из древнего исландского эпоса. Получилась трагическая история, где люди, божества, великаны, карлики-нибелунги борются за обладание волшебным кольцом, которое даёт власть над миром. В XX веке на основе похожих северных преданий создал своё известное произведение «Властелин колец» английский писатель Д.Р. Толкиен.

¹ Тетралогия — произведение, состоящее из четырёх относительно самостоятельных частей.

О сюжете вагнеровской тетралогии много спорили, спорят и сегодня. Но главное здесь, как всегда у Вагнера, — музыка. Она волнует, увлекает, временами просто переворачивает душу. Оказавшись у неё в плену, трудно от неё освободиться. Выразительность в ней просто небывалая! А приносит ли она людям счастье, как хотелось Вагнеру, — это особый вопрос. Ведь счастье все представляют себе по-разному...

Послушайте музыкальный фрагмент «Полёт валькирий» из оперы Вагнера «Кольцо Нибелунга». Что вы представляете, слушая эту музыку?

Искусство древних сказителей

Устные эпические песни, на основе которых создавались литературные героические поэмы, жили веками и тем не менее каждый раз творились как бы заново, расцветались новыми красками, подробностями. Их исполнение было вдохновенным. Возникла импровизация — поэт не повторял заученный текст, а создавал произведение прямо в процессе пения. И всё-таки он следовал определённым правилам, которые не мешали, а помогали ему.

Представьте себе, что будет, если каждый начнёт исполнять старинную песню-сказание как ему заблагорассудится. Что останется от песни? Правильно, она исчезнет. Вместо неё появится много новых песен. Да и сюжет песни очень скоро будет неузнаваем. Но у героического эпоса, как у свободно текущей реки, всегда существовали берега, не позволявшие ему просто разлиться в разные стороны.

Прежде всего сказитель стремился к тому, чтобы его взгляд на происходящее совпадал со взглядом общепринятым, народным. Говорил он плавно, размеренно и, как подобает в рассказе о самых серьёзных вещах, — торжественно. И это особенно убеждало слушателей, что всё сказанное — правда. Певец подробно и красочно описывал действия, пересказывал речи ге-

роев, изображал их воинское снаряжение, но не показывал, а только изредка обозначал их переживания.

В памяти сказителей были постоянные сочетания слов, которые употреблялись в песне на протяжении веков. Каждый герой, каждый сюжет рисовались при помощи одних и тех же слов-обозначений или ярких повторяющихся эпизодов. Такие фрагменты в эпосе называют общими местами. Они-то в первую очередь передавались из поколения в поколение. И песня не умирала.

Героический эпос всегда соединяет в себе сказочное, мифическое и реальное. Богатыри часто сражаются не только с иноземными завоевателями, но и с драконами, чудищами, великанами. Сами народные герои нередко наделяются сверхъестественной силой. В иных произведениях у разных народов заодно с людьми действуют языческие божества.

Ну а там, где описаны битвы между племенами, испытания, которые выпадают героям в мире человеческом, там почти всегда можно угадать дыхание бесконечно далёкой, но подлинной истории. За последние два столетия учёные-археологи сделали множество находок, доказавших, что героический эпос не только вымысел, но и ценное свидетельство о реальных событиях.

А самое главное — это великая, истинная поэзия.

Вопросы и задания

1. Какие особенности повествования характерны для героического эпоса? Почему его текст изменялся с течением времени? Как устойчивые особенности исполнения эпоса сочетались с импровизацией?
2. В каком жанре устного народного творчества нам уже встречались устойчивые обороты речи, постоянные эпитеты? Для каких жанров также характерна вариативность?
3. Как связаны реальность и вымысел в героическом эпосе?
- 4*. Обратитесь к дополнительным источникам и выясните, как создавался эпос древних якутов («Олонхо»). Как в нём соединялось искусство творца и сказителя?

Былины — героический эпос русского народа

Путешествовать по дальним краям, знакомиться с жизнью других народов, конечно, интересно и поучительно. Но как хорошо вернуться на родную землю, где всё мило нашему сердцу, где слышится самая подлинная русская речь. Ведь у нас тоже есть эпические сказания о славных воинах, о богатырях, и звучат они для нас по-особому.

Эти сказания называют былинами. Даже если мы былины ещё не читали, их герои часто знакомы нам с детства. Кто в России не слышал про Илью Муромца — славного заступника за родную землю, наделённого великой силой и доброй, открытой душой? Знаем мы и благородного, рассудительного богатыря Добрыню Никитича, и удалого молодца Алёшу Поповича. Да и новгородский гусляр Садко, покоровший своим искусством морского царя, наверное, многим из вас тоже хорошо известен.

Былина — жанр русского фольклора, героическая песнь о подвигах богатырей, написанная особым былинным тоническим стихом и исполнявшаяся без сопровождения или под аккомпанемент гуслей.

Былинный стих — стихотворный размер, характерный для русского героического эпоса, разновидность тонического безрифменного стиха с одинаковым количеством ударных и произвольным количеством безударных слогов в каждой строке.

Русские былины, конечно, моложе «Илиады». Но и они появились очень давно. Может быть, это произошло в XIII,

а может быть, в XIV веке: никто точно не знает. Вполне вероятно, что некоторые из них ещё более древние.

С тех незапамятных времён былины, передаваясь из поколения в поколение, существовали в устном творчестве нашего народа. Записывать их начали около двухсот лет назад. Но долго ещё в некоторых уголках нашей страны звучали народные сказания о старинных подвигах русских богатырей. В народе эти песни так и называли: «ста́рины», «старинушки», а современное слово «былины» очень удачно придумали учёные в XIX веке. Только подумайте: каких-нибудь сто, а то и меньше лет назад в стране Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова продолжало существовать искусство, рождённое в глубине веков, изумлявшее и приводившее в восторг ещё наших далёких предков.

Самой «былинной» землёй в России очень долго оставалась Карелия, или, как её тогда называли, Олонецкий край. К примеру, на острове Кíжи жила глубоко почитаемая в народе семья сказителей Рябининых. Знаменитого своим искусством Трофима Григорьевича Рябинина старалась заманить к себе каждая рыболовецкая артель с Онежского озера, чтобы слушать вечерами его удивительные песни. Искусство этого мастера передалось потомкам. Последним известным сказителем в семье Рябининых был Пётр Иванович Рябинин-Андреев, живший в середине XX века.

Понятно, что русские ста́рины, подобно всякому героическому эпосу, содержали в себе сочетания слов или целые фрагменты, пришедшие из древности. Но всё равно былина создавалась каждый раз как бы заново. Сказитель специально настраивался на её исполнение, чтобы начать его с ясной душой, открытой добру и свету.

И до чего же значительным, волнующим становился его рассказ! Те очевидцы, кто слышал лучших мастеров этого

искусства, говорили потом о настоящем потрясении, которое они пережили. Каждый поворот сюжета, каждый герой былины становились у народных творцов незабываемо яркими. Неудивительно, что народ воспринимал услышанное как повествование о подлинных событиях. Ну и что же, если многое тут выглядит сказочным, фантастическим? На то она и старина! Этого нет сейчас, но это непременно происходило в прошлом!

Для того чтобы древние фольклорные произведения стали достоянием отечественной культуры, «закрепились» в письменном выражении, необходим труд учёных-собираателей. С Александром Николаевичем Афанасьевым и братьями Гримм мы уже знакомились в 5 классе в разделе «Сказки». Теперь речь пойдёт о собирателях былин.

Павел Николаевич Рыбников (1831—1885) родился в Москве в обедневшей купеческой семье. Рано остался без отца, но получил прекрасное образование, знал иностранные языки. В 1854 году поступил на филологический факультет Московского университета. Во время многочисленных командировок по уездам Олонецкой губернии (ныне республика Карелия) занимался сбором материалов по статистике, истории, этнографии, фольклору. Открыл немало сказителей (Тимофей Рябинин, Леонтий Богданов, Козьма Романов, Никифор Прохоров и др.), лично записал более двухсот былин от тридцати сказителей. Эти былины полностью были опубликованы в четырёхтомном издании «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (1861—1867).

Александр Фёдорович Гильфердинг (1831—1872), продолживший работу П.Н. Рыбникова, также получил хорошее домашнее образование, окончил Московский университет и знал несколько языков. Он занимался изучением истории прибалтийских славян, возглавлял этнографическое отделение Императорского Русского географического общества. В 1871 году Гильфердинг совершил поездку по Олонецкой губернии, за время которой им было собрано триста восемнадцать былин, прослушано семьдесят сказителей. Ему удалось дополнить собрания фольклора Рыбникова. Результатом его исследований явились посмертно изданные в 1873 году «Онежские былины».

Былинный богатырь Илья Муромец

Самый известный русский былинный богатырь Илья Муромец получил своё прозвание от старинного русского города Муром. Былины называют родиной Ильи расположенное на Муромской земле село Карачарово.

Чудесны подвиги этого богатыря. Чудесно и начало его богатырского служения своему народу. В былинах говорится, что крестьянский сын Ильи до тридцати трёх лет «сидел сиднем», не владел ни руками, ни ногами, то есть был, говоря современным языком, инвалидом от рождения.

Но как-то раз, когда Илья оставался в доме один, пришли на двор его родителей калики¹ перехожие. И они совершили чудо: не только возвратили здоровье крестьянину, но и вдохнули в него огромную, немереную силу. И калики же

¹ Калики (от «калига» — вид кожаной обуви) — странники, паломники.

научили Илью, где найти ему богатырского коня и достойное богатыря воинское снаряжение. Тут и отправился Илья Муромец на княжескую службу и на стражу родной земли.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град. —

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела¹,
Заколодела дорожка, замуравела.

А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у покляпя²,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова³
Сидит Соловей-разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика зверино
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольной дорожкой — целая тысяча. —
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,

¹ То есть завалена упавшими деревьями, стала непроходимой.

² *Покляпый* (устар.) — пригнутый, искривлённый.

³ *Леванидов крест* (греч. — из ливанского дерева) — крест, сделанный из трёх сросшихся деревьев. По легенде, на таком был распят Христос.

С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.

Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тою ко берёзе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Тёмны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак¹ да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериноного,
Не видал ли ты ударов богатырских? —
А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,

¹ *Казакі* — вольные люди, охраняющие русские границы. В Киевской Руси их ещё не было, они появились значительно позднее. Скорее всего, сказители стали называть Илью казаком приблизительно в XVII в., когда казачество получило широкую известность в России.

Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнёздышка повёз да соловьиного.

<...>

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь, он вышел со Божьей церкви,
Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-то поразмахивал.
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству? —
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович. —

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичища-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал.

А й у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у берёзы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.

То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-зверину —

То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский,
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловёй-разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же старья казак ты Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.

А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:

— Ты Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку¹,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скоренько шёл в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.

Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,

¹ Горенка (гórница) — парадная комната, место для приёма гостей.

Закричал разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околенки¹ во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людושек — так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
Тебе полно-тко спускать-то сиротать да малых детушек! —
А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

Вопросы и задания

1. Составьте сложный план былины, подготовьте её сжатый пересказ.
2. Каким предстаёт в былине Илья Муромец? В чём он противопоставляется Соловью-разбойнику?
3. Какую роль в создании образа богатыря играет его речь?
4. Найдите в былине повторяющиеся фрагменты. Как вы думаете, для чего они вводились? В каком жанре фольклора мы уже встречались с подобным приёмом?
5. Найдите в тексте былины *постоянные эпитеты*, объясните их роль.

¹ То есть окна.

6*. Найдите в словаре литературных терминов определение *анафоры*, покажите, как и для чего используется этот приём в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

7. Какую роль играет в былине приём *гиперболизации*? Подчеркните *гиперболы* в тексте былины.

8. Докажите, что Илья Муромец совершает подвиг не ради личной славы, а для блага русских людей. Подтвердите свой ответ цитатами из текста. Как это связано с историей его чудесного выздоровления и обретения богатырской силы?

Гипербола — художественное преувеличение, поэтический приём, применяемый в фольклоре и литературе. Например, в былине о богатырском коне говорится так: «Его добрый конь да богатырский / С горы на гору стал перескакивать, / С холмы на холмы стал перемахивать, / Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал».

В русских былинах, как и в героическом эпосе других народов, создаётся особый поэтический мир, в котором всё преувеличено: мощь богатыря, уродство и злоба его врага, красота и нарядность княжеской горницы, быстрота богатырского коня и т.д. Такой художественный приём называют **гиперболизацией**.

Обратитесь к электронным материалам, познакомьтесь с былинами «Илья Муромец и Калин-царь», «Три поездки Ильи Муромца». Как дополнили они ваше представление о главном русском богатыре?

Послушайте исполнение былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Чем можно объяснить существование разных вариантов этого произведения?

Удивительное это искусство — русские былины. Казалось бы, героический эпос должен быть воинственным. Но богатыри из русских былин идут сражаться не оттого, что они

любят войну, а потому, что они хотят мира. Не всегда, конечно, но чаще всего бывает именно так. И сказители, говоря о них, смотрят на мир словно глазами своих героев. Илья побеждает близ Чернигова «силушку великую». Представляете, как могло бы это прозвучать у Гомера? В былине же только и сказано, что богатырь эту силушку «стал конём топтать да стал копьём колоть».

Можно было ожидать, что нам покажут во всех подробностях, как Илья Муромец одолел Соловья-разбойника. Разве нельзя было русскому сказителю создать нечто страшное, бросающее читателя в дрожь? А в былине описание победы Ильи Муромца занимает не больше места, чем его грозное обращение к своему коню, испугавшемуся соловьиного посвиста.

А кстати, кто же он такой — Соловей-разбойник? Как нам его себе представить? Причудливые образы создаёт порой народная фантазия. Учёные говорят, что одно из определений, данных Соловью в былине, — «Одихмантьев сын», может указывать на враждебный Киевской Руси древний народ печенегов. Возможно, образ Соловья-разбойника соединил в себе всю ужасную, тревожную память о печенежских набегах. Нам ясно одно: это фантастический полубогатырь-получудовище. А вот «силушка великая», которую одолел могучий, бесстрашный Илья, — это, вполне вероятно, один из тех кочевых народов, которые часто нападали в древности на Русскую землю.

И.Я. Билибин. Илья Муромец и Соловей-разбойник. 1940 г.

Сказитель не показывает нам кровавые битвы и даже не даёт возможности их вообразить, потому что главное для него — не подробности кровопролития, а свет русского христианского мира, торжествующего над своими ненавистниками. В былине не просто упоминаются приметы православной веры: Илья Муромец «стоял заутреню христосскую во Муроме» и хотел «к обеденке» своим богатырским скоком приехать «в стольный Киев-град»; князь Владимир выходил из церкви Божией... Былина вся живёт этой верой. Вот почему враги Святой Руси, во всяком случае Соловей-разбойник, показаны тут словно с сожалением и даже состраданием.

До чего же интересно, на первый взгляд даже невероятно получается: былина о воинских подвигах на самом деле оказалась былиной о стремлении к миру. Так будет в русской литературе ещё не раз.

Недаром встречаются в нашем героическом эпосе и такие былины, где богатырская тема на первый взгляд вовсе не связана с воинскими подвигами.

Вопросы и задания

1. Прочитайте самостоятельно былинку «Вольга и Микула Селянинович».
2. В этой былине мы встречаем приём *повтора*. Для чего он используется? Какое чувство должен был вызвать у слушателей повторяющийся фрагмент?
3. Определите, как относится повествователь к Вольге и как — к Микуле Селяниновичу. В чём выражается это отношение?
4. В 5 классе вы познакомились с таким понятием, как *идея* художественного произведения. Какова идея этой былины?

Былина про Вольгу и Микулу не только очень яркая, но, может быть, ещё и самая поучительная в русском героическом эпосе. Вся она — поэтический урок, обращённый к нам через века.

О чём мы только что узнали? О том, как вырос молодой князь Вольга Святославович, племянник киевского князя Владимира, и «похотелоя Вольге много мудрости». Вот князь и решил, что вся мудрость состоит в том, чтобы посадить на коней «тридцать молодцов да без единого», стать самому «во тридцатых» и поехать собирать дань по городам, доставшимся ему во владение.

Случалось, русские князья так и поступали. Но мудрый князь не только кормился сам и кормил дружину трудами своих подданных. У него было высокое призвание: защищать родную землю на войне, оберегать православную веру, отеческие нравы и обычаи, вершить справедливый суд... Для этого он должен был жить заодно со своим народом, опираться на его силу. Без народа князь ничего значительного сделать не мог. Встреча с Микулой Селяниновичем как раз и показала Вольге, какие ценности в мире подлинные, а какие — только обман, что на земле надёжно, а что зыбко и непрочное.

Вы, наверное, заметили: всё чудесное, по-настоящему былинное начинается в этой эпической песне одновременно с появлением Микулы. Вольга Святославович и его дружина тут вполне обыкновенные люди. Но вот Микула! Надо же: три дня слышал Вольга со своими спутниками, как пашет в поле невидимый оратай-пахарь, а никак не мог до него доехать! Словно это и не человек вышел пахать, а какая-то громадная, всё на свете одолевающая сила.

Е.А. Кибрик. Микула
Селянинович. 1948—1950-е гг.

Когда же дошло до самого простого дела: вынуть сошку из земли да бросить её за ракитов куст — тут выяснилось, что и вся «дружинушка хоробрая» не может тягаться силою с могучим Микулой. А кобылка у пахаря такая, что ни один конь её не обскачет. Перед нами самый настоящий богатырь, только не с мечом и копьём, а с сохой.

Напрасно будем мы искать в истории какого-то человека, похожего на Микулу. И в то же время такой Микула встретится нам чуть ли не в каждом русском крестьянине, как ни мало сходства будет порой между ним и былинным богатырём. Образ этот соединил в себе народные представления о крестьянском труде как начале всех начал, о величии простого хлебопашца. Не случайно отчество у Микулы «говорящее» — Селянинович.

Откуда берёт Микула свою неимоверную силу? Ответ ясен. Прямо от той земли, на которой он трудится. Сила эта словно переливается в богатыря из нашей общей матери и кормилицы. Светлая, созидательная, творческая сила. В ней — торжество жизни, источник самой настоящей поэзии. Вот почему образ Микулы в былине такой поэтический, праздничный. Занятый своим богатырским трудом Микула даже и одет так, как будто вышел на праздник:

У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

Идеализация — принцип отображения мира в эпической поэзии, усиление положительных качеств героя. Народ стремился изобразить героя и окружающий его мир прекрасным, совершенным во всех проявлениях. Наряд богатыря, его жилище, оружие, конь описываются такими, какими они должны быть согласно общенародному идеалу.

А разве наши былинные воины-богатыри, занятые ратным трудом, разве они не сыновья, не родные братья Микулы Селяниновича? Пусть не все они крестьянского рода-племени, но ведь их сила — это тоже сила Русской земли! Да и сам Микула разве стерпит, если придут враги глумиться над ним, над его домом, семьёй, над его верой? Плохо придётся обидчикам, если на время отложит он свою соху и выйдет на честный бой!

Пока он идёт в поле за своей сохой, мир остаётся прочным и надёжным.

Действительно, богатыри-труженики встречаются не только в русских былинах, но и в героическом эпосе других народов. Пример такого героя можно найти в карело-финском эпосе «Калевала». Этот древнейший свод сказаний, собранный, записанный и обработанный в XIX веке финским учёным и поэтом Элиасом Лённротом, сохранил следы старинных мифологических представлений северного народа, в древности называвшегося чудью. Один из главных героев «Калевалы» — могучий и мудрый Вяйнямёйнен, научивший людей земледелию и ремёслам. В электронных материалах прочитайте фрагмент из «Калевалы» и поразмышляйте о том, что сближает Вяйнямёйнена с Микулой Селяниновичем и чем они различаются.

Историческая основа русского героического эпоса

Большинство былин повествуют о временах Киевской Руси. Конечно, за тысячу лет, прошедших с того времени, подлинные события и лица преобразились в народном сознании. К тому же мы знаем, что в героическом эпосе часто есть место фантазии, преувеличению. И всё-таки былинный мир

Киево-Печерская лавра. Современная фотография

почти всегда имеет исторические истоки, хотя установить их с научной точностью бывает трудно.

Почему именно Киевская Русь оказалась так интересна народным сказителям? Чего только не происходило в нашей истории с той поры, а творцы былин всё рассказывали и рассказывали о первых веках Русского государства. И почему во многих былинах главным представителем власти становится киевский князь Владимир? Ведь было много других славных князей и в киевский, и в более поздний московский период нашей истории.

Тут нет ничего случайного. Именно князь Владимир Святой принёс на Русскую землю христианство, именно при нём Русь, до того языческая, приняла православную веру. В былинах мы не найдём исторического образа великого крестителя Руси. Больше того, за многие столетия Владимир Святой, очевидно, смешался в сознании сказителей с обра-

Владимир Святой (слева), Владимир Мономах.
«Титулярник». XVII в.

зом другого киевского князя — Владимира Мономаха, жившего на сто лет позже. Но ведь и Владимир Мономах тоже был князем-христианином! Не раз он проявлял христианское смирение и мудрость в отношениях с братьями-князьями, призывал к прощению и взаимопомощи. Мудрый и справедливый правитель, он умел ценить сильных и благородных воинов. А это и есть то главное, что характеризует князя Владимира из русских былин.

Вот и получается, что большинство былинных сюжетов относятся именно к тем векам, когда Россия начиналась как православное государство. Есть среди таких сюжетов и более древние — дохристианские, но всё же не они оказались в основе нашего героического эпоса. И подвиги русских богатырей совершаются тут не только в защиту своей земли и народа, но в защиту веры, ставшей на века судьбой нашего Отечества.

Былинные богатыри, так же как и былинный князь Владимир, — вымышленные герои. Но образ каждого из них тесно связан с некогда жившим на Руси вполне реальным человеком. В Киеве XII века действительно был известен обладавший огромной силой богатырь Илья Муромец. Он закончил свои дни монахом древнейшего русского монастыря — Киево-Печерской лавры и впоследствии был причислен к лику святых. Преподобного Илью Муромца Русская православная церковь прославляет и сегодня. День его памяти — 1 января.

Существовал на самом деле и храбрый воин, сын ростовского священника Алёша Попович. Он совершил многие подвиги и потом погиб в битве с монголами на реке Сити.

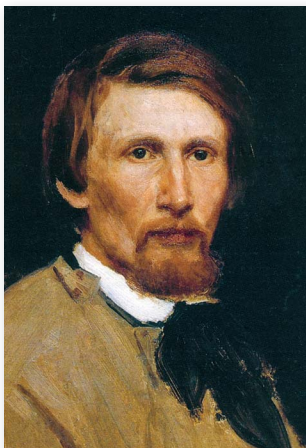
Имя Добрыня тоже памятно в отечественной истории. Под ним известен верный воин и родной дядя князя Владимира Святого. Не случайно Добрыня из русских былин часто выступает как воин-князь, человек высокого происхождения.

Ну а те недруги Русской земли, с которыми бьются богатыри? Калин-царь, обступивший Киев со своим бесчисленным воинством, «силушка великая», осадившая город Чернигов, Идолище Поганое, Змей Тугарин или Соловей-разбойник. Такие образы — реалистичные или фантастические — соединяли в себе понятия о тёмных силах, враждебных русскому христианскому миру.

Вопросы и задания

1. Какие периоды русской истории нашли косвенное отражение в образах героического эпоса?
2. Почему именно Киев изображается в былинах «богатырской столицей»?

Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича обычно мы представляем себе такими, какими изобразил их на картине «Богатыри» **Виктор Михайлович Васнецов** (1848—1926). Даже не верится, что картине этой немногим больше ста лет. Она словно существовала всегда. До чего же точно сумел передать художник наше общее чувство родной старины, вековые представления русского народа о своих былинных защитниках!

Васнецов родился в селе Лопья Вятской губернии, где отец его был священником. Именно отец, неплохо умевший рисовать, дал своему сыну первые уроки мастерства. Позднее Васнецов уехал учиться живописи в Петербург и окончил там Академию художеств.

Нередко в ту пору случалось, что дети простых священников, отрываясь от дома, совершенно забывали веру своих родителей, теряли живую память о народном мире, среди которого они выросли. К счастью, иначе было с Васнецовым. Художник думал и чувствовал так, как думает и чувствует его народ. Он во всём остался верен родным истокам и сделал очень многое для того, чтобы напомнить современникам, откуда мы все берём своё начало. Кстати, его брат Аполлинарий тоже стал замечательным художником и тоже посвятил своё творчество русской старине.

До Васнецова летописная, сказочная, былинная Русь почти не интересовала художников. Чудесной силой своего искусства Васнецов первым сделал её зримой, показал как наяву. Словно раздвинулась завеса времён и пронзительно ясно предстали вдруг задумчивый витязь на распутье, мёрт-

вое поле только что отгремевшей битвы князя Игоря Свято-славича с кочевниками-половцами, древний певец Боян, вдохновляющий на подвиги княжескую дружину...

А ещё Иван-царевич на Сером Волке, сестрица Алёнушка, тоскующая над озером в лесной глуши о потерянном братце Иванушке, Снегурочка, идущая по ночному, околдованному зимой заснеженному лесу...

Но как ни дорожил Васнецов преданиями старины, он знал уже с детства, что начало всему в России — христианская вера. И большую часть своей жизни художник посвятил работе над украшением православных храмов. Около десяти лет он прожил в столице древнерусского государства Киеве, где расписывал величественный Владимирский собор: сам спланировал его внутреннее убранство, сам работал над главными изображениями святых, картинами из русской священной истории. Огромный образ Пресвятой Богородицы — сокровеннейшая из работ Васнецова — смотрит на каждого, кто заходит в собор.

Удивительно широко проявлялся талант художника. Он создавал проекты необыкновенных домов. Собственный дом в Москве Васнецов спланировал сам. Многим известный фасад здания Третьяковской галереи построен тоже по его замыслу. Кроме того, он прекрасно оформлял театральные спектакли, иллюстрировал книги и продумывал до мелочей, как они должны выглядеть. И всё это — в национальном, историческом, чисто васнецовском стиле.

Над картиной «Богатыри» — от первого замысла до её окончания — художник работал почти тридцать лет. Он называл эту работу своим гражданским долгом.

Вот известные каждому в России три богатыря стоят в степи на молодецком дозоре. У каждого богатыря свой особенный характер, но все они верно сторожат родную землю. Васнецов правдиво и точно показал их воинское снаряжение, сбруи их верных коней.

В.М. Васнецов. Богатыри. 1898 г.

Учимся понимать язык искусства

1. Назовите и опишите каждого из героев. Какие детали на картине помогают нам понять характеры богатырей?
2. Как, на ваш взгляд, перекликаются образы на картине Васнецова с образами из былин?
3. Подберите строки из одной или нескольких былин, которые могли бы стать подписью к картине.

Дикая, стихийная природа окружает богатырей. В ней словно разлита тревога. И сами богатыри — в тревожном ожидании: где-то покажется враг? Разве что младший из них Алёша Попович ненадолго унёсся мечтами куда-то далеко. И дивные богатырские кони со сказочными гривами тоже чувствуют опасность. Может быть, всего через миг начнётся кровавая сеча.

А между тем эти могучие воины нам вовсе не страшны. Ведь они выехали в степь защитить правду и красоту русского мира. Они и сами часть этой красоты и правды. Посмотрите, сколько в них простоты, добродушия, света. Их дозор — это ещё и сердечная стража, не допускающая в душу человека никакой нечисти. Васнецов написал грозную, но миролюбивую и по-русски очень тёплую картину.

Былинная Русь не была для художника миром, навсегда ушедшим. Он умел видеть вечное в судьбе своего народа. Показывая людей далёкого прошлого, Васнецов говорил о настоящем и будущем, обращался он и к любому из нас.

Вот так бы и нам чутко сторожить свою землю, охранять своё сердце от всего недостойного, чёрного, отравляющего человеческую жизнь. А иначе — какие же мы дети своей земли?

Рассмотрите картины В.М. Васнецова, обратившись к дополнительным электронным материалам. Расскажите о ваших впечатлениях.

Новгородские былины

Город Новгород — один из самых древних в нашей стране. Расположенный на северо-западе России, в том месте, где из большого озера Ильмень вытекает река Волхов, Новгород издавна славился как торговый город. Отсюда уходили по Волхову корабли на север — к Балтийскому морю, чтобы плыть дальше, в страны Западной Европы. Многочисленные

гости, как называли в Новгороде купцов, в изобилии поставляли новгородцам свои товары — из других областей России, из Европы и даже из далёкой Азии.

Былина о гусляре Садко — не единственная среди эпических песен, действие которых связано с Новгородом, но самая знаменитая из них. Наверное, это объясняется её занимательностью, невероятным, полным фантастических приключений сюжетом.

Вопросы и задания

1. Самостоятельно прочитайте былин «Садко».
2. Интересно ли вам было читать о приключениях Садко? Какие события, описанные в былине, показались вам наиболее интересными?
3. Каков характер гусляра Садко? Можно ли назвать его идеальным героем?
4. Назовите *постоянные эпитеты*, которые используются в былине. Объясните их роль.
- 5*. Какие художественные приёмы помогают изобразить необыкновенный талант Садко-гусельника?
6. Подготовьте выразительное чтение одного из фрагментов былины.

И правда, Садко — былинный герой особого рода. Он не обладает богатырской силой. Он обыкновенный человек, ставший участником волшебных событий. Впрочем, и это не совсем так. Ведь причина всего, что с ним приключилось, — его чудесный дар гусельщика. Все чудеса, которые совершаются в былине, Садко так или иначе сам вызвал своим искусством. Сказочная былина о приключениях молодого гусляра прославляет художественный талант, творческое начало в человеке.

Иногда говорят, будто Садко отличается от былинных богатырей, особенно от великих воинов Киевской Руси, ещё

Святитель Николай
(Можайский).
Деревянный складень
из Каргополя. XVI в.

и тем, что все его поступки продиктованы только личным интересом, что во всех своих приключениях он действует не для общества, а для себя. Ну что ж, купеческий интерес очень многое значил для жизни древнего Новгорода. Стоит ли удивляться, если и Садко ловок, предприимчив, если он тоже своего не упустит! Да и сказитель говорит о богатстве, пришедшем к герою, с большим уважением.

Но при этом в былине не забывается и то главное, без чего земному успеху человека грош

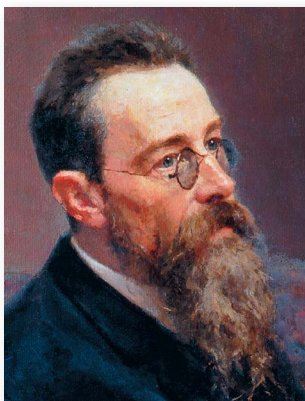
цена. Ведь кто надоумил Садко, как ему выбраться из подводного плена — хотя и почётного, но грозившего обернуться бедой? Явившийся к нему Микола Можайский. Так назван в былине великий православный святой, угодник Божий и чудотворец Николай Мирликийский. С глубокой древности и до настоящего времени он считается защитником и покровителем русского города Можайска. Находившуюся в Можайске чудотворную икону святого в народе так и называли: «Никола Можайский». К помощи Николая Чудотворца прибегали во многих случаях, но особенно о ней просили путешественники, мореплаватели. Вот святой Николай и пришёл к Садко, чтобы спасти гусяра и вместе с ним людей, страдающих от бури, поднятой морским царём. А Садко в благодарность за помощь поставил в Новгороде церковь, посвящённую святому. Не говорит ли это о том, что он стал больше думать о душе, больше помогать другим?

К.А. Коровин. Эскиз к декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». 1907 г.

Вот так эта дивная сказка-былина возвращает нас к духовной правде русского мира.

А человек по имени Садко (Сотко Сытинович), как выяснили историки, действительно жил в Новгороде XII века. И церковь он тоже построил, только посвящённую не святому Николаю, а святым князьям-мученикам Борису и Глебу. Правда, никто не знает, играл ли этот богатый человек на гусях. И уж вряд ли спускался он в подводное царство к морскому царю. Да и разве Ильмень-озеро — это море? Всё преобразила, всё расцветила чуждыми красками народная фантазия.

Народная былина про гусяра Садко стала основой для одноимённой оперы **Николая Андреевича Римского-Корсакова** (1844—1908). Жизнь этого великого русского композитора словно нарочно складывалась так, чтобы рано или поздно он обратился к сюжету самой знаменитой новгородской былины.

Римский-Корсаков даже родился на исторической Новгородской земле, правда, в одном из самых дальних её концов — городе Тихвине (теперь в Ленинградской области). И отец его одно время служил новгородским вице-губернатором.

Музыке он посвятил себя не сразу. Старший брат композитора учился в Петербурге на морского офицера, и его пример оказался заразительным. Римский-Корсаков тоже окончил Морской кадетский корпус и стал военным моряком. Уже понимая, что его призвание — писать музыку, он тем не менее отправился на три года в кругосветное плавание на парусном корабле — клипере «Алмаз». Только по возвращении Римский-Корсаков окончательно выбрал профессию композитора. А брат его продолжал служить и дослужился до адмирала.

Оперное творчество Римского-Корсакова почти всегда основано на сюжетах из прошлого России. В некоторых случаях он изображает исторические события. Например, действие опер «Псковитянка» и «Царская невеста» происходит во времена Ивана Грозного. А есть у композитора оперы сказочные: «Снегурочка», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок». Уже в конце своей жизни Римский-Корсаков написал очень сложную оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», основанную на древнерусских преданиях времён монгольского нашествия.

Римский-Корсаков прославился как один из величайших в истории русской музыки мастеров оркестрового письма. При помощи выразительной мелодии, искусно распределённой между разными инструментами оркестра, он рисовал настоящие музыкальные картины. Самая известная среди них — «Полёт шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане».

И всё-таки опера «Садко» — особенно показательная для его творчества. Всё, что композитор знал и любил: русская старина, народная песенная культура, причудливые сказочные картины, поэзия морских просторов, — соединилось в одном ослепительно ярком произведении.

Впервые былина о Садко увлекла композитора ещё в 1860-е годы. Он написал тогда симфоническую картину¹ на её сюжет. А большая опера, куда вошли некоторые мелодии-темы из того давнего произведения, впервые была поставлена в 1898 году.

Особенно удавались композитору звуковые образы моря, и в опере «Садко» морские темы звучат с необыкновенной силой. Оперу открывает оркестровое вступление «Окиян-море синее». Это бесконечно сказочное море: с его таинственными глубинами, волшебным подводным царством. А вот знаменитая сцена, где Садко приглашают к себе на торговлю гость варяжский, гость индийский и гость веденецкий (венецианский). В их песнях открываются с невиданной красотой характеры трёх непохожих друг на друга народов. А ещё — образы тех морей, на которых стоят их страны. Но русский композитор не мог не сказать и о нашем народном чувстве моря. И появляется в опере бодрый, радостный хор товарищей Садко по морскому плаванию. Слова для него композитор нашёл в другой русской былине — о Соловье Будимировиче:

¹ *Симфоническая картина* — небольшое музыкальное произведение, предназначенное для исполнения оркестром из струнных, духовых и ударных инструментов.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота-глубота окиян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские.

Сколько торжества, открытости миру несёт с собой эта морская песня! В русской музыке Н.А. Римский-Корсаков остался великим эпическим творцом, который дал новую музыкальную и сценическую жизнь многим произведениям нашей поэзии.

Послушайте фрагменты музыкальных произведений Н.А. Римского-Корсакова в дополнительных электронных материалах. Каким образом в музыке создаётся образ моря? Удалось ли композитору вызвать морские картины в вашем воображении?

Контрольные вопросы и задания к разделу

Тест

1. Стихотворный размер, которым написаны древнегреческие поэмы «Илиада» и «Одиссея».
2. Приём, при помощи которого автор может заменить прямое наименование предмета или героя — косвенным, например описательным оборотом.
3. Название встречающегося во многих фольклорных жанрах художественного средства — устойчивого образного определения.
4. Художественный приём преувеличения, широко использующийся в былинах.

Вопросы

1. Что такое героический эпос? На каком этапе исторического развития народа он возникает?
2. С какими произведениями героического эпоса вы познакомились в этом разделе (в том числе и самостоятельно)? Когда примерно они были созданы? Запишите названия этих произведений, а рядом — у каких народов они появились.

3. Что такое гиперболизация и идеализация? Для чего они используются в героическом эпосе разных народов? Приведите примеры.

4. Расскажите об одном из героев эпоса (Одиссее, Зигфриде, Беовульфе и др.). Какие идеальные человеческие качества воплотил в этом образе создавший его народ?

5. Какова историческая основа русского героического эпоса? В чём заключаются его главные особенности?

6*. Выясните, почему былинный богатырь Илья Муромец причислен Русской православной церковью к лику святых.

7. Как создаётся поэтический мир русской былины? Какие важнейшие приёмы при этом используются? (Приведите примеры из былин, прочитанных самостоятельно.)

Творческие задания к разделу

1. Подготовьте в группах выразительное чтение или инсценировку фрагментов «Илиады» и «Одиссеи».

2. Опираясь на прочитанные былины об Илье Муромце, напишите биографию этого героя для детской литературной энциклопедии. Подберите иллюстрации к ней.

3. Прочитайте баллады А.К. Толстого «Илья Муромец» и «Садко». О каких чувствах героев говорит поэт? Докажите, что эти произведения относятся не к эпосу, а к лирической поэзии. Напишите отзыв об одном из стихотворений.

4. Сравните двух героев — из русского и зарубежного эпоса, опираясь на вопросы:

1) Какую историческую эпоху и национальную культуру они представляют?

2) Каков внешний облик героев?

- 3) Что необычного в их происхождении, судьбе?
- 4) Какие героические поступки они совершают?
- 5) Есть ли в произведении подобные им персонажи или они выделяются на фоне всех?
- 6) Что подчёркивается сказителями в характерах героев? Это индивидуальные или общенациональные качества?

Сделайте вывод об общем и различном в образах героев эпоса разных народов. Оформите ваши наблюдения в виде статьи для научно-популярного издания (журнала или интернет-сайта).

Книжная полка

Библиотека русского фольклора. Т. 1. Былины.

Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков.

Былины Печоры и Зимнего берега.

Героический эпос народов России: Гэсэр, Джангар, Калевала, Нар-ты, Олонхо.

Гильгамеш. Древнешумерский и аккадский эпос.

Гомер. Илиада; Одиссея.

Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. Электронный ресурс: https://ru.wikisource.org/wiki/Древние_Российские_стихотворения,_собранные_Киршеем_Даниловым.

Онежские былины.

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Электронный ресурс: [https://ru.wikisource.org/wiki/Песни,_собранные_П.Н._Рыбниковым_\(Рыбников\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Песни,_собранные_П.Н._Рыбниковым_(Рыбников)).

Песнь о Нибелунгах.

По следам былин.

Героическое в русской
литературе разных лет

Сто с небольшим километров отделяют от Москвы село Бородино. Вокруг села — милые русскому сердцу пейзажи. Но приезжая в эти места, мы не только любимся бородинскими окрестностями. И в наши дни тут на каждом пятачке земли, в воздухе, в небе живёт память Отечественной войны 1812 года. Она будет жить, пока стоит Россия. Потому что на поле Бородина наши войска, вынужденные до той поры отступать, дали невиданный по силе отпор одному из самых грозных в нашей истории вражеских нашествий.

Нет ничего удивительного в том, что после разговора о героях древности, о былинных богатырях мы сразу переходим к творчеству великого поэта XIX века — М.Ю. Лермонтова.

Именно Лермонтов написал всенародно любимое стихотворение «Бородино», которым навсегда прославил в русской поэзии подвиг старших своих современников — богатырей 1812 года. И одновременно поэт сумел сказать самое главное о русском человеке, в какое бы время он ни жил: о его жертвенной любви к Родине, его скромности, его мужестве. Он выразил то, что чувствуем мы все.

Есть в этом стихотворении огромная вековая правда, как есть она и в былинах. Конечно, в отличие от былин, мы не встретим тут ничего фантастического. Но стихотворение Лермонтова всё равно проникнуто общим с былинами героическим духом. И Бородинское «поле грозной сечи» — чем не широкое, вольное былинное поле, куда выезжал Илья Муромец на добром коне, чтобы сразиться с недругами своей земли?

**Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ**
1814—1841

Хотя поэт и родился два года спустя после великой освободительной войны 1812 года, память о ней долго ещё была разлита в самом воздухе России. Должно быть, мальчиком Лермонтову не раз приходилось играть не в какую-то другую, а непременно в эту, только что миновавшую войну. Иначе и быть не могло. Такого грозного испытания и такой победы страна не знала с давних пор. Война 1812 года не зря получила название Отечественной.

Тогда на Россию обрушилось страшное нашествие армии французского императора Наполеона. Самое точное поэтическое определение этих событий мы, как всегда, находим у Пушкина: «Гроза двенадцатого года». А прежде чем она разразилась, двадцать лет всю Европу, и не только Европу,

сотрясали войны, исходившие из революционной Франции. То было удивительное время. Разве до этого кто-нибудь мог себе представить, что простой, никому не известный артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт — невзрачный, небольшого роста — станет прославленным полководцем и захочет сделаться владыкой целого света? Но всё это произошло в действительности. И вот Наполеон — насильно или по доброй воле — собрал под свои знамёна представителей самых разных европейских народов. Это полумиллионное войско устремилось прямо к сердцу России — Москве. Здесь, под Бородином, произошло самое кровопролитное, ни с чем не сравнимое сражение той войны.

На нём война не закончилась: русские войска отступили, и Наполеон занял Москву. Но после Бородинской битвы его армия уже истекала кровью. Все мы знаем, что Москва почти полностью сгорела тогда в страшном пожаре, и лишь потом захватчики, погибая от ударов вновь окрепшей русской армии, от морозов, от голода и непривычки переносить тяжёлые условия, начали отступать. Причём постепенно это отступление всё больше походило на паническое бегство. С тех дней стала рушиться империя Наполеона. В год рождения Лермонтова — 1814-й — наши войска во главе с императором Александром I вошли в столицу Франции Париж. А Наполеон впоследствии был сослан на остров Святой Елены в Атлантическом океане.

До того как было написано «Бородино» (1837), Лермонтов-поэт уже обращался к событиям Отечественной войны. Раннее его стихотворение «Два великана» (1832) изображает борьбу России с наполеоновской Францией как схватку могучих богатырей. В них можно узнать и двух императоров: Александра I и Наполеона, и два стоящих за ними народа. Такой взгляд на совсем недавнее историческое прошлое не только по сути, но и по художественным приёмам был очень близок народному эпосу.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далёких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нём рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришёл с грозой военной
Трёхнедельный удалец, —

И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.
Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою.
Ахнул дерзкий — и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

Вопросы и задания

1. Вспомните, что такое *аллегория*. Какие события европейской истории иносказательно переданы в стихотворении?
2. Какие синонимы к слову «богатырь» подбирает поэт, чтобы изобразить русского воина? Как он называет чужеземца?
3. Как вы понимаете выражение «трёхнедельный удалец»? Почему его использует Лермонтов? Как называется это художественное средство?
4. В чём необычность изображения Лермонтовым поединка богатырей?
- 5*. О чём иносказательно повествует последняя строфа? Почему она начинается с союза *но*?
6. Какие особенности языка сближают это стихотворение с фольклором, народной речью? Как в стихотворении используется приём *антитезы*?
- 7*. Удалось ли поэту воплотить характер русского народа-богатыря, знакомый нам по древним былинам? Подтвердите свою точку зрения примерами из текста былин и лермонтовского стихотворения.

Послушайте выразительное чтение стихотворения в электронных материалах. Подготовьте отзыв о нём.

Вот видите, в какую фантастическую картину превратилась у Лермонтова война 1812 года. Такая картина-аллегория оказалась нужна поэту для того, чтобы сжато и выразительно рассказать о подлинных событиях. Она близка не только былинам, но и походным солдатским песням. И здесь единственный раз во всём своём творчестве Лермонтов говорит о Наполеоне насмешливо, с юмором, так же, как это делал народ-победитель. Между тем поэт — и не он один в русской литературе — несмотря на всю свою любовь к Родине, был очарован личностью французского императора, его удивительной судьбой. Позднее он посвятил Наполеону несколько очень ярких и сочувственных стихотворений.

В жизни Лермонтова 1837 год — особенный. Тогда погиб Пушкин, и потрясённый Лермонтов написал прозвучавшее на всю страну стихотворение «Смерть Поэта». И тогда же увидело свет лермонтовское «Бородино» (первое стихотворение, опубликованное по воле автора под его именем). Этот трагический для России год одновременно был юбилейным: отмечалась двадцать пятая годовщина победы в Отечественной войне.

Стихи о 1812 годе русские поэты, конечно, писали и до Лермонтова — иногда прямо на войне, при близком громе сражений. Многие из этих произведений дороги нам и сегодня не только как памятники прошлого. Скажем, «Певец во стане русских воинов» Василия Андреевича Жуковского. Юный Пушкин в 1814 году посвятил Отечественной войне свою оду¹ «Воспоминания в Царском Селе».

Но Лермонтов — поэт послевоенного поколения, молодой офицер, ещё не испытывавший на себе, что такое война, — сделал самое главное. Своей всеобъемлющей душой он почувствовал и навечно запечатлел в слове народное представление о минувшей войне за Отечество. Стихотворе-

¹ Ода — торжественное стихотворение, прославляющее государственного деятеля или историческое событие.

ние появилось не сразу. Сначала, почти мальчишкой, Лермонтов написал короткое стихотворение «Поле Бородина». А шесть лет спустя он использовал некоторые строки из него, когда создавал прославленное «Бородино».

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.

¹ Реду́т — полевое укрепление, окружённое валом и рвом.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи¹!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета²,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак³ открытый:
Кто кивер⁴ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

¹ *Картёчь* — снаряд, начинённый пулями.

² *Лафёт* — станок на колёсах, на котором закрепляется артиллерийское орудие.

³ *Бивак* (устар.) — стоянка войска под открытым небом; привал.

⁴ *Кивер* (устар.) — военный головной убор из жёсткой кожи с козырьком.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нам,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знаменá, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат¹, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

¹ Булат — твёрдая и упругая сталь.

Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы¹.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

Вопросы и задания

1*. Опираясь на справочные издания по русской истории XIX века, выясните, насколько точно поэт передал события, предшествовавшие Бородинской битве.

2. Кому автор «поручает» рассказать о дне Бородина? Каким вы представляете себе этого человека? Нарисуйте его словесный портрет.

3. Проследите по тексту, какие чувства испытывают русские воины во время отступления, при подготовке к сражению, в день битвы.

4. Как объясняется рассказчиком оставление Москвы?

5. Как удаётся Лермонтову передать единство всех русских воинов?

¹ Бусурман — здесь: иноземец, враг.

6. К кому обращается рассказчик? Как вы думаете, в чём смысл дважды повторяющихся строк: «Да, были люди в наше время... Богатыри — не вы!»?

7. Каков *пафос* стихотворения? Докажите своё мнение.

8. Отметьте в стихотворении *гиперболы*, укажите их роль.

9. Какие ещё художественные приёмы, выразительные средства использует поэт и для чего? Какие из этих приёмов сближают стихотворение с героическим эпосом?

10. Признаки какого *жанра* можно найти в стихотворении «Бородино» (повествовательное начало, эмоциональность, диалог)?

11. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть.

Прослушайте в дополнительных электронных материалах несколько вариантов выразительного чтения этого стихотворения. Сопоставьте их и оцените.

Стихотворение Лермонтова посвящено исторической теме. И поэт, конечно, читал уже созданные к тому времени описания Бородинской битвы. От своих старших современников он слышал воспоминания о ней. А впрочем, с точки зрения фактов в произведении Лермонтова нет ничего такого, чего не знал бы в России того времени, да и в России сегодняшней, любой мало-мальски образованный человек.

Больше того, многие широко известные подробности Бородинского сражения поэт не упомянул. Нам не встретится ни одной исторической фамилии, даже не сказано, что французами командовал Наполеон, а русскими — Михаил Илларионович Кутузов. К примеру, у Жуковского в «Певце во стане русских воинов» поимённо прославлялись многие военачальники русской армии. А у Лермонтова — ничего подобного. Французская армия здесь — это один собирательный «брат мусью». Русские — это «сражённый булатом» безымянный полковник, сказавший свои простые, но такие памятные слова: «Ребята! не Москва ль за нами?» Кто из русских офицеров не говорил, не мог сказать своим солдатам то же самое?

Ф.А. Рубо. Бородинская битва. Фрагмент панорамы. 1912 г.

И тем не менее, показывая нам исторические события только в общих чертах, лермонтовское «Бородино» достовернее, правдивее любого самого подробного исторического труда. Потому что в нём — история народного чувства, народного «воспламенения», как говорили современники Отечественной войны 1812 года.

Никогда ещё в русской поэзии не было такого человеческого, берущего за душу изображения войны. Ведь стихотворение Лермонтова написано как рассказ о Бородинской битве её участника. И мы словно переживаем вместе с ним всё, что происходит на кровавом поле, проникаемся его чувствами. Но и сам этот рассказчик — лицо, прежде неизвестное нашей литературе. Впервые поэтическим языком заговорил о великом событии национальной истории не генерал, не офицер, а самый обыкновенный русский солдат. Вот так показать Оте-

чественную войну глазами простого человека никому до Лермонтова не удавалось.

Но есть между тем в лермонтовском «Бородине» одна тема, которая звучит тревожно и словно не относится к великому прошлому России. Она появляется в начале стихотворения и она же его завершает:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Что это? Обыкновенное старческое ворчание? Люди пожилые часто смотрят на молодость с укором. Наверное, есть в этих словах и такой смысл. Но для Лермонтова они значили намного больше. Поэту казалось, и часто справедливо, что люди его поколения измельчали, что нет уже в них величия героев Отечественной войны 1812 года. Что может быть страшнее и опаснее духовного оскудения нации? Об этом он написал немало горьких стихов.

Но разве для того, чтобы создать «Бородино», не нужны были поистине богатырские силы? И разве стихотворение Лермонтова обращено только в прошлое? Наша история, наша литература убеждают нас, что это не так.

Рассмотрите в электронных материалах картины на тему Отечественной войны 1812 года. Какие чувства стремились передать художники? В чём их произведения перекликаются со стихами М.Ю. Лермонтова?

В истории России за последние столетия были две войны, которые наш народ назвал Отечественными. Первую из них — Отечественную войну 1812 года — мы только что вспоминали, говоря о стихотворении Лермонтова «Бородино». Вторая, и самая страшная, Великая Отечественная война обрушилась на нашу страну в 1941 году и продлилась долгих четыре года.

Вот уже сколько лет прошло с того времени, а Великая Отечественная остаётся для нас огромной, непостижимой, священной.

Страшен был враг, напавший на Советский Союз. Фашистская Германия хотела завладеть нашими просторами и богатствами, лишить нас собственного государства. Фашисты презирали и ненавидели наш народ, его культуру. Упорная, безжалостная, хорошо вооружённая и обученная сила пришла растоптать, уничтожить нашу Родину.

Такого испытания, какое досталось нашим дедам и прадедам, не знает история последних столетий, а может быть, и вся человеческая история. Это был действительно смертный бой. И прежде чем одержать верх над врагом, мы потеряли — только представьте — *более двадцати миллионов* наших соотечественников. Какая огромная беда!

И какая великая слава!

**Александр Трифонович
ТВАРДОВСКИЙ**
1910—1971

Имя русского поэта Александра Трифоновича Твардовского неотделимо в нашей памяти от Великой Отечественной войны.

Твардовский родился и вырос в местах, которые много раз на протяжении русской истории принимали первый удар завоевателей из стран Западной Европы. Его малая ро-

дина — хутор Загорье на Смоленщине (сейчас это Починковский район Смоленской области). Отец поэта был деревенским кузнецом, а позднее обзавёлся и собственным крестьянским хозяйством. Так что происходил Александр Трифонович из самого что ни на есть народного мира — кормильца страны и её защитника в тяжёлые времена.

Тогда в России многие простые люди не знали грамоты. Но родители Твардовского не просто умели читать и писать, а ещё и отличались большой любовью к русской литературе. Вечерами в доме кузнеца Трифона Гордеевича для всей семьи читали вслух Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова. И конечно, будущий поэт, как любой крестьянский мальчик того времени, прикоснулся к народной культуре: песням, частушкам, поговоркам.

Это была сложная пора в истории русской деревни, да и всей России. После революции жизнь резко переменилась, многие людские судьбы оказались искалечены. Когда на селе полностью отменили частную собственность и собрали крестьян в коллективные хозяйства, отца Твардовского, подобно миллионам других крестьян, объявили кулаком — врагом новой жизни. Он вместе со старшими сыновьями оказался в ссылке.

Однако в то же время советская эпоха принесла большие надежды, открыла людям из народа почти недоступные до этого возможности. Твардовский закончил институт в Москве, стал известным поэтом. Его творчество принадлежало новому времени, но сохранило глубокое родство с культурой минувших веков.

Твардовский написал за свою жизнь немало замечательных стихотворений и поэм. Но всенародно любимым поэтом его сделала книга в стихах «Василий Тёркин», созданная в годы Великой Отечественной войны. Может быть, это и есть главная книга в нашей литературе тех лет.

Нет ничего удивительного в том, что люди, уцелевшие в невиданной борьбе 1941—1945 годов, запомнили её как самое важное, что было в их жизни. Ведь в такие моменты каждый человек, и народ в целом, показывает всё, на что он способен, живёт не для сегодняшнего дня, а для вечности. В битве за своих родных, свою землю проявлялись лучшие черты народного характера, оживала память поколений. Но битва шла не только за Россию, но и за ту правду, справедливость, любовь, что несёт Россия всему миру. Они так ярко светили тогда в каждом живом русском сердце! Просто нельзя было этого не почувствовать. И вместе с русскими на полях Великой Отечественной сражались представители других народов. Они все были братьями — сыновьями одной страны.

Многие писатели испытали в то время огромный творческий подъём, создали незабываемые произведения. Особенно полно и широко всенародное чувство великой, священной войны сумел передать Твардовский в поэме «Василий Тёркин».

Как создавалась «Книга про бойца»

Свою «Книгу про бойца», как назвал «Василия Тёркина» сам автор, Твардовский писал всю войну. Подобно многим другим советским литераторам, он был призван в армию и служил корреспондентом фронтовой газеты. В газете Западного фронта с 1942 года и начал публиковаться отдельными главами «Василий Тёркин». Скоро главы из книги получили широкую известность, хоть закончил её поэт только в 1945 году, незадолго до Победы.

У произведения Твардовского нет единого, сквозного сюжета. Главы «Василия Тёркина» — это на первый взгляд почти не связанные между собой поэтические картины военной

жизни. Вот наступление, тяжёлый бой за далёкую лесную деревушку, рукопашная схватка русского солдата с фашистом, переправа под огнём неприятеля... А вот короткая остановка на заснеженной фронтовой дороге, отдых на привале, встреча в крестьянской избе двух солдат: бойцов минувшей и нынешней войны... Единственное, что связывает эти картины между собой, — присутствие в каждой из них Василия Тёркина, продолжающего свой путь по военным дорогам.

Фамилия этого героя, если книга читателю ещё незнакома, поначалу может настроить на весёлый лад. И действительно, боец Василий Тёркин у Твардовского — человек озорной, неунывающий. Он и шутник, и выдумщик, и гармонист. Но какую бы главу «Василия Тёркина» мы ни открыли, очень скоро мы замечаем, что перед нами необыкновенно яркая и особенно просветлённая книга. Она и весёлая, и горькая, и страшная, и печальная, и торжествующая... Всё, что может испытывать человек на великой освободительной войне, есть в «Василии Тёркине». И герой Твардовского, парень «сам собой обыкновенный», соединил в себе эти разнообразные, сложные переживания целого народа.

Поэт говорил, что «Василий Тёркин» — книга «без начала, без конца». Только такой и могла оказаться правдивая книга о войне, написанная в гуще событий. Сам Твардовский, конечно, не был обыкновенным солдатом. Но и ему пришлось попадать в самые опасные переделки. В первый год войны он дважды чудом избежал немецкого окружения. Сознание того, что смерть ходит рядом и надо всегда быть готовым встретить её достойно, не покидало поэта.

А разве можно на войне жить иначе? Твардовский не знал, успеет ли он закончить своего «Тёркина», даже не знал, останется ли жить его герой: что было, то прошло, а каким будет конец — не нам судить. Как всякий человек того времени, поэт видел вокруг столько смертей, столько

горя, был свидетелем такого мужества, такого душевного величия! И чувство человека, который сам в любую минуту может умереть за правое дело, окрыляло его, делало его книгу потрясающе искренней и светлой. В ней действительно горел чистый огонь народной правды. Читая «Василия Тёркина», мы то смеёмся, то плачем. И это слёзы, которых никому стыдиться не надо.

Доподлинно известно, что книгу Твардовского читали не только в тылу, но и на фронте. Солдаты самой страшной войны приняли Василия Тёркина как своего и полюбили. И представьте себе, сколько людей, не вернувшихся с войны, за год, за неделю, за день до своей праведной смерти успели прочесть или услышать хотя бы главу из книги про бойца! Автор книги в душе не отделял себя от них, жил одной с ними судьбой.

Конечно, для того чтобы создать такое произведение, нужен был великий талант. Язык «Василия Тёркина» — ясный, красочный, народный, музыкальный. Ни одно слово не звучит у Твардовского фальшиво, неискренне. Всё на своих местах. А такое даётся только настоящим поэтам. Наследник Пушкина и Некрасова, мастер, усвоивший уроки русского фольклора, Твардовский однажды выразил заветное своё желание:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
— Вот стихи, а всё понятно,
Всё на русском языке...

Именно такого языка требовал рассказ о простом и высоком подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне. И хоть не было в книге Твардовского ни былинных богатырей, ни фантастических драконов, тут по-своему продолжались традиции русского героического эпоса.

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

Книга про бойца

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шёл легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щёлкал по лесу мороз,
Защемлял в пути всё туже,
Подгонял, под мышки нёс.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофёр,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щёки снегом бы натёр.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?

— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет¹. —
Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернёшь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трёхтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой, —
Смолк шофёр,
Заснул шофёр.

Сколько суток полусонных,
Сколько вёрст в пурге слепой
На дорогах занесённых
Он оставил за собой...

¹ Кисёт — табачный мешочек.

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперёд-назад,
Гусеницы и колёса
На снегу ещё визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалённой нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трёт ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.

— В чём же дело?
Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был
любитель...

Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал,
сыграть-то можно,
Думал, что ж её беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же — посудите —
Может, завтра —
с места в бой...

— Знаешь что, —
сказал водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трёхрядку¹,
Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завёл, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста —
Словно что-то невдомёк.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.

Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повёл о трёх танкистах,
Трёх товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой ещё народ.

Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так ещё сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

¹ Трёхрядка — гармонь с тремя рядами клавиш.

Иллюстрация к поэме
«Василий Тёркин».
Художник О.Г. Верейский. 1946 г.

— Отморозил парень
 пальцы, —
Надо помощь скорую.

— Знаешь, брось ты эти
 вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трёхрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому ещё лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулись вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофёр тот самый,
Опасаясь опоздать.
Чей кормилец, чей поилец,
Где пришёлся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошёл, пошёл работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнёт в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подаёт за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,

Кабы вдруг —
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.
— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего, — сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдалённой
Из-за тысячи колёс
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да ёлки с двух сторон...
Едет дальше Вася Тёркин, —
Это был, конечно, он.

Вопросы и задания

1. Как рассказал в этой главе А.Т. Твардовский о фронтовом товариществе? Что помогает бойцам не падать духом в условиях военной жизни?

2. Какую роль в главе играют диалоги? Как они строятся?
3. вспомните, какие наблюдения о народной песне — душе России — мы с вами сделали в 5 классе. Какие свойства народного характера проявились в игре Тёркина и в том, как слушали его бойцы?

4. Кому принадлежат слова?

...Какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Как вы их понимаете?

5. Определите, каким стихотворным размером написан «Василий Тёркин».

6. Подготовьте выразительное чтение этой главы по ролям.

ГЛАВА «БОЙ В БОЛОТЕ»

Вопросы и задания

1. Самостоятельно прочитайте главу «Бой в болоте».
2. Можем ли мы по тексту главы определить, где именно находится деревенька Борки?
3. Почему поэт решил рассказать не о каком-нибудь знаменитом сражении, а о битве за безвестный населённый пункт?
4. Как передал Твардовский повседневный тяжкий труд войны? Почему в тяжёлые часы неудачного наступления бойцы «ищут виноватого»?
5. Как сумел Тёркин в этой ситуации ободрить своих товарищей?
6. Поясните строки: «Этой песни прошлогодней / Нынче немец не певец».
- 7*. Почему автор не описал подробно, как «ребята встали, взяли / Деревушку без труда»? Какую комическую гиперболу и для чего использовал здесь поэт?
8. Как раскрывается в этой главе образ верного долгу и приказу русского труженика-солдата?

ГЛАВА «СМЕРТЬ И ВОИН»

Вопросы и задания

1. Самостоятельно прочитайте главу «Смерть и воин».
- 2*. Как используется в этой главе *фантастика*? Почему мы верим в возможность такого разговора?
3. Чем искушает смерть измученного бойца?

4. Какие чувства и какие свойства души помогают Тёркину выдержать поединок со смертью?

5. Какую роль в этой главе играет тема фронтового братства?

Послушайте в дополнительных электронных материалах выразительное чтение глав «Награда» и «Поединок». Каким вы представляете Тёркина в этих главах? Связано ли ваше впечатление о герое с манерой исполнения фрагмента?

Три главы из книги «Василий Тёркин», которые мы только что прочитали, — очень разные. Но есть в них и общее: они рождают в нас чувство нестигаемой народной силы, способной одолеть любое препятствие, любую беду. Множество самых простых, обыкновенных на первый взгляд людей — каждый со своими надеждами, своей болью и радостью — предстают здесь как один могучий богатырь-народ.

Вот, например, рассказ о короткой остановке на зимней фронтовой дороге. В колонне нашлась гармонь, нашёлся и гармонист. Началась пляска. Ну что же: отвели душу, да ещё и согрелись. Но Твардовский наполнил эту сценку таким русским духом, увидел в ней столько сложных, невысказанных переживаний, что и до сих пор она способна поразить нас. Ведь это пляска посреди великой битвы, и для кого-то она станет последней. Сколько тут силы, отчаяния, горя, упорства, нежности, веселья и жизни всему вопреки! Необыкновенно гибким, словно передающим все оттенки звучащей музыки, каждое движение начавшейся пляски, становится язык поэта. И как решительно сменяются тут настроения буквально в соседних строках!

А вы заметили, до чего деликатно, бережно относятся друг к другу все участники этого мимолетного веселья на фронтовой дороге? Посмотрите, как они благородны, отзыв-

чивы на чужую беду и чужую радость. Достаточно проследить за отношениями Тёркина и двух танкистов, потерявших в бою своего командира — хозяина гармонии, за тем, как решается потом судьба «осиротевшей» трёхрядки. Как сдержанно, оберегая чувства окружающих, говорят танкисты о своём горе, как Тёркин словно боится оскорбить память погибшего, взяв чужую гармонь. И наконец, как рождается у танкистов самое правильное решение — отдать инструмент гармонисту-Тёркину: «Весели свою пехоту».

Нет в этой главе ни атак, ни окопной жизни в обороне. А самое главное о войне сказано. Да кто же способен победить народ, наделённый таким внутренним богатством, таким душевным величием!

Но страшными, тяжёлыми были сражения Великой Отечественной. Не всегда её участникам доводилось погибнуть «на миру», где, как известно, «и смерть красна», не всегда умирали они в битвах прославленных, знаменитых. А те, кто сложил свою голову у никому не известных посёлков, — разве они меньше достойны памяти?

Ведь война — это постоянный труд, порой превосходящий даже самые большие человеческие силы. Вот об этом тоже не мог не сказать Твардовский. Иначе книга его не была бы вполне правдивой. Глава «Бой в болоте» как раз и посвящена одному из таких «незаметных» боёв великой войны.

Памятник воину-освободителю
в Берлине.

Скульптор Е.В. Вучетич. 1949 г.

Твардовский хотел, чтобы все слышали, какие муки, какие испытания умеет перенести ради своей отчизны русский солдат. И ещё он хотел, чтобы ни один из бойцов Великой Отечественной, где бы ни выпало ему сражаться, не был забыт.

Ну а третья из прочитанных нами глав может показаться совсем уже мрачной. Вот и пришёл конец неунывающему Тёркину: он лежит, истекая кровью, на мёртвом поле. Сама Смерть пришла забрать Василия Тёркина в свои владения и ведёт с ним неторопливый разговор. Куда ей торопиться? Этот солдат всё равно не жилец.

А между тем в Тёркине Смерть нашла очень неудобную добычу. Из последних сил трижды повторяет Тёркин своё заветное: «Я солдат ещё живой». И Смерть оказывается посрамлённой. Не случайно ведь в большинстве вариантов народной легенды «Солдат и Смерть» победителем является именно солдат — находчивый, неунывающий. Вечно живой.

И глава о том, как Тёркин умирал, да не умер, тоже оказалась необходимой в «Книге про бойца». Сколько раз за время Великой Отечественной стояла наша страна на краю гибели? А ведь выстояла. Так много воли к жизни, упорного желания не сдаваться было в нашем народе.

Необычные богатыри в литературе XX века: «Сын полка» В.П. Катаева

Древние народы, создавая свои эпические сказания, наделяли героев идеальными чертами: невероятной силой, отвагой, мужеством, справедливостью. Все эти качества воплощались в герое в превосходной степени, делая его богатырём.

Следуя традициям народного эпоса, литература тоже создавала героев, в которых народ узнавал самого себя. Луч-

шие черты народного характера воплотились в старом солдате-рассказчике из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино», в Василии Тёркине, герое А.Т. Твардовского. Литература показала и то, что героем, идеальным представителем всего народа может быть человек, внешне несколько не похожий на «великана», «богатыря», — «обыкновенный парень».

Время Великой Отечественной войны было суровым испытанием для нашего народа. Однако именно оно открыло великие запасы духовного богатырства в людях. Не только в тех, кто сражался на фронте, но и в тех, кто остался в тылу, кто не получил оружия для борьбы с врагом, но горел любовью к Родине и искал случая послужить ей.

Совсем не похож на богатыря герой произведения, которым завершится этот раздел. Это мальчишка, ваш ровесник, но в нём живёт нестигаемый дух отцов, богатырская сила многих поколений. Об этом великом героическом наследстве, о детстве и о войне пишет Валентин Петрович Катаев в повести «Сын полка».

Вопросы и задания

1. Самостоятельно прочитайте фрагменты повести В.П. Катаева «Сын полка».
2. Как распорядилась война судьбой деревенского мальчика Вани Солнцева?
3. Как относятся к Ване взрослые бойцы?
4. Какие черты характера Вани раскрываются в разных эпизодах книги? Перескажите и прокомментируйте наиболее запомнившийся фрагмент.
5. Какую роль в судьбе пастушка сыграл капитан Енакиев?
- 6*. Почему в книге, адресованной детям, В.П. Катаев не избегает таких жестоких картин, как описание гибели капитана Енакиева?
7. Как, по вашему мнению, должна сложиться судьба Вани Солнцева? Аргументируйте свой ответ.

Контрольные вопросы и задания к разделу

Тест

1. Развёрнутое высказывание героя литературного произведения (например, рассказ ветерана о Бородинском сражении в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино»).
2. Приём, при помощи которого писатель показывает в конкретных образах отвлечённые понятия (например, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Два великана»).
3. Научное название сильного чувства, воодушевления, отразившегося в литературном произведении, определившего его главный эмоциональный тон (например, гордость подвигом своего народа в произведениях М.Ю. Лермонтова, А.Т. Твардовского).

Вопросы

1. Какие особенности в изображении героизма русского народа сближают стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино» и «Книгу про бойца» — «Василия Тёркина» А.Т. Твардовского?
2. Почему в годы Великой Отечественной войны кинорежиссёры снимали фильмы по русским сказкам и былинам?
3. Как в «Василии Тёркине» продолжены традиции русского героического эпоса?

Творческие задания к разделу

1. Напишите сочинение «Обыкновенный богатырь» по одному из прочитанных произведений о войне. Скажите о том, какие главные черты сближают этого героя с былинными богатырями. Подчёркивает ли автор его исключительность (как это было в эпосе)?
- 2*. Выясните, как Великая Отечественная война отразилась на судьбе вашей семьи: может быть, у вас есть или были родственники, принимавшие в ней участие? Узнайте об их впечатлениях, познакомьтесь с их воспоминани-

ями. Напишите сочинение на тему «Война и моя семья». Ответьте в нём на следующие вопросы:

1) Кто из ваших родственников или друзей вашей семьи был на фронте или в тылу во время войны? В каких войсках, на каких фронтах они воевали? (В каких городах были в тылу?)

2) Передавали ли они свои впечатления? О ком из боевых товарищей вспоминали? Рассказывали ли о каких-то событиях?

3) Как вы думаете, почему важно сохранить память о войне и о её участниках в каждой семье? Как это связано с темой богатырства?

3. Поразмышляйте над тем, кого можно назвать богатырями в наше время. Какие дела они совершают, за что или против чего борются? Оформите свои рассуждения в виде доклада или презентации.

Проведите опрос или анкетирование на эту тему среди своих сверстников. Результаты представьте в виде графика, таблицы или схемы. Организуйте в классе дискуссию, опираясь на собранные данные.

Книжная полка

Жуковский В.А. Певец во стане русских воинов.

Каверин В.А. Два капитана.

Катаев В.П. Сын полка.

Навои А. Фархад и Ширин.

Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре.

Симонов К.М. Сын артиллериста.

Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Тёркин на том свете.

Толстой А.К. Илья Муромец. Садко. Песня о Гаральде и Ярославне.

Толстой А.Н. Русский характер.

Фирдоуси А. Рустам и Сухраб.

ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Русский меч.
XIII в.

Лук, колчан,
стрелы. XIV в.

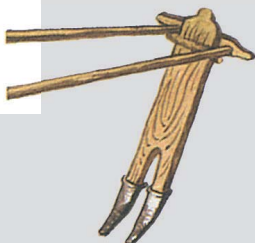
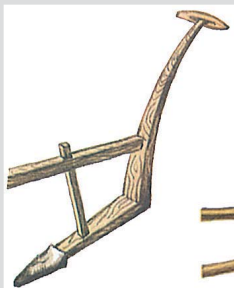
Доспехи русского воина.
XII—XIII вв.

Русские войска преследуют половцев.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

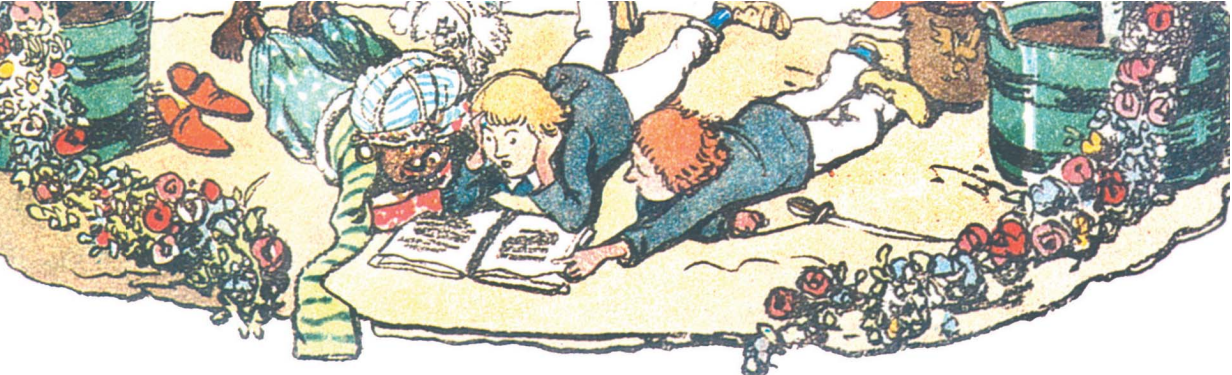
Пахота.
Миниатюра из Жития
Сергия Радонежского.
Конец XVI в.

Земледельческие орудия славян.
Орало и двузубая соха

Вопросы и задания

1. Рассмотрите воинское снаряжение древнерусских витязей и традиционные земледельческие орудия. Знакомы ли вам названия этих предметов? Обратитесь к толковому, этимологическому словарям и словарю устаревших слов. Уточните значение и происхождение слов: *кольчуга, шлем, колчан, доспехи, орало, соха*.
2. Вспомните, в каких фольклорных и литературных произведениях нам встречалось описание воинских доспехов, снаряжения, конской упряжи. Какую роль играют в литературе такие описания?
3. Составьте словесный ряд, характеризующий нравственные качества русских воинов.
4. Подготовьте сообщение о том, как наши предки относились к своему оружию и орудиям мирного труда. Дополните свой рассказ цитатами из художественных произведений.
5. Назовите ремёсла, которые играли важную роль в жизненном укладе наших предков.
6. Как вы считаете, мирный труд или воинские подвиги чаще воспеваются в художественной словесности? Как раскрывается характер нашего народа в мирной жизни и в военное время?

Размышляем о литературе вместе с героями книг

Помните, как в 5 классе малыши и малышки из книги Н.Н. Носова помогали нам разобраться в таких непростых вещах, как тема, идея, пафос в литературе, стихи и проза?

В этом году нас вновь будут сопровождать по самым таинственным областям страны художественного слова её коренные жители — персонажи детских книг. Они ваши ровесники, и то, что для вас не просто, — не просто и для них. Но вместе мы уж точно не заблудимся. Итак, в путь!

Эпос, лирика, драма — три рода литературы

Беседа 1

ЭПОС И ЛИРИКА

Друзья, мы уже не раз в наших размышлениях о литературе использовали слова: *лирика, эпос, лирический, драматический, эпический*. Определения этих терминов вы могли найти в словаре. Теперь нам предстоит вникнуть в самую суть этих понятий и использовать их в дальнейшем не время от вре-

мени, а постоянно — точно зная и глубоко понимая, что они означают. Так, мы уже применяем понятие «жанр» и определения разных жанров фольклора и литературы. Ведь понятия «жанр» и «род» — во многом близкие, они оба имеют значение «тип», «разновидность», «совокупность похожих литературных произведений», только литературный род намного объёмнее и шире. Он вбирает в себя отдельные жанры, так же как в жизни людей род включает в себя отдельные семьи.

Поэзия, то есть словесное художественное творчество, сопровождает человечество с глубокой древности, и с давних пор учёные, философы пытались систематизировать и описать разновидности литературных произведений, подобно тому как учёные-биологи классифицируют виды живых существ, а астрономы — разные виды небесных тел.

Начинать наблюдение гораздо проще с частных и конкретных явлений, серьёзные обобщения требуют большей работы ума. Например, люди с давних пор отличают собаку от кошки, а тигра от верблюда. Это легко, потому что кошек и собак мы видим каждый день. Не так уж трудно заметить общие черты всех собак, отличающие их от всех кошек. Но вот найти у кошек и собак, тигров и верблюдов, китов и мышей общее свойство и отнести всех этих и ещё очень многих разных животных к одному классу млекопитающих — это уже дело очень трудное.

Точно так же люди издавна отличали сказку от былины, анекдот от легенды, но немало времени прошло, прежде чем возникло представление об эпосе — таком роде произведений, который объединяет все названные выше фольклорные жанры и ещё литературные: рассказ, повесть, роман, эпопею и др.

Разделение литературных произведений на три основных рода стало результатом очень глубокого и масштабного ос-

мысления общечеловеческого поэтического опыта. Та система, которая сейчас используется в литературоведческой науке, оформилась лишь к XIX веку, хотя первые попытки определить свойства основных литературных родов были предприняты ещё в Античности. Например, древнегреческий философ Аристотель (IV в. до н.э.) в трактате «Поэтика» подробно описал разные виды драматических произведений, их происхождение и воздействие на зрителя. А легендарный Гомер, хоть и не оставил теоретических трактатов, зато создал эталоны эпоса: поэмы «Илиада» и «Одиссея».

Итак, современное литературоведение делит всё художественно-поэтическое творчество людей на три основных рода: **эпос, лирику и драму**. В основе этого деления не внешние, формальные признаки (например, размер произведений или форма речи: стихотворная или прозаическая), а внутренняя глубинная особенность: **особый для каждого из этих родов способ восприятия и изображения окружающей действительности в художественном слове**.

Попробуем разобраться, что же составляет сущность такого литературного рода, как лирика, и что отличает его от эпических произведений. А помогут нам в этом простодушные и любознательные герои Марка Твена.

* * *

<...> На стенах у них висели картины — больше всего Вашингтоны, да Лафайеты, да всякие битвы, да шотландская королева Мария Стюарт, а одна картина называлась «Подписание Декларации». Были ещё такие картинки, которые у них назывались «пастель»; это одна из дочерей сама нарисовала, когда ей было пятнадцать лет; теперь она уже умерла. Таких картинок я ещё нигде не видел — уж очень они были чёрные. На одной была нарисована женщина в узком чёрном платье, туго подпоясанная под мышками, с рукавами вроде капустных кочнов и в большой чёрной шляпе вроде совка с чёрной вуалью, а из-под платья

видны были тоненькие белые ножки в чёрных, узеньких, как до-
лото, туфельках, с чёрными тесёмками крест-накрест. Она сто-
яла под плакучей ивой, задумчиво опираясь правым локтем на
могильный памятник, а в левой руке держала белый платок и су-
мочку, и под картинкой было написано: «Ах, неужели я больше
тебя не увижу?!» На другой — молодая девушка с волосами, за-
чёсанными на макушку, и с гребнем в причёске, большим, как
спинка стула, плакала в платок, держа на ладони мёртвую птич-
ку лапками вверх, а под картинкой было написано: «Ах, я ни-
когда больше не услышу твоего весёлого щебетанья!» <...>
Картинки были хорошие, но мне они как-то не очень нравились,
потому что если, бывало, взгрустнётся немножко, то от них де-
лалось ещё хуже. Все очень жалели, что эта девочка умерла,
потому что у неё была начата ещё не одна такая картинка, и уже
по готовым картинкам всякому было видно, как много потеряли
её родные. А по-моему, с её характером ей, наверное, куда ве-
селей на кладбище.

<...> Когда эта девочка была ещё жива, она завела себе аль-
бом и наклеивала туда из «Пресвитерианской газеты» объявле-
ния о похоронах, заметки о несчастных случаях и долготерпе-
ливых страдальцах и сама сочиняла про них стихи. Стихи были
очень хорошие. Вот что она написала про одного мальчика по
имени Стивен Даулинг Ботс, который упал в колодец и утонул.

ОДА НА КОНЧИНУ СТИВЕНА ДАУЛИНГА БОТСА

Хворал ли юный Стивен,
И умер ли он от хвори?
И рыдали ль друзья и родные,
Не помня себя от горя?
Ах, Стивена Даулинга Ботса
Конец ожидал иной!
Хоть плач родных раздаётся —
Не хворь тому виной.
Не свинкой его раздуло,

И сыпью не корь покрыла —
Нет, вовсе не корь и не свинка
Несчастливого Ботса сгубила.
Неразделённой любовью
Не был бедняжка сражён;
Объевшись сырой морковью,
От колик не умер он.
К судьбе несчастного Ботса
Склоните печальный слух.

Свалившись на дно колодца,
Взлетел к небесам его дух.
Достали его, откачали,

Но уже поздно было:
Туда, где нет печали,
Душа его воспарила.

Если Эмелина Грэнджерфорд умела писать такие стихи, когда ей не было ещё четырнадцати лет, то что бы могло из неё получиться со временем! Бак говорил, что сочинять стихи для неё было плёвое дело. Она даже ни на минуту не задумывалась. Бывало, придумает одну строчку, а если не может подобрать к ней рифму, то зачеркнёт, напишет новую строчку и жарит дальше. Она особенно не разбиралась и с удовольствием писала стихи о чём угодно, лишь бы это было что-нибудь грустное. Стоило кому-нибудь умереть, будь это мужчина, женщина или ребёнок, покойник ещё и остыть не успеет, а она уж тут как тут со своими стихами. ...Бедняжка, сколько раз я заходил к ней в комнату! И когда её картинки расстраивали мне нервы и я начинал на неё сердиться, то доставал её старенький альбом и читал.

...Когда бедная Эмелина была жива, она сочиняла стихи всем покойникам, и казалось несправедливым, что никто не напишет стихов для неё теперь, когда она умерла: я попробовал сочинить хоть один стишок, только у меня ничего не вышло.

В этом отрывке мы встречаемся с образцами двух литературных родов. Во-первых, эпического: весь фрагмент — это эпизод романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». А во-вторых, здесь есть лирическое стихотворение покойной Эмелины Грэнджерфорд.

В эпосе главное — повествование, **объективное** изображение окружающей действительности рассказчиком. Объективное — не значит бесстрастное, равнодушное, объективное — значит полное, всестороннее.

Здесь мы видим, как Гек рассказывает о своём знакомстве с семейством Грэнджерфордов. Конечно, Гек упоминает о своих чувствах, отношении к тому, что он увидел. Мы,

например, понимаем, что он проникся сочувствием к талантливой девочке, так рано ушедшей из жизни. Но вы, наверное, заметили, что свои чувства Гек не изливает непосредственно, а рассказывает о них как бы со стороны, так же как он описывает картинки Эммелины. Его чувства, так же как образ Эммелины, становятся частью повествования. Мы видим их глазами Гека-рассказчика, но он не заслоняет от нас то, о чём говорит: у нас складывается впечатление, будто мы сами и очень ясно увидели и комнату девочки, и её печальные рисунки, и отношение к памяти Эммелины её родных (при этом мы можем и не согласиться с суждениями и оценками Гека). А это значит, что Гекльберри — хороший рассказчик, а Марк Твен — замечательный эпический писатель (повествователь).

А вот из Эммелины Грэнджерфорд едва ли получилась бы хорошая рассказчица, зато почти наверняка из неё со временем вышла бы настоящая лирическая поэтесса. И не только потому, что она легко умела подбирать рифмующиеся слова (с этим, как вы помните, и Незнайка легко справился — стоило потренироваться). Главное тут в другом.

Недаром Гек, рассматривая рисунки Эммелины и перечитывая её альбом, делает вывод, что «с её характером ей, наверное, куда веселей на кладбище». В самом деле, вокруг в мире так много разного происходит: родные юной поэтессы враждуют со своими соседями, американские штаты получают политическую независимость, наконец, солнце светит и дождь идёт... Но Эммелина как будто смотрит на весь мир через особые, чёрные очки, она отбирает в многообразном и многозвучном мире только то, что соответствует однообразному настрою её души, и рисунки её и стихи — только об этом. Почему Эммелина чувствует именно так? Отчего её привлекает в реальном мире только мрачное, горестное, безысходное? Трудно объяснить. Может быть, таившаяся в ней болезнь сделала

её такой. Но она жадно накапливает и лелеет в себе именно такие впечатления: «Она особенно не разбиралась и с удовольствием писала стихи о чём угодно, лишь бы это было что-нибудь грустное». И вот её картинки и стихи становятся не столько отражением реального мира, сколько образом её собственной души. **Субъективность** — то есть индивидуальный, особый образ мира, созданного художником, — это главное свойство лирики.

Посмотрите, как рассказывает Эммелина о гибели Стивена Даулинга Ботса. Совсем не так, как Гек рассказал нам о ней! Не так уж много она поведала об этом мальчике (а ведь они, должно быть, были знакомы, может быть, играли вместе или ходили на занятия в воскресной школе), зато с каким упоением перечислила она все напасти, от которых мог скончаться бедняга Стивен! Как она сама упивается печалью и скорбью по поводу его внезапной кончины! Конечно, из этих стихов о Стивене мы мало что узнаем, зато сама Эммелина перед нами как на ладони!

Мы уже встречались с образцом такого субъективного творчества. Помните поэтессу Самоцветик из книжки Н. Носова? Мы увидели, что, о чём бы она ни бралась писать: о комаре, мушке или муравьишке, — она пишет на самом деле о том, какая она сама хорошая и работающая. Раскрыть свой внутренний мир, передать другим свои чувства — главная задача лирического поэта. Образы внешнего мира, правдивые или придуманные, служат ему подсобным материалом, поводом для выражения наполняющих его душу переживаний.

Конечно, и Самоцветик, и Эммелина Грэнджерфорд — образы карикатурные¹. Субъективность их поэзии специально подчёркнута и преувеличена Николаем Носовым и Марком Твенем. Настоящий, не карикатурный лириче-

¹ *Карикату́ра* — изображение кого-либо или чего-либо в комически искажённом, преувеличенном виде.

ский поэт способен видеть и чувствовать все краски и звуки мира! Недаром издавна душу поэта сравнивали с арфой, подвешенной к ветвям дерева: малейшее дуновение ветерка — и струны арфы начинают мелодично звенеть, а буря заставляет их выть и грохотать в ответ. Пушкин изобразил поэта эхом, откликающимся на всякий звук. Поэтому мир каждого настоящего поэта включает в себя множество образов и настроений, множество сюжетов и тем... И всё-таки в отдельный миг творчества, в каждом отдельном своём произведении любой лирик становится слегка похож на карикатурную Эммелину: одно чувство, одно переживание заполняет его целиком и изливается в ярком и мощном словесном всплеске.

Поэтому лирические произведения, как правило, невелики по объёму: им свойственны целостность переживания, эмоциональное единство (хотя оттенки чувств переливаются и сменяют друг друга иногда в каждой строке). Поэтому же лирика чаще воплощается в стихотворной форме, в которой есть дополнительные средства эмоционального воздействия: ритм и рифма.

Лирика — литературный род, предполагающий прежде всего изображение внутреннего мира автора (лирического героя). «Внешний» сюжет, то есть описание действий и событий, обычно отсутствует в лирике. Основной из современных лирических жанров — стихотворение.

Лирическое переживание поэта должно захватить нас, вызвать поток эмоций, как бы заразить теми чувствами, которые испытывает поэт. И чем лучше ему это удаётся, тем выше мы оцениваем его творчество. В лирическом тексте нет «второстепенного»: каждый образ, каждое слово, даже его звучание

воздействуют на читателя или слушателя. Не подходящее по окраске выражение или неблагозвучное сочетание слов может разрушить эмоциональное впечатление. Вот почему над маленьким стихотворением поэт может трудиться дольше, чем писатель над большим рассказом. И вот почему так трудно, почти невозможно передать другими, «своими», словами смысл лирического произведения.

И всё же прочитайте данные ниже примеры и попробуйте описать то чувство, которое выразил и вызвал у вас каждый поэт. Попробуйте охарактеризовать своеобразие лирического переживания в тех произведениях, которые схожи по теме. Первое из них относится к особому жанру — «стихотворение в прозе».

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ (1818—1883)

ЗАВТРА! ЗАВТРА!

Как пуст, и вял, и ничтожен почти всякий прожитой день! Как мало следов оставляет он за собою! Как бессмысленно глупо пробежали эти часы за часами!

И между тем человеку хочется существовать; он дорожит жизнью, он надеется на неё, на себя, на будущее... О, каких благ он ждёт от будущего!

Но почему же он воображает, что другие, грядущие, дни не будут похожи на этот только что прожитой день?

Да он этого и не воображает. Он вообще не любит размышлять — и хорошо делает.

«Вот завтра, завтра!» — утешает он себя, пока это «завтра» не свалит его в могилу.

Ну, а раз в могиле — поневоле размышлять перестанешь.

1879

ИСИКАВА ТАКУБОКУ (1886—1912)

* * *

О да, я верю,
Что новое завтра придёт!
Нет в этих моих словах
Ни капли неправды,
И всё же...

Засыпая,
Я сердце своё бранил.
Всё оно ждет:
«Что-то хорошее завтра случится.
Завтра случится...»

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ (1936—1971)

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

< 1965 >¹

Вопросы и задания

1. Как вы поняли, в чём главное отличие эпоса от лирики? Что такое объективность и субъективность по отношению к литературному произведению?

2*. Вспомните, какие жанры лирики в фольклоре и литературе нам уже встречались. Дайте их определения. Приведите примеры лирических произведений разных жанров.

¹ Таким образом (угловыми скобками) принято обозначать предположительные даты создания произведений.

Творческие задания

1. Подберите пример лирического и эпического произведения на одну и ту же тему. Постарайтесь показать, как по-разному в каждом из них изображается действительность.

2. Мы немного в этот раз говорили об эпосе. Этот род литературы знаком вам лучше всего. Попробуйте подготовить полное сообщение о нём самостоятельно. Для этого:

1) обратитесь к словарю учебника и к другим литературоведческим словарям и энциклопедиям;

2) определите, какие изученные вами в 5 и 6 классах произведения относятся к эпическому роду;

3) напишите статью «Эпос» для школьного литературоведческого словаря, обсудите её в классе, внесите уточнения и оформите итоговый текст в виде памятки-вкладыша в учебник.

Беседа 2

ДРАМА

<...> После завтрака король достал старую замызганную колоду карт, и они с герцогом уселись играть в покер по пяти центов за партию. А когда им надоело играть, они принялись «составлять план кампании», как это у них называлось. Герцог порылся в своём саквояже, вытащил целую кипу маленьких печатных афиш и стал читать нам вслух. В одной афише говорилось, что «знаменитый доктор Арман де Монтальбан из Парижа прочтёт лекцию «О науке френологии» — там-то и там-то, такого числа, такого-то месяца, вход десять центов — и будет «составлять определения характера за двадцать пять центов с человека». Герцог сказал, что он и есть этот самый доктор. В другой афише он именовался «всемирно известным траги-

ком, исполнителем шекспировских пьес, Гарриком Младшим из лондонского театра «Друри-Лейн». В овальных афишах он под другими фамилиями тоже проделывал разные удивительные вещи: например, отыскивал воду и золото с помощью орехового прута, снимал заклятия и так далее. В конце концов он сказал:

— А всё-таки трагическая муза мне всего милей. Вам не приходилось выступать на сцене, ваше величество?

— Нет, — говорит король.

— Ну, так придётся, ваше бывшее величество, и не дальше чем через три дня, — говорит герцог. — В первом же подходящем городе мы снимем зал и представим поединок из «Ричарда III» и сцену на балконе из «Ромео и Джульетты». Как вам это нравится?

— Я, конечно, стою за всякое прибыльное дело, но только, знаете ли, я ведь ничего не смыслю в актёрской игре, да и видеть актёров мне почти не приходилось. Когда мой папа приглашал их во дворец, я был ещё совсем мальчишкой. А вы думаете, вам удастся меня научить?

— Ещё бы! Это легче лёгкого.

— Ну, тогда ладно. У меня давно уже руки чешутся — хочется попробовать что-нибудь новенькое. Давайте сейчас же и начнём.

Тут герцог рассказал ему всё, что полагается: кто такой был Ромео и кто такая Джульетта, — и прибавил, что сам он привык играть Ромео, так что королю придётся быть Джульеттой.

— Так ведь если Джульетта совсем молоденькая, не покажется ли всё-таки странно, что у неё такая лысина и седые баки?

— Ну что вы! Не беспокойтесь — этим деревенским олухам и в голову не придёт усомниться. А потом, вы же будете в костюме, это совсем другое дело: Джульетта на балконе, вышла перед сном полюбоваться на луну, она в ночной рубашке и чепчике с оборками. А вот костюмы для этих ролей.

Он вытащил два-три костюма из занавесочного ситца и сказал, что это средневековые доспехи для Ричарда III и его противника, и ещё длинную ночную рубашку из белого коленкора и чепец с оборками. Король успокоился. Тогда герцог достал свою книжку и начал читать роли самым внушительным и торжественным голосом; расхаживая по плоту, он показывал, как это надо играть; потом отдал королю книжку и велел ему выучить роль наизусть.

...Герцог учил короля и заставлял его повторять каждую реплику, вздыхать, прикладывая руку к сердцу и в конце концов сказал, что получается недурно. «Только, — говорит, — напрасно вы ревёте, как бык: “Ромео!” — вот так; вы должны говорить нежно и томно: вот так: “Ро-омео!” Ведь Джульетта кроткая, милая девушка, совсем ещё ребёнок, она не может реветь, как осёл».

А потом они вытащили два длинных меча, которые герцог выстрогал из дубовых досок, и начали репетировать поединок; герцог сказал, что он будет Ричард III. И, право, стоило посмотреть, как они топали по плоту ногами и насккивали друг на друга...

Вот при каких обстоятельствах наш старый знакомый Гекльберри Финн впервые столкнулся с театральным искусством и драматической поэзией. Ну что ж! Хотя перед нами не профессиональные артисты, а всего лишь двое бродяг, называющих себя королем и герцогом, самое существенное о драматическом искусстве можно узнать и от них. Главное — быть внимательными.

Итак, король и герцог собираются дать представление в местном городке, то есть намерены выступить на сцене. Действительно, **драма как род литературы** отличается от других литературных родов в первую очередь тем, что окончательное воплощение она получает только в сценическом исполнении: когда текст пьесы звучит из уст актёров, когда декорации и костюмы помогают зрителю погрузиться в ат-

мосферу спектакля и увидеть всё действие так, будто оно происходит сейчас, на их глазах.

Герцог, хоть и мелкий мошенник, но выбрал для исполнения действительно очень удачные произведения. Ведь история Ромео и Джульетты — одна из самых знаменитых трагедий в мире¹. А почему? Не только потому, что написал её величайший драматург Уильям Шекспир, но и потому, что в ней идёт вековая борьба между любовью и злобой. Юное чувство влюблённых сталкивается с застарелой враждой их семей — с кровавой распрей Капулетти и Монтекки, ненавидящих друг друга, и этот конфликт никого не оставляет равнодушным.

В драме (само слово переводится с греческого как «действие») художник обычно показывает события в тот момент, когда они достигают особой напряжённости, поэтому она часто наполнена острыми моментами: объяснение в любви и поединок на мечах или шпагах — без этих кульминационных сцен редко обходится традиционная драма. Убийство, разоблачение, узнавание, исчезновение и внезапное появление — также её вечные спутники.

Драма — удивительное искусство. Она делает зрителя непосредственным свидетелем, соучастником событий. В древние времена в средневековом площадном театре (действие проходило на площади) даже принято было, чтобы актёр со сцены разговаривал с толпой, а в некоторых представлениях зрители сами становились действующими лицами. В таких спектаклях — мистериях, мираклях разыгрывались сцены из Библии, а горожане при этом не только смотрели представление, но и исполняли роль толпы, глазющей на казнь святого, или роль язычников, собравшихся послушать проповедь апостола.

Сейчас театральное действие обычно проходит в специальном помещении, а зритель смотрит на освещённую сце-

¹ Вам предстоит изучить её на уроках литературы в 8 классе.

ну из тёмного зала, удобно устроившись в кресле. Но и в современном театре нередко актёр обращается со сцены прямо в зал, словно ждёт ответа, и, говорят, бывают случаи, когда зритель, поверивший в реальность театрального действия, забывшись, громко отвечает ему...

Захватить, вовлечь зрителя очень важно для драматического искусства. Поэтому обычно режиссёр — тот, кто превращает литературное произведение, *пьесу*, в сценическое действие, *спектакль*, — заботится о подборе актёров: они должны быть внешне похожи на своих персонажей, а главное, должны вжиться в их образы, суметь передать их чувства в монологах и диалогах. Ведь из реплик — **монологов** и **диалогов** состоит основной текст драматического произведения. А сопровождающие **ремарки** (авторские замечания) поясняют, как именно должен выглядеть герой в это время или какие он испытывает чувства и т.д. Вот и герцог убеждает короля в роли Джульетты «не реветь, как бык», а говорить нежно и томно: «Ро-омео! Здесь Ромео!» — это реплика Джульетты, а «нежно и томно» — режиссёрская ремарка. (У самого Шекспира в этом фрагменте ремарок нет — как видно, он рассчитывал на сообразительность исполнителей.)

«Ничего себе, подбор актёров! — скажете вы. — Старый, лысый и толстый мужчина (король) в роли хрупкой юной девушки (Джульетты)!» В самом деле, выбор мог бы быть и получше... Но герцог по-своему прав. Театральное искусство всегда условно. Актёр, как бы глубоко он ни вживался в свою роль, не становится тем человеком, которого он изображает. История, хоть и разворачивается на наших глазах, всё-таки остаётся вымышленной, сочинённой. События, которые в спектакле пролетают перед нами за пару часов, в реальной жизни заняли бы дни, месяцы. А то и годы. Далеко не всегда театр стремится к полному правдоподобию. «Оно-то именно и исключается самой сущностью драмы, — считал А.С. Пушкин, — ...какое правдоподобие может быть

в зале, разделённой на две части, из которых одна занята двумя тысячами человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках».

Между прочим, роль Джульетты, как и все женские роли, в эпоху Шекспира играли юноши, но это не мешало зрителям замирать от страха или плакать от жалости, наблюдая за трагической судьбой влюблённых. Так или иначе, драма требует от зрителя умения принять заданную условность, включиться в игру, дополнить недостающие детали с помощью воображения. А иначе даже в лучшем театре зритель увидит лишь то, как среди раскрашенных кусков картона ходят какие-то люди, говорят стихами и делают вид, что пронзают друг друга деревянными шпагами и падают на пол, истекая клюквенным соком. А потом бодро вскакивают и выбегают на авансцену кланяться.

Не меньше творческих усилий требуется от того, кто знакомится с драматическим произведением на страницах книги. Ему самому приходится быть режиссёром и в своём воображении разыгрывать целый спектакль. Каждый из вас, наверное, уже встречался с драматическим искусством в театре, но некоторые пьесы мы будем изучать именно по книгам.

Драма — литературный род, в котором действительность изображается в виде сценического действия, состоящего из монологов и диалогов персонажей. Драма предназначена для театральной постановки.

Особенностью драмы является «сгущённость событий», сконцентрированных вокруг какого-либо **конфликта** — то есть острого противостояния героев, разрешающегося в рамках произведения благополучно или трагически.

Драма — один из трёх литературных родов. К ней относятся произведения, написанные в разных жанрах, например комедии, трагедии, пьесы-сказки и др.

Задания

1. Выучите определения понятий: *драма, пьеса, реплика, ремарка, монолог, диалог*, используя материал статьи учебника и Словарь литературных терминов. Подберите 1—2 примера к каждому понятию.
2. Прочитайте самостоятельно ещё один фрагмент из книги «Приключения Гекльберри Финна» в электронных материалах. Какие ещё сведения о театре и драматическом искусстве мог почерпнуть Гек из этой сцены?

Творческие задания

1. Сравните «Монолог Гамлета», исполняемый королём, с текстом настоящего монолога «Быть или не быть...» из 3 акта трагедии У. Шекспира «Гамлет». (Вы можете обратиться к переводам Анны Радловой, К.Р. (великого князя Константина Романова), Бориса Пастернака, Татьяны Щепкиной-Куперник, Михаила Лозинского.)
2. Сопоставьте ваши представления о театре и драматическом искусстве с тем, что узнал Гек Финн от короля и герцога. Что вам хотелось бы разъяснить, дополнить или исправить? Напишите письмо о театре, адресованное Гекльберри.

Конечно, мы ещё не раз вернёмся к разговору об эпосе, лирике и драме. Например, мы заметим, что эти три рода литературы не отделены друг от друга: в практике словесного творчества эпические, драматические и лирические свойства литературных произведений иногда смешиваются. Так, если повествование в рассказе или романе становится особенно взволнованным, поэтически приподнятым и мы с особенной силой чувствуем вдруг эмоциональное отношение автора к тому, о чём он рассказывает, — можно сказать о **лиризме** этого произведения или фрагмента (то есть о качествах, изначально свойственных лирике). Например, ли-

ризмом проникнуты многие страницы прозы Н.В. Гоголя: описание Днепра в повести «Страшная месть», летней ночи в повести «Майская ночь, или Утопленница», рассказ о гибели казаков в повести «Тарас Бульба». А если лирик обращается к масштабному, широкому изображению действительности, то можно сказать, что его произведению присуща **эпичность** (то есть свойства, обязательные для эпоса).

Есть жанры, стоящие на грани двух литературных родов и впитавшие свойства обоих, например баллада. Вспомните «Бородино» М.Ю. Лермонтова и «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. В этих произведениях повествовательное (эпическое) начало неразрывно связано с лиризмом (авторским субъективным взглядом на мир), поэтому балладу и поэму называют **лиро-эпическими** жанрами.

Драматизм тоже нередко встречается нам за пределами драмы. Так называют особенную напряжённость событий и отношений, конфликтное состояние мира, изображённое художником. Например, сцена поединка Аякса и Гектора, безусловно, полна драматизма, хоть и не является частью пьесы. Драматизм в стихотворении А.В. Кольцова «Разлука» связан с конфликтом любовного чувства и обстоятельств, препятствующих счастью лирического героя.

И все-таки эпос, даже глубоко лиричный, не становится лирикой. Так кит, предки которого миллиарды лет назад жили на суше, хоть и стал похож на рыбу формой тела и образом жизни, не становится рыбой, а остаётся млекопитающим. Так литературная басня, несмотря на внешнее сходство с лирическим стихотворением (маленький размер, стихотворная форма), остаётся эпическим жанром, как её далёкий «предок» — народная прозаическая басня-притча.

Нам предстоит ещё немало наблюдений над свойствами и особенностями конкретных литературных произведений — и понимание того, к какому роду они относятся, поможет нам лучше их осмыслить и точнее оценить.

Прогулки без присмотра

Путешествие во времени

Дорогие друзья!

Мы вновь приглашаем вас отправиться в путешествие по книжным страницам. На этот раз нас поведёт по извилистым тропам сама История.

Мы перенесёмся в средневековую Англию с её доблестными рыцарями и непревзойдёнными лучниками. Мы соприкоснёмся с эпохой Ивана Грозного и шагнём на два века вперёд — в дни Петра, не менее суровые и ещё более поразительные.

Эту прогулку не назовёшь «увеселительной» — историческая память хранит немало тёмных, трагических событий. Страницы этой книги нередко бывают залиты кровью, слезами и потом. Перелистывая их, мы то и дело слышим лязг оружия, стоны раненых воинов, плач обездоленных нищих. Но такое путешествие даёт возможность нам, современным людям, ощутить себя хранителями памяти далёких поколений, помогает посмотреть на мир их глазами, задуматься о том, ради чего они жили, страдали, шли на смертный бой или на казнь. Что осталось нам в наследство от благородного Айвенго, неунывающего Робин Гуда, прямодушного князя Серебряного, от безымянных защитников Рязани и безропотных строителей Петербурга? Чем мы сейчас продолжаем их труды и подвиги?

Вальтер СКОТТ

АЙВЕНГО

(Фрагмент)

Вооружённые одинаковыми дубинками, бойцы выступили на освещённую середину лужайки, а разбойники расположились вокруг.

Мельник, ухватив дубину по самой серёдке и быстро вертя ею над головой, тем способом, который французы называют *faire le moulinet*¹, хвастливо вызывал Гурта на поединок:

— Ну-ка, деревенщина, выходи! Только сунься, я тебе покажу, каково попадаться мне под руку!

— Коли ты и вправду мельник, — отвечал Гурт, с таким же проворством вертя своей дубинкой, — значит, ты вдвойне грабитель. А я честный человек и вызываю тебя на бой!

Обменявшись такими любезностями, противники сошлись и в течение нескольких минут с одинаковой силой и храбростью наносили друг другу удары и отражали их. Это делалось с такой ловкостью и быстротой, что по поляне шёл непрерывный стук и треск их дубинок и издали могло показаться, что здесь дерутся по крайней мере по шесть человек с каждой стороны. Менее упорные и менее опасные побоища не раз бывали описаны в звучных героических балладах. Но бой Мельника с Гуртом так и останется невоспетым за неимением поэта, который воздал бы им должное.

1819

Перевод Е.Г. Бекетовой

¹ *Faire le moulinet* (франц.) — делать «мельницу», т. е. размахивать руками наподобие крыльев мельницы.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

(Фрагмент)

Вдруг между нищими сделалось волнение. Густая толпа отхлынула прямо на князя и чуть не сбила его с ног. Нищие с криком бежали от дворца; ужас изображался на их лицах. Князь удивился, но вскоре понял причину общего испуга. Огромный медведь скоком преследовал нищих. В одно мгновение двор опустел, и князь остался один, глаз на глаз с медведем. Мысль о бегстве не пришла ему в голову. Серебряный не раз ходил на медведя один на один. Эта охота была его забавой. Он остановился, и в то мгновение, как медведь, прижав уши к затылку, подвалился к нему, загребая его лапами, князь сделал движение, чтобы выхватить саблю. Но сабли не было! Он забыл, что отдал её опричникам перед въездом в неволю. Молодой человек, глядевший с крыльца, захохотал.

— Так, так, — сказал он, — ищи своей сабли!

Один удар медвежьей лапы свалил князя на землю, другой своротил бы ему череп, но, к удивлению своему, князь не принял второго удара и почувствовал, что его обдала струя тёплой крови.

— Вставай, боярин! — сказал кто-то, подавая ему руку.

Князь встал и увидел не замеченного им прежде опричника, лет семнадцати, с окровавленную саблей в руке. Медведь с разрубленную головой лежал на спине и, махая лапами, издыхал у ног его.

Опричник, казалось, не гордился своею победой. Кроткое лицо его являло отпечаток глубокой грусти. Уверившись, что медведь не сломал князя, и не дожидаясь спасибо, он хотел отойти.

— Добрый молодец! — сказал ему Серебряный, — назовись по имени-прозвищу, чтобы знал я, за кого Богу помолиться!

— Что тебе до моего прозвища, боярин! — отвечал опричник. — Не люблю я его, Бог с ним!

Такой странный ответ удивил Серебряного, но избавитель его уже удалился.

1860

Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ

ДЕНЬ ПЕТРА

(Фрагмент)

Пётр повернулся и зашагал косолапой, но стремительной поступью вдоль набережной к работам. Ивашин рысью, придерживая треугольную шляпу и шпагу, поспевал за ним.

Вдоль топкого берега, куда били, расползаясь, чёрно-ледяные волны, копошилось до трёхсот человеческих фигур: орловцы и туляки в войлочных гречушниках¹, киргизы в остроконечных, как кибитки, шапках, с меховыми ушами, одетые в оленье кофты поморы, сибиряки в собачьих шубах и иной бродячий люд, кто обмотанный тряпками, кто просто прикрытый рогожей.

— Оглядывайся... Оглядывайся... Оглядывайся... — пошли негромкие голоса по всему берегу. Не жалея ни рук, ни спин, подгоняемые десятскими и ещё более зорким взглядом царя, все эти изнурённые, цинготные², покрытые лишаями и сыпью строители великого города «бодро и весело», как сказано в регламенте работ, били в сваи, рысью тащили брёвна, с грохотом сбрасывали их, пилили, накатывали; человек пятьдесят, стоя по пояс в воде, обтёсывали торцы. Едко пахло мокрым деревом, дёгтем и дымом от обжигаемых свай.

¹ Гречушник — здесь: крестьянская шляпа в форме усечённого конуса.

² То есть больные цингой.

Все эти люди были, как духи земли, вызваны из небытия, чтобы, не ропща и не уставая, строить стены¹, укрепления, дворцы, овладевать разливом рек, ловить ветер в паруса, бороться с огнём.

Одного слова, движения бровей было достаточно, чтобы поднять на сажень берег Невы, оковать его гранитом, ввинтить бронзовые кольца, воздвигнуть вон там, поправее трёх оципанных елей, огромное здание с каналами, арками, пушками у ворот и высоким шпилем, на золоте которого загорится северное солнце.

Грызя ноготь, Пётр исподлобья посматривал на то место, где назначалось быть Адмиралтейству. Там, на низком берегу, стояли длинные барки с дёгтем, пенькой, чугунными отливками; кругом строились леса, тянулись тележки по гребням выкидываемой из каналов зеленоватой земли, и сколько ещё нужно было гнева и нетерпения, чтобы поднялся из болот и тумана дивный город!

А тут ещё пирожки какие-то мешают.

1917

Творческое задание

Если вас увлекла тема отражения исторических событий в литературе, подготовьте всем классом или творческой группой необычный урок. Для этого предлагаем:

- 1) сделать короткие сообщения о прочитанных самостоятельно рассказах, повестях, романах, поэмах на тему истории России или других стран;
- 2) представить инсценированные фрагменты этих произведений;
- 3) подготовить слайд-шоу или слайдовую презентацию «Портрет эпохи» по прочитанному произведению, отразив в нём ландшафт и архитектуру, костюмы и интерье-

¹ Стёньга — часть корабельной мачты.

ры, обычаи, этикет и кухню того времени и той страны, куда переносит нас автор;

4) устроить просмотр фильмов (или их фрагментов), посвящённых тому времени;

5) написать сочинение на тему «Почему мне интересно читать о далёком прошлом» по одной из прочитанных вами книг; поразмышлять о том, почему автор обращается к этой эпохе, имеет ли его произведение отношение к современности писателя и к нашим дням;

6) составить для школьной библиотеки список самых интересных, с вашей точки зрения, книг на историческую тему.

Другие творческие задания для себя и своих товарищей вы можете придумать сами.

Словарь литературных терминов¹

А́втор (от *греч.* — виновник) — создатель оригинального (незаимствованного) произведения, в частности литературного. Даже когда повествование ведётся от третьего лица, автор присутствует в произведении — ведь это его взгляд на мир и людей отражён в тексте. Такое отношение к описываемому (выраженное открыто или опосредованно) принято называть *авторской позицией*. Иногда автор в произведении предстаёт как самостоятельный образ (*образ автора*), наравне с другими действующими лицами, н а п р и м е р в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Условий света свергнув бремя, / Как он, отстав от суеты, / С ним подружился я в то время».

Амфибра́хий (от *греч.* — короткий с обоих концов) — трёхсложный силлабо-тонический стихотворный размер (метр) с ударением на втором слоге стопы (схема $\cup\text{—}\cup$), н а п р и м е р: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? / Ездок запоздалый, с ним сын молодой...» (И.В. Гёте).

Ана́пест (от *греч.* — отражённый назад) — трёхсложный силлабо-тонический стихотворный размер (метр) с ударением на третьем слоге стопы (схема $\cup\cup\text{—}$), н а п р и м е р: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая: / Стали тихими наши дворы...» (Б.Ш. Окуджава).

Ана́фора (от *греч.* — возвращение, единоначатие) — повторение слова или звуков в начале нескольких стихотворных строк, н а п р и м е р: «Не слышал ли посвиста соловья, / Не слышал ли покрика звериного, / Не видал ли ты ударов богатырских?» (былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»).

Анекдóт (от *греч.* — неизданный) — короткий устный рассказ о необычном, примечательном, часто забавном событии с остроумной концовкой. Может иметь сатирическую или шутливую окраску. Раньше предполагал реальную историческую основу; н а п р и м е р, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского. В современном значении — один из распространённых жанров городского фольклора, часто с политическим содержанием.

Ано́нимный (от *греч.* — безымянный) — произведение, автор которого неизвестен (или потому что его имя утрачено, или потому что он сознательно не подписал своё произведение).

Анти́теза (от *греч.* — противоположение) — резко выраженное противопоставление понятий, тем, явлений, героев. Н а п р и м е р, в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова очевидна антитеза: опричник Кирибеевич, для которого личная страсть важнее закона, и купец Калашников, выразитель общенациональных представлений о чести и долге.

¹ В словаре учебника для 6 класса даны только те понятия, которых не было в словаре учебника для 5 класса, или те, которые получили новое истолкование. Полный текст словаря содержится в электронных материалах.

Арха́изм (от *греч.* — древний) — устаревшее название предмета или явления, существующего в современности (напри́мер, очи, ланиты, супостат). Часто используется писателями как художественное средство — для воссоздания колорита эпохи, характеристики героя или придания особенной торжественности речи.

Балла́да (от *итал.* — плясать) — жанр фольклора и литературы; стихотворение, в котором рассказано о каком-либо историческом или сказочном событии. Часто в балладе присутствует диалог; напри́мер, разговор отца и сына в балладе И.В. Гёте «Лесной царь»: «Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» — «Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул...» *Историческая баллада* повествует о значительных исторических событиях или о заметном происшествии в жизни исторического деятеля.

Ба́рд (от *црл.* — певец) — певец-лирик кельтских народов, воспевавший подвиги своего короля и его дружины. В современном значении — поэт, исполняющий свои поэтические произведения под музыку, напри́мер: Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Визбор.

Белый стих — стих, в котором отсутствует рифма, напри́мер в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. Термин не применяется для обозначения фольклорного стиха, тоже, как правило, нерифмованного.

Были́на — жанр русского фольклора, эпическая песня героического содержания, предназначенная для напевного исполнения и написанная, как правило, тоническим нерифмованным стихом. Напри́мер, «Вольга и Микула Селянинович».

Были́нный стих — особый стихотворный размер, характерный для русского героического эпоса, разновидность тонического безрифменного стиха с одинаковым количеством ударных и произвольным количеством безударных слогов в каждой строке.

Были́чка — жанр русского фольклора, прозаическое повествование о чудесных событиях и происшествиях, случившихся недавно с самим рассказчиком или с известными ему людьми; в отличие от сказки предполагает установку на достоверность.

Водеви́ль — драматический жанр (разновидность комедии); небольшое по объёму произведение комического характера, часто с музыкальным сопровождением.

Гекза́метр (от *греч.* — шестимерник) — античный стихотворный размер. Первоначально употреблялся в религиозных гимнах, а затем уже был применён как высокая форма стиха в поэтических произведениях героической тематики (поэмы Гомера). В русском стихосложении гекзаметр обычно передают шестистопным дактилем с неполной шестой стопой, напри́мер:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» (Гомер «Илиада». Перевод Н.И. Гнедича).

Героический эпос — общее наименование народных сказаний и поэм о героическом национальном прошлом, о богатырях — заступниках за родную землю, о подвигах и победах над враждебными силами, в облике которых отразились древнейшие мифологические представления народа.

Гипérбола (от *греч.* — преувеличение) — художественный приём, намеренное преувеличение признаков, свойств и качеств какого-либо персонажа фольклорного или литературного произведения. Н а п р и м е р, Микула Селянинович одной рукой достаёт из земли соху, которую не могла поднять вся храбрая дружина князя Вольги (былина «Вольга и Микула Селянинович»). Обратная гипербола — преуменьшение — называется *литотой*.

Гиперболиза́ция — сознательное и систематическое использование гиперболы в художественном произведении при описании событий, предметов и героев.

Града́ция (от *лат.* — ступень, степень) — стилистический приём, постепенное усиление или ослабление каких-либо признаков предмета или действия; обычно выражается однородными членами предложения. Может играть композиционную роль в произведении, н а п р и м е р, в былине «Вольга и Микула Селянинович», для того чтобы достать соху из земли, Вольга посылает сначала пять дружинников, затем десять и наконец всю дружину.

Гротéск (от *итал.* — причудливый) — художественный приём; изображение действительности в искажённом, причудливом, преувеличенном виде, фантастическое соединение высокого и низкого, смешного и страшного, чудесного и обыденного. Чаще всего используется с сатирическими целями, н а п р и м е р в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Да́ктиль (от *греч.* — палец) — трёхсложный силлабо-тонический стихотворный размер (метр) с ударением на первом слоге стопы (схема — $\cup \cup \cup$), н а п р и м е р: «Зеркало в зеркало с трепетным лепетом / Я при свечах навела...» (А.А. Фет).

Действие художественного произведения — поступки героев и события, составляющие сюжет литературного произведения. Действием (актом) называется также часть драматического произведения.

Дета́ль — выразительная подробность в художественном произведении, обладающая особым смыслом и чаще всего характеризующая героя, его внешность, образ жизни, убеждения, внутренние переживания. Н а п р и м е р, при известии о сватовстве князя Верейского: «Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо» (А.С. Пушкин «Дубровский»). Или в рассказе И.А. Бунина описание отца Саши при прощании подчёркивает, что он далёкий и чужой для сына: «...отец, огромный, толстый от медвежьей шубы, надетой поверх полушубка, в чёрных, выше колен, валенках и в большой боярской шапке...» (И.А. Бунин «Подснежник»).

Диалог — поступки героев и события, составляющие сюжет литературного произведения. Действием (актом) называется также часть драматического произведения.

Дра́ма — разговор двух или более героев в литературном произведении (чаще всего в драме).

Ду́ма — жанр украинского фольклора, разновидность исторической песни. В литературе к традициям этого жанра обращался К.Ф. Рылеев, н а п р и м е р: «Смерть Ермака», «Иван Сусанин».

Жанр (от *франц.* — род, вид) — вид произведений с общими признаками и свойствами. К этим признакам относятся и объём произведения, и преобладающая тематика, и наличие сюжета, и роль субъективного (авторского) начала в повествовании, и форма художественной речи — прозаическая или стихотворная и т.д. Н а п р и м е р: легенда, былина (фольклорные жанры); повесть, рассказ, стихотворение (литературные жанры); сказка, песня (могут быть и фольклорными, и литературными).

Зачи́н — традиционное начало повествования в фольклорных жанрах (н а п р и м е р, сказочный зачин — «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...»; былинный зачин — «Как во стольном во граде во Киеве...»).

Звукопись — художественный приём, построенный на стремлении передать эмоциональное состояние или создать образ при помощи звуковой стороны слов (аллитерация, ассонанс, звукоподражание). Н а п р и м е р, В.В. Маяковский так передаёт стук лошадиных копыт по мостовой: «Гриб. Грабь. Гроб. Груб».

Идеализа́ция — принцип изображения в художественном произведении (чаще всего в фольклорном), предполагающий стремление показать не то, что есть, а то, что должно быть, подчёркивание и усиление положительных черт у одних героев и отрицательных — у других.

Инве́рсия (от *лат.* — перестановка) — изменение прямого порядка слов в предложении (подлежащее — сказуемое; определение — определяемое слово и т.д.). Часто становится одним из средств художественной выразительности, н а п р и м е р: «Были ж схватки боевые» (М.Ю. Лермонтов).

Интерпрета́ция (от *лат.* — истолковываю, объясняю) — объяснение произведения, выраженное логически (в критике и литературоведении) или художественно, языком другого искусства (в постановке на сцене, музыкальном исполнении, экранизации и т.п.). Читательская интерпретация — истолкование литературного произведения читателем в соответствии с его личным опытом, характером, мироощущением.

Историзм — одно из важнейших свойств подлинного искусства; отражение в произведении не только внешних признаков изображаемой эпохи (костюмы, речь, интерьер и т.п.), но и верований, нравов, мироощущения людей того времени; н а п р и м е р, образцом историзма является «Песня про царя Ивана

Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. Также историзмом называют устаревшее слово, обозначающее предмет, ушедший в историю (например, архалук, скипетр).

Каламбур — художественный приём, игра слов, основанная на использовании разных значений слова или сходно звучащих слов в одном контексте. Например, в анекдоте о Штирлице обыгрывается многозначность слова «топить»: «Штирлиц топил печку. Через час печка утонула».

Коля́дка — обрядовая фольклорная песня с благими пожеланиями и восхвалениями тех, к кому обращается колядующий. Исполняется во время Святков — в праздничные дни между Рождеством (7 января) и Крещением (19 января).

Коми́ческое (от греч. — смешное, весёлое) — в литературе общее наименование смешного, выполняющего разные функции: веселье (*юмор*), тонкая издёвка (*ирония*), разоблачение пороков (*сатира*), открытое бичевание (*сарказм*).

Компози́ция (от лат. — состав, соединение, связь) — построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь его частей. Например, «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова состоит из трёх частей, в первой из которых речь в основном идёт об опричнике, во второй — о купце, третья же является кульминацией — прямым столкновением опричника с купцом.

Контра́ст — один из художественных приёмов, близкий антитезе; резкая противоположность признаков и качеств предмета, явления или человека. Например, характеры генералов и мужика в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М.Е. Салтыкова-Щедрина даны по принципу контраста.

Кри́тика (от греч. — суждение, искусство разбирать) — составная часть науки о литературе; профессиональное суждение о произведениях искусства (чаще всего современных), их оценка. По мнению А.С. Пушкина, «критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы».

Легенда — фольклорный жанр, повествование о давних событиях чудесного характера, чаще всего связанное с христианской верой. В отличие от сказки предполагает уверенность в реальности описанных событий.

Ли́ро-эпи́ческие жанры — наименование литературных жанров, органически сочетающих в себе признаки лирики (эмоциональное начало, особая роль образа автора) и эпоса (повествовательное начало, наличие сюжета), например баллада, поэма.

Метони́мия (от греч. — переименовывать) — выразительное средство языка, при котором свойства одного предмета переносятся на другой или часть наделяется признаком целого. Например, метонимия содержится в строке из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»: «Как ликовал француз» (имеется в виду вся французская армия).

Недоговорённость (фигура умолчания) — художественный приём в фольклоре и литературе, сознательный пропуск сюжетного элемента для большей психологической выразительности произведения.

Монолог — в литературном произведении речь одного лица, чаще всего развёрнутое высказывание героя, не требующее непосредственного ответа. *Внутренний монолог* — размышления героя, не высказанные им вслух, но показанные автором для того, чтобы открыть читателю внутренний мир персонажа, его переживания, н а п р и м е р мысли Николая Ростова во время ожидания волка из фрагмента об охоте романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

Неологизм (от лат. — новое слово) — новое слово, связанное с появлением нового понятия, предмета (*нанотехнология, клонирование*) или придуманное автором произведения для более точной передачи своей мысли или чувства. Н а п р и м е р: «Штаны, пришедшие Кузнецким клёшить» (В.В. Маяковский).

Новёлла (от итал. — новость) — литературный жанр, близкий рассказу; короткое прозаическое произведение с занимательным сюжетом и, как правило, неожиданной концовкой.

Ода (от греч. — песня) — литературный жанр; поэтическое произведение торжественного характера, прославляющее государственного деятеля или историческое событие.

Оксюморон (от греч. — остроумно-глупое) — художественный приём, неожиданное соединение противоположных, несочетающихся понятий, н а п р и м е р: «сад живописно обезображен» (И.А. Бунин).

Перифраз (перифраза) (от греч. — иносказание) — художественный приём, обозначение лица или предмета иносказательным выражением, замена названия (имени) описательным оборотом. Н а п р и м е р: «Отец-молневержец» — Зевс, «город великий Приама» — Троя, «сын Диомидов» — Аякс, «Пелид, фаланг разрыватель с лвиной душою» — Ахиллес. Перифразы не только позволяют избежать повторения одних и тех же слов, но и служат средством характеристики персонажей, способом выразительного, эмоционального изображения мира.

Пёсня — жанр фольклора и литературы. Стихотворное произведение, сопровождаемое при исполнении мелодией (обычно несложной), н а п р и м е р «Среди долины ровныя...» А.Ф. Мерзлякова. Также общее название ряда фольклорных жанров, исполнявшихся нараспев или под музыку: исторической песни, баллады, лирической песни, частушки, романса.

Предание — фольклорный жанр, сходный с легендой; рассказ о событиях (реальных или возможных), произошедших в далёком прошлом. Предание может объяснять возникновение или наименование географического объекта или рассказывать об исторических личностях, н а п р и м е р Иване Грозном, Степане Разине, Петре Первом и др.

Пролог — часть художественного произведения, описывающая обстановку перед началом действия. Н а п р и м е р, в романе А.С. Пушкина «Дубровский»

прологом можно считать описание образа жизни Кирилы Петровича Троекурова и его взаимоотношений с Дубровским.

Пьеса — произведение, написанное автором и предназначенное для постановки на сцене и соответствующим образом оформленное (синоним «драмы» в широком значении, как рода литературы). Иногда в XIX в. пьесами назывались художественные произведения вообще — всё, что написано.

Размёр (метр) стихотворный — определённая закономерность в чередовании ударных и безударных слогов в силлабо-тонической системе стихосложения. Основные силлабо-тонические размеры — *хорей*, *ямб* (двусложные), *дактиль*, *амфибрахий*, *анapest* (трёхсложные).

Рассказчик — персонаж, от лица которого ведётся повествование в эпическом произведении, чаще всего совпадает с образом автора; иногда носит игровой характер, то есть представляет собой «речевую маску» для писателя. Например, в рассказе «Певцы», входящем в цикл «Записки охотника», И.С. Тургенев предстаёт перед читателем в образе охотника, наблюдающего жизнь крестьян во время своих прогулок-путешествий.

Ремарка — авторское пояснение в пьесе, не предназначенное для произнесения актёрами и указывающее на обстановку действия, интонацию реплик и т.д. Например: «Любовь Гордеевна (сидит несколько времени задумавшись). Дай сюда. (Берёт бумагу и прячет, потом встаёт.) Я тебе сама напишу» (А.Н. Островский «Бедность не порок»).

Реплика — высказывание действующего лица драматического произведения. В отличие от монолога, как правило, обладает краткостью. Например: «Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо» (А.Н. Островский «Бедность не порок»). Из обмена репликами строится *диалог*.

Род литературный — основной способ отражения действительности в литературе: изображение событий внешних по отношению к автору (*эпос*); изображение внутренних переживаний (*лирика*); изображение сценического действия (*драма*). Также принято выделять как самостоятельный *лиро-эпический род* литературы, к которому относят *балладу* и *поэму*.

Романтика — особый вид пафоса, отражение в литературном произведении возвышенного, одухотворённого взгляда на мир и человека, изображение неординарных ситуаций, исключительных героев, чудесных событий. Например, романтикой пронизаны многие произведения А.С. Грина.

Романс — одна из разновидностей песни; авторское стихотворение, положенное на музыку или рассчитанное на музыкальное исполнение. Кроме того, существует как один из жанров городского фольклора — «жестокий романс», например: «Ах, зачем эта ночь так была хороша...»

Сати́ра (от лат. — смесь, всякая всячина) — вид комического в искусстве; высмеивание определённых недостатков человека и общества, направленное на искоренение зла; например, в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина

высмеиваются и обличаются недостатки общественной жизни, людские пороки. В XVII—XIX вв. существовал самостоятельный литературный жанр сатиры, о чём подробнее мы поговорим в 7 и 8 классах.

Силла́бо-тони́ческое стихосложение (от греч. — слогуударное) — система стихосложения, построенная на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов, в зависимости от взаимного расположения которых выделяют силлабо-тонические размеры (*хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест*).

Сказ — принцип повествования, при котором рассказчик нарочито отделён от автора при помощи стиля речи — простонародного, иногда разговорного. Например, многие произведения Н.С. Лескова («Левша») и П.П. Бажова («Медной горы Хозяйка») принадлежат к жанру сказа. Если сказ используется в других жанрах, принято говорить о *сказовой манере повествования*.

Сказáние — общее наименование фольклорных и литературных повествовательных произведений исторического и легендарного характера, например древнерусское «Сказание о граде Китеже» или «Сказание о гордом Аггее» В.М. Гаршина.

Сравне́ние — сопоставление различных предметов, явлений, в результате которого обнаруживаются их сходства и различия. В словесном творчестве сравнение — художественный приём, при помощи которого автор создаёт образ, помогает нам представить то, о чём он говорит. Например: «В ней душа как ясный день» (В.А. Жуковский), «Сшиблися оба опять наподобие львов кровожадных / Или лесных кабанов, у которых немалая сила» (Гомер). *Отрицательное сравнение* — обратный приём, подчёркивающий какие-то черты описываемого предмета через отрицание: «Не ветер бушует над бором, / Не с гор побежали ручьи — / Мороз-воевода дозором / Обходит владенья свои» (Н.А. Некрасов).

Стиль (от греч. — палочка для письма) — совокупность художественных особенностей (образов, выразительных средств и приёмов) произведений конкретного автора или целой эпохи; языковое своеобразие текста произведения.

Стилиза́ция — художественный приём, когда писатель сознательно подражает стилю другого писателя, литературного направления, исторической эпохи, например «Песни о Стеньке Разине» А.С. Пушкина.

Строфа́ (от греч. — поворот) — единица стихотворения, группа стихов (строк), объединённых определённым способом рифмовки и отделённых друг от друга пробелом. Принято выделять следующие виды строф: *двустушие* (2 строки), *терцет* (3), *катрен* (4), *пентима* (5), *секстина* (6), *септима* (7), *октава* (8), *децима* (10), *сонет* и *онегинская строфа* (14).

Тради́ция (от лат. — передача, предание) — продолжение в жизни человека всего, что унаследовано от предков, что переходит от одного поколения к другому. *Литературная традиция* предполагает творческое использование

и освоение художественных достижений предшественников; таким образом, продуктивность традиции неразрывно связана с *новаторством*, без которого традиция вырождается в подражание и *эпигонство*.

Фа́була (от лат. — предание, сказка, басня, рассказ) — последовательность событий, нашедших отражение в произведении. Часто понимается как синоним сюжета. Иногда предлагается разграничить сюжет и фабулу с точки зрения их соответствия «реальной» хронологии событий: фабула — события в хронологической последовательности, сюжет — события в том порядке, в каком их изобразил автор. *Например*, в романе «Дубровский» фабула не совпадает с сюжетом: мы узнаём о том, как герой стал Дефоржем, уже после того, как «француз-учитель» исчезает из дома Троекурова.

Фанта́стика (от греч. — искусство воображать) — явное неправдоподобие; в словесном творчестве — изображение такого вымышленного мира, где преобладает чудесное, волшебное, такое, что не встречается в обыденной жизни, но существует в фантазии людей. Тем не менее, в отличие от волшебства, естественного для сказки, фантастическое в авторских произведениях, как правило, выглядит нарушением обычного хода вещей. Иногда фантастические события оказываются сном (*например*, в балладе В.А. Жуковского «Светлана»), иногда остаётся возможность их двойного истолкования (*например*, в балладе И.В. Гёте «Лесной царь» непонятно, действительно ли гонится за ездоком лесной царь или это привиделось ребёнку).

Фразеологизм (от греч. — выражение, слово) — устойчивый оборот речи, придающий ей образную или эмоциональную окраску; по происхождению фразеологизмы могут быть фольклорными (поговорки, пословицы), *например*: «Один в поле не воин» — и литературными (крылатые выражения, афоризмы), *например*: «А Васька слушает, да ест» (И.А. Крылов).

Хорей (от греч. — хор) — двусложный силлабо-тонический стихотворный размер (метр) с ударением на первом слоге стопы (схема — $\cup$), *например*: «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали» (В.А. Жуковский).

Художественные средства — общее наименование приёмов, используемых автором для достижения максимальной изобразительной и выразительной силы своего произведения (*например*, эпитет, сравнение, метафора, гротеск, антитеза, гипербола и др.).

Цикл (от греч. — круг) — группа произведений, сознательно объединённых автором на основе жанровой, тематической или сюжетной общности; часто в произведениях цикла присутствуют общие персонажи или один рассказчик, *например*, рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» входит в цикл «Записки охотника».

Частьюшка — фольклорный жанр — короткая (двустилишная или четверостишия) песня-куплет, предназначенная для исполнения под несложную пляску.

вую мелодию, н а п р и м е р: «Меня милый не целует, / Только обещается, / А любовь без поцелуев / Строго воспрещается!»

Эпиграмма (от греч. — надпись) — стихотворный жанр сатирического характера, остроумно высмеивающий конкретное лицо или общественное явление, н а п р и м е р: «Покойник Клит в раю не будет: / Творил он тяжкие грехи. / Пусть Бог дела его забудет, / Как свет забыл его стихи!» (эпиграмма А.С. Пушкина «На смерть стихотворца»).

Эпитет (от греч. — приложение) — образное определение, чаще всего содержащее в себе сравнение, что помогает лучше представить тот предмет, о котором идёт речь, н а п р и м е р: «И пришёл с грозой военной / **Трёхнедельный** удалец» (М.Ю. Лермонтов). «Сколько суток **полусонных**, / Сколько вёрст в пурге **слепой**» (А.Т. Твардовский). *Сложный эпитет* — эпитет, образованный соединением двух слов, н а п р и м е р: «**семикожный** щит», «**шлемоблещущий** Гектор», «**совоокая** Афина» (Гомер). *Постоянный эпитет* — устойчивое определение в фольклоре, н а п р и м е р: «**красное** солнце», «**ясный** месяц», «**белый** свет».

Эпос (от греч. — слово, повествование, рассказ) — 1) общее название древних героических народных сказаний, н а п р и м е р: «Песнь о Нибелунгах», «Олонхо», «Нарты», русские былины; 2) литературный род, предполагающий развёрнутое изображение событий и героев, внешних по отношению к автору. К эпическим жанрам относятся роман, новелла, сказка, легенда, рассказ, роман.

Ямб — двусложный силлабо-тонический стихотворный размер (метр) с ударением на втором слоге в стопе (схема $\cup$ —). Наиболее распространённый размер в русской поэзии — им написан, н а п р и м е р, роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Память слова	5
Праздники в народной культуре и их отражение в литературе	8
В.А. Жуковский	12
Светлана	17
К.П. Брюллов	23
И.А. Бунин	27
Подснежник	29
Мифы, легенды, предания народов мира	35
<i>Из зарубежной мифологии</i>	
Мифы Древней Греции	39
Олимп	39
Пан	40
Пан и Сиринга	42
Русские мифологические сказания	
О Доне Ивановиче и Шате Ивановиче	43
Вазуза и Волга	44
<i>Из фольклора народов России</i>	
О начале хлебопашества	45
Народные предания и легенды	48
Курганы-богатыри	49
Нравственные нормы и ценности, отражённые в легендах и преданиях	50
Чудо на мельнице	52
По следам мифов, народных легенд и преданий. Мифологические образы и сюжеты в литературе	55
И.В. Гёте	56
Лесной царь	57
Ф. Шуберт	59
<i>Для углублённого изучения</i>	
Г. Гейне	61
«Не знаю, что стало со мною...»	62
Лорелей	62
Н.В. Гоголь	63
Майская ночь, или Утопленница	65
И.С. Тургенев	104
Бежин луг	105

Н.А. Некрасов	133
Крестьянские дети	134
А.П. Платонов	145
Никита	146
Героический эпос	157
Гомер	161
«Илиада» и «Одиссея»	163
Сюжет и герои поэмы «Илиада»	167
Илиада (<i>Песнь седьмая</i>)	172
Поэтический мир «Илиады»	175
<i>Для углублённого изучения</i>	
Песнь о Нибелунгах	179
<i>Р. Вагнер</i>	183
Искусство древних сказителей	186
Былины — героический эпос русского народа	188
Былинный богатырь Илья Муромец	191
Илья Муромец и Соловей-разбойник	192
Историческая основа русского героического эпоса	205
<i>В.М. Васнецов</i>	209
Новгородские былины	212
<i>Н.А. Римский-Корсаков</i>	216
По следам былин.	
Героическое в русской литературе разных лет	221
М.Ю. Лермонтов	222
Два великана	224
Бородино	226
А.Т. Твардовский	233
Как создавалась «Книга про бойца»	235
Василий Тёркин (<i>Глава «Гармонь»</i>)	238
Необычные богатыри в литературе XX века:	
«Сын полка» В.П. Катаева	246
Размышляем о литературе вместе с героями книг	252
Эпос, лирика, драма — три рода литературы	252
<i>Беседа 1. Эпос и лирика.</i>	252
<i>Беседа 2. Драма.</i>	262
Прогулки без присмотра. Путешествие во времени	270
В. Скотт Айвенго (<i>Фрагмент</i>)	271
А.К. Толстой. Князь Серебряный (<i>Фрагмент</i>)	272
А.Н. Толстой. День Петра (<i>Фрагмент</i>)	273
Словарь литературных терминов	276

Учебное издание
ФГОС
Инновационная школа

Гулин Александр Вадимович
Романова Алёна Николаевна

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник для общеобразовательных организаций
В двух частях

Часть 1

Художественное оформление, макет — *Л.М. Ордынская*
Составление иллюстративного ряда — *А.В. Гулин, А.Н. Романова*
Подбор иллюстраций — *А.В. Гулин, А.Н. Романова, Н.Г. Ордынский*

Руководитель Филологического центра *Е.А. Рожнцева*

Редакторы *И.Л. Тимашева, О.О. Смирнова*

Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*

Корректоры *Г.А. Голубкова, Л.Н. Федосеева*

Вёрстка *И.В. Волченковой, Е.П. Бреславской*

Подписано в печать 23.12.21. Формат 70×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ.л. 21,06.
Тираж 1500 экз. Изд. № 02250_19. Заказ №

ISBN 978-5-533-02073-2

9

785533 020732

ООО «Русское слово — учебник».
115035, Москва, Овчинниковская наб., д. 20, стр. 2.
Тел.: (495) 969-24-54, 658-66-60
(отдел реализации и интернет-магазин).

Вы можете приобрести книги в интернет-магазине:
www.russkoe-slovo.ru e-mail: zakaz@russlo.ru